

А.А. Кузнецов, А.В. Морохин

Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени

УДК 94(47).045

Кузнецов А.А., Морохин А.В. Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени

Рецензенты:

Д.В. Лисейцев (д.и.н., Институт Российской истории РАН)

А.А. Селин (д.и.н., Высшая школа экономики (Санкт-Петербург))

В данном пособии представлен опыт историографического обобщения подходов, исследований, взглядов, оценок ополчения 1611–1612 гг., образованного в Нижнем Новгороде по кличу Минина. В обзоре представлены летописи, отдельные публицистические произведения, научные труды и визуальные источники, связанные темой ополчения Минина и Пожарского за 400 лет. Пособие рекомендуется для использования в учебных курсах: «История России» и «Историография».

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Оглавление

Предисловие.....	3
Историография проблемы ополчения 1611–1612 гг. в контексте изучения истории Смутного времени	10
Выводы.....	94
Приложение 1.....	101
ПРИМЕЧАНИЯ	118
Приложение 2.....	122
ПРИМЕЧАНИЯ	130
Приложение 3.....	132

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Предисловие

За последние двадцать лет Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского в историографии, кроме прочего, ассоциируется как крупный академический центр изучения истории Смутного времени. Причина этому – конференция и сборник ее научных работ и трудов «Мининские чтения», которые достаточно быстро прошли путь от городского уровня к масштабу международных научных мероприятий. Они собирают под своей эгидой специалистов по истории Смутного времени из России, Франции, Польши и Украины. Инициативная группа «Мининских чтений», составленная из историков Нижегородского госуниверситета, была признана и на региональном уровне. В 2012 г. редакционная коллегия сборников научных трудов «Мининские чтения» была удостоена Премии города Нижнего Новгорода.

При том, что «Мининские чтения» находятся в историографическом main-stream(e), с которым сейчас связываются, без преувеличения, тектонические сдвиги в изучении Смутного времени, их результаты практически не воплощаются в преподавательских практиках в аудитории студентов-историков Нижегородского государственного университета. Такая ситуация стала нетерпимой после принятия в университете важного программного документа «СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. Лобачевского – НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА до 2020 года». В этом документе упор сделан на «треугольник знаний», подразумевающий триединую функции развития образования, науки и инноваций. Развитие исторической науки в формате «Мининских чтений» имело прикладное значение в рамках разработки проектов областной исторической политики, но пока слабо конвертируется в образовательный процесс, в практики преподавания на уровне современного знания о прошлом истории России, истории Нижнего Новгорода и Нижегородского края, источниковедения и историографии. Данное пособие нацелено на исправление этого изъяна, на сокращение дистанции между получением современного научного исторического продукта и его внедрением в подготовку высококвалифицированных гуманитариев Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Пособие надо предварить рядом замечаний. Его авторы, имеющие опыт исследования феномена нижегородского ополчения 1611–1612 гг., не разделяют популярного тезиса об исключительной роли ополчения Минина и Пожарского в преодолении Смуты. Это яркое и замечательное событие находится в ряду-потоке не менее важных фактов самоотверженности, самопожертвования и самоотречения наших предков в деле преодоления Смуты. Вот их отнюдь не полный список: оборона от тушинцев Троице-Сергиева монастыря, «Смоленское сидение», полководческий талант Скопина-Шуйского, обреченный на поражение порыв Первого ополчения под руководством П.П. Ляпунова, военно-политическая деятельность «Совета всея земли» в Ярославле 1612 г., упорное нежелание новгородцев уйти под власть шведской короны, поступок Ивана Сусанина и героизм защитников Москвы в 1618 г... Без предшествующих проявлений героизма и политической мудрости подвиг ополчения Минина и Пожарского не состоялся бы, а без последующих – он был бы лишен смысла.

С учетом этих соображений нелепыми и кощунственными выглядят в современной России попытки присвоить великую победу России в Смуте. Нижегородское население в исторической публицистике являет собой микромодель поднимавшейся в 1611 г. национально-освободительной волны. Подобно нижегородцам, жители других городов и разноязыких земель России вливались в поток освободительной борьбы. Такая установка, унаследованная от историографии императорской России, ныне оказывается несостоятельной, если соотносить её с добротнo изученными эпизодами истории Смутного времени. В политическом смысле «Подвиг нижегородского Ополчения» становится высшей точкой преодоления Смутного времени, в некотором смысле обесценивая другие героические эпизоды самопожертвования. В современных условиях обретения локально-исторической идентичности данный подход ведет к войне «местных историй» Смутного времени, постыдному дележу славы великих предков, которые, своей деятельностью превозмогая региональные интересы, объективно действовали во имя России, восстановления стабильности и порядка. Чего стоила спорадическая дискуссия между ярославцами и нижегородцами в 2009–2012 гг. по поводу того, чей город стал очагом ополчения! Понятно, что так подрывается основополагающая политическая идея и социокультурная миссия Праздника 4 ноября.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

С научной точки зрения, сформировавшийся в XIX – начале XX в. исторический нарратив об ополчении Минина и Пожарского с его патриотическим пафосом, подогреваемым политическим интересом, мешает постижению сложного, многомерного, полилинейного и драматического феномена Смутного времени. Опять-таки можно вспомнить, что совсем недавно инициатива ряда историков празднования в 2012 г. 400-летия преодоления Смутного времени вызвала, увы, ненаучную дискуссию. При согласии на это предложение из контекста Смутной эпохи выводились неоднозначные события на Северо-Западе России, борьба Михаила Романова с возможными претендентами на престол, в конце концов, борьба за Москву в 1618 г. и пр. Сама научная история Нижнего Новгорода начала XVII в., ополчения, чья история началась в его стенах, «растворяется» в представлениях историков и публицистов XIX–начала XX в. Уже отмечалось, что историография роли Нижнего Новгорода в Смутное время, пожалуй, сейчас переживает свое развитие после почти вековой стагнации. Один из ее спорных вопросов мы и хотим представить в учебный процесс студентов-историков Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

В силу того, что военным ядром ополчения, созданного в Нижнем Новгороде, стали смоленские дворяне, что туда же вошли и служилые татары, и мордва, то более корректным ополчение обозначать по времени действия – в 1611–1612 гг. или называть по имени его лидеров – Минина и Пожарского. Авторы пособия постарались уйти от некорректной практики вместо имени Минина – *Кузьма* – ставить инициал К. С учетом того, что Минин – это отчество-фамилия, то употребление инициала имени вместе с ним нелепо. Поэтому в пособии, кроме цитат, великий нижегородец именуется *Кузьма Минин* или *Минин*.

Жанр историографического исследования позволяет ограничиваться указанием исследуемой литературы в сносках, без создания библиографии проблемы. Этому должна быть посвящена отдельная работа. Последним по времени примером библиографии ополчения Минина и Пожарского является список научной и художественной литературы, составленный А.Н. Свободовым и Н.Ф. Ржигой в далеком и грозном 1943 году (см. ниже). Рассматривая историографию ополчения Минина и Пожарского в контексте историогра-

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

фии Смутного времени, естественно обращение к проблемам общероссийского масштаба, связанным с вопросами изучения феномена общественной инициативы 1611–1612 гг.

В пособии авторы стремились воплотить те продуктивные методики, которые ныне используются в историографии. Как им кажется, они построили текст по лекалам старого, доброго жанра «историографии проблемы», прибегая в ряде случаев к практикам нарратологии, новациям источниковедения историографии.

Под «нарративом» в пособии понимается повествование, в природе которого изначально присутствует объяснение смысла событий, их последовательности и причинно-логических связей от начальной до окончательной стадии произошедшего изменения¹. Такой подход не противоречит взглядам Ю.М. Лотмана на функции текста. Творческая функция любого, в нашем случае – историографического, текста обусловлена тем, что любая «осуществляющая весь набор семиотических возможностей система не только передает готовые сообщения, но и служит генератором новых»². Кроме тех аспектов, что предложил Ю.М. Лотман (например, комбинации переводимости – непередаваемости), аргументируя неотъемлемость от текста этой функции, укажем, что в историографии «готовое сообщение» того или иного историка генерирует его встраивание как фундамента или связующего звена в дальнейшее предложение новых идей, истолкований источников. Историография ополчения 1611–1612 гг., родившегося в Нижнем Новгороде по призыву Минина, демонстрирует это в полной мере. Функция памяти, присущая тексту, означает, что последний «обладает способностью сохранять память о своих предшествующих контекстах»³. В любом профессиональном историографическом исследовании функция памяти подтверждает сама себя.

Идеи нарратологии и семиотики позволяют сделать проницаемой границу между академическими текстами по истории и сведениями исторических источников и выстроить их в одну линию преемственности от вторых к первым. Применительно к историографии возвышения Москвы и образова-

¹ См. со ссылкой на работу А. Данто: *Толочко А.П.* История Российская Василия Татищева: источники и известия. М.–Киев, 2005. С. 254–255. См. также: *Шмидт В.* Нарратология. М., 2003.

² *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров // *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2010. С. 158.

³ Там же. С. 162.

ния Российского государства это заметил еще П.Н. Милюков: «Когда ... русская историография начала постепенно осиливать свои источники, – источники эти встретили исследователя со своим, готовым взглядом, сложившимся веками. Не мудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела исследователя по проторенным путям и складывала для него исторические факты в те же ряды, в какие эти факты уложились в свое время в умах современников. Таким образом, исследователь воображал делать открытия, осмысливать историю, а в сущности он шел на помочах наших философов XV и XVI столетия»⁴. Правда, П.Н. Милюков писал о бессознательном восприятии историками сознательно созданной историософской модели. Не случайно ее авторов он называет философами. Между тем, одним из положений нарратологии является то, что в любом тексте изначально присутствует объяснение (креативная (творческая) функция текста). Его-то смысл и воспринимает исследователь, считая, что в отличие от повествователя, описателя прошлого, он объясняет. На самом деле, исследователь актуализирует те смыслы, которые ему были предоставлены нарративным источником. Так «включается» функция памяти текста.

Историография ополчения Минина и Пожарского демонстрирует справедливость подобных наблюдений. Особенностью историографии данной проблемы является дефицит источников. Он толкал и толкает исследователей к приращению смысла сведений текстов XVII в., которым, за редким исключением, оказывается полное доверие. Зияющие лакуны были заполнены любителями истории XVIII–XIX вв. Они предлагали свои объяснения, облекая их в одежды источников либо не утруждая читателей указанием на то, что тот или иной «факт» есть продукт самого автора. Среди таких поставщиков «исторической информации, надо назвать П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Ему немало посвящено строк в пособии. Кроме них, авторы пособия посчитали целесообразным поместить в Приложения свое исследование о формировании образа Кузьмы Минина как «спасителя Отечества». Он сложился, благодаря усилиям автора романов «В лесах», «На горах». Кроме того, из исследования следует, что формирование образа Минина – «спасителя Отечества» тесно связано с другими проблемами биографии историче-

⁴ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Т. I. М., 1898. С. 204.

ского героя начала XVII в. – локализациями жительства, выступления и погребения(й). В исследовании доказываемся источниковедческая несостоятельность ряда положений П.И. Мельникова.

Им, а также ряду построений других нижегородских краеведов, «большая», т.е. академическая наука относилась доверием, поскольку в ее распоряжении было мало источников. А еще одной причиной доверия было то, что профессиональные историки считали, что нижегородское происхождение авторов этих «фактов» нижегородской истории удостоверяет их уникальность и достоверность. Таким образом, нижегородская краеведческая традиция представляет собой «мостик» между источниками и рассуждениями историков в отношении ополчения Минина и Пожарского. Представителям этого племени (в XVIII в. представители нижегородского духовенства, а в XIX в., кроме Мельникова-Печерского, – Н.И. Храмцовский, А.С. Гациский и др.) были присущи особенности и позднесредневековой нарративистики – дополнения источников, и академический стиль российской исторической науки XIX в.

Указанный выше минимум источников по проблеме истории ополчения 1611–1612 гг. вынуждал ученых выбирать и соединять удобные сведения, закрывая глаза на их противоречивость, игнорируя нестыковки. Поэтому в истории исторической науки та или иная проблема может выявляться путем констатации ранее не замечаемого противоречия. Применительно к проблематике данного пособия такой проблемой стала речь Кузьмы Минина, вернее, ее содержание. И в этом случае авторы пособия поместили в Приложения свою работу, опубликованную ранее. Из нее следует, что сама по себе такая постановка проблемы позволяет приблизиться к ее решению.

Из рассуждений Ю.М. Лотмана, которые востребованы современной историографией, изучающей формирование исторического знания, востребована идея об иконическом тексте, воплощающемся в произведении изобразительного искусства. В формировании представлений о прошлом – в обществе и даже в профессиональном сообществе историков – «несловесному тексту... приписываются черты словесного». А потому несловесный текст исторической живописи, скульптуры, барельефа и пр. участвуют на равных в мемориальных практиках и утверждении весьма конкретного – с точки зрения времени и места – факта в историческом знании. Поэтому «текст, воспринимаемый наивным сознанием как безусловный, должен быть осознан в его

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

знаковой условности»⁵. Прикладное применение этих идей представлено исследованием одного из авторов «знаковой условности» известной картины К.Е. Маковского «Воззвание Минина».

Сложное, запутанное состояние историографии ополчения Минина и Пожарского и связанной с ней проблематики обусловлено крайней степенью политизации и идеологизированностью данной тематики. Ни один политический режим в нашей стране, начиная с XVIII в. не мог равнодушно отставить в сторону сюжет российской истории, связанный с народной инициативой по преодолению социокультурного кризиса, утверждению новой династии и борьбы с польско-литовскими интервентами. Данный текст относится к числу рассказов, которые укрепляют идентичность «мы-группы», которые, так или иначе, представляют на обозрение Минина, Пожарского и ополчение 1611–1612 гг., дабы дистанцироваться от «они-групп»⁶. На протяжении долгого времени Минин, ополчение становились политическим и культурным достоянием Российской империи в XIX в., в советское время – после 1934 г., в России после 1991 г. Их востребованность настолько велика, что татарская община Нижнего Новгорода стала транслировать идею о татарском происхождении Минина – без ссылок на источники. И здесь наблюдается пример того, как это «сведение» было воспринято с доверием, поскольку оно шло из Нижнего Новгорода. И в данном случае в Приложении перепубликуется статья Ф.А. Дорофеева, посвященная разоблачению мистификации о Кузьме Минине – Кирише Миннибаеве.

Политический заказ – это не только прокрустово ложе, подламывающее живой исторический материал, но и, в определенном смысле, оправдание прикладной значимости исторического знания. Примером тому является научное обоснование заявки на присвоение Нижнему Новгороду звания «Город воинской славы», помещенное также в приложение. В этом экспертном заключении, конечно, много внимания отводится событиям Смутного времени.

⁵ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров... С. 195.

⁶ Обоснование категорий «мы-группа» и «они-группа» см.: Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 14–20.

Историография проблемы ополчения 1611–1612 гг. в контексте изучения истории Смутного времени

Историография Нижнего Новгорода в Смутное время и действий ополчения, сформированного в Нижнем Новгороде в 1611 г. и освободившего Москву осенью 1612 г., неотделима от всей историографии Смутного времени. Эти сюжеты прописывались историками в контексте истории Смутного времени. Даже нижегородские любители древностей всех поколений рассматривали деяния нижегородцев, Минина и Пожарского, ополченцев в связи с преодолением социокультурного, политического кризиса в России начала XVII в. и со спасением страны, судьбоносным утверждением новой династии и изгнанием интервентов. Общее место в постижении Смуты – представление нарратива об Ополчении Минина и Пожарского, его связь с Нижним Новгородом – как нам кажется, заслонило надолго целый ряд проблем, требующих исследования. Эти вопросы будут представлены в заключении этого текста.

Тенденция последних десятилетий, связанная с нарратологией, устремляет исследователей прошлого к сложной ситуации стирания грани между письменным источником и собственно познавательным текстом о том или ином событии. В силу данной тенденции источники, которые были представлены в знаменитом сборнике Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, составленной при участии С.Ф. Платонова и его коллег в 1907–1911 гг., уже можно отнести к историческим нарративам. Но мы же останемся на традиционной позиции составителей того издания и не будем рассматривать их в этом исследовании.

Источниковые сведения о призыве Минина можно отнести и к историографии, поскольку они составлялись достаточно поздно. Речь нижегородского земского старосты известна по нескольким источникам. Так, в «Повести о победах Московского государства», созданной в конце 1620-х–начале 1630-х гг.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

указывается, что Минин предложил пригласить в Нижний Новгород смоленских дворян и детей боярских, находившихся в то время под Арзамасом: «Лутче бо есть нам имения своя им отдать, а самим от иноверных поругания свободным бытии, и в вере правой житии... нежели от иноверных наития и разорения на себе ждати, и себе, и жены, и детей своих неволею отстати»⁷.

Другой текст воззвания Минина читается в «Новом летописце», как считается, созданном в окружении патриарха Филарета в 1630 г.⁸. Согласно этому памятнику, Минин изрек: «Будет нам похотеть помочи Московскому государству, ибо нам не пожелети животов своих; да не токмо животов своих, ино не пожелеть и дворы свои продавать и жены и дети закладывать и бити челом, хто бы вступился за истинную православную веру и был бы у нас начальником»⁹. По наблюдениям В.Г. Вовиной-Лебедевой, начальные фразы речи Минина «были, возможно, приписаны позднее к рассказу о Пожарском, чтобы немного усилить роль Минина»¹⁰.

Третий вариант речи земского старосты содержится в «Книге о чудесах преподобного Сергия», составленной монахом Троице-Сергиевой лавры Симоном Азарьиным в середине XVII в. В сочинении говорится: «Козьма... глаголя перед всеми в земской земской избе и идеже аще обреташеся со слезами плача и рыдая: Московское, рече, государство и прочие гради большия и меньшия все разорени быша от безбожных, и людие благороднии от вельмож и до простых все посечени быша, жены их и дщери пред лицом их опозорени и в плен ведоми быша, и не мочно тоя беды изглаголити. Яко же слышим, и ныне Москва и прочие гради одержими от еретик, одолеша погани мало не всю землю Русскую. Толико благодатию Божию град наш един Богом храним, и пребываем яко в безбоязнении; а враги наши Поляки и Литва, с ними ж и Рустии крестопреступники, яко свирепии волцы, зияюще усты своими, хотяще

⁷ Повесть о победах Московского государства. Л., 1982. С. 29–30. О времени создания этого памятника см.: Енин Г.П. Повесть о победах Московского государства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 3 (XVII век). Часть 3. СПб., 1998. С. 165.

⁸ Солодкин Я.Г. Летописец Новый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 3 (XVII век). Часть 2. СПб., 1993. С. 258.

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. XIV. М., 1965. С. 116.

¹⁰ Вовина-Лебедева В.Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 306.

разхитити нас, яко овца, неимущих пастыря, и град наш разорению предати; мы же о сем ни мало пекущееся и промыслу не чиним»¹¹.

Еще один вариант косвенно читается в сообщении Пискаревского летописца: «И неким смотрением Божиим лета 7120-го в Нижнем Новеграде некий торговой человек от простых людей, имянем Козьма, прозвище Минин, смышлен и язычен. И почал советовати с своею братьею с нижегородцы з гостями и с торговыми людьми, и со всякими: како бы им пособити Московскому государьству»¹².

Все версии «мининского призыва» были созданы через несколько десятилетий после описываемых событий и разнятся между собой. Это обстоятельство вызывает сомнения в их достоверности. Между тем, источник информации, зафиксированной в летописных памятниках, определяется в грамотах, рассылавшихся руководством Второго ополчения в российские города с призывом поддержать инициативу Нижнего Новгорода. Так, в одной из грамот начала 1612 г. писалось, что «всякие люди Нижнего Новгорода, посоветовав меж себя, приговорили животы свои и дома с ними (смолянами, дорогобужанами, вязьмичами – *авт.*) разделить, жалованье им и подмогу дати». В другой грамоте, отправленной в Яренск 4 октября 1612 г., отмечалось, что жители Нижнего Новгорода «сами себя ни в чем не пощадили»¹³. В окружной грамоте Д.М. Пожарского, датированной июнем 1612 г., также говорилось, что «в Нижнем Новеграде гости и посадские люди и выборный человек Косма Минин, ревнуя пользе, не пощадя своего имени, учали ратных людей сподоблять денежным жалованьем...»¹⁴. Вероятнее всего, сведения о призыве Кузьмы Минина к нижегородцам, содержащиеся в летописных памятниках, и в первую очередь – в «Новом летописце», были собраны и соединены в нарратив историком XVIII в. И.И. Голиковым. Благодаря ему, «речь» Минина получила «пу-

¹¹ Азарьин С. Книга о чудесах преподобного Сергия // Памятники древней письменности. Выпуск 70. СПб., 1888. С. 34–35. О времени написания сочинения см.: Платонов С.Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 378.

¹² Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XXXIV. М., 1978. С. 217.

¹³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии Наук (далее – ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. № 20 1. С. 339; №213 С. 272.

¹⁴ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной Коллегии Иностранных дел. Часть 2. М., 1819. № 281. С. 594.

тёвку» в общественную и научную жизнь и в дальнейшем стала популяризоваться и даже развиваться последующими поколениями историков¹⁵. Так широкой публике и стали известны призывы земского старосты Нижнего Новгорода: отдать последнюю рубашку на создание ополчения и заложить в случае необходимости жен и детей, хотя П.Г. Любомиров (см. ниже) справедливо считал эти ярко расписанные пожертвования поздней легендой.

Несомненно, патриотические настроения в Нижнем Новгороде начала XVII в. существовали, подогревались борьбой с теми, кто угрожал разграбить город и его обитателей, и отразились в некоторых источниках. Так, в «Повести о разорении Московского государства» говорится, что нижегородцы «воскорбеша душами, да никако одолеют Поляки и Литва православных и благодатию Божиею положиша межи собою совет благ: избраша мужа житием благоговейна посадцкого человека Козьму Минина, и собравше казну многу, и ратным людем начаша давати, на то же смотря и во всех градах казну собирающее и к Кузьме привозяще, и избраша воеводою себе благоизрядного боярина князь Дмитрея Михайловича Пожарского. И когда уже осия благодать Божия вся люди, подвигнушася вси отовсюду честныя люди, болярска и велможска роду, и дворяне, и дети боярския и всяких чинов люди, собравшася вси купно за едино, и бысть велико войско, Козма же им денги на корм дая комуждо по достоянию...»¹⁶.

Нижегородское летописание XVII в., сравнительно поздно озаботилось репрезентацией того феномена, которое сейчас часто называют Нижегородским подвигом. В Полной редакции «Нижегородского летописца», которая датируется 1680-ми гг.¹⁷, и в последующих редакциях, читается: «В лето 7120

¹⁵ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Изд. 2-е. Т. 12. М., 1840 С. 445; Ильинский Н. Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799 С. 21–22.; Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьме Минину. СПб., 1807. С. 11; Львов П. Пожарской и Минин, Спасители Отечества. СПб., 1810 С. 101–102; *Корецкий Ф.* Краткое изображение бессмертных подвигов нижегородскаго гражданина Козьмы Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарскаго, взятое из исторических преданий тогдашних времен. М., 1817. С. 42–44; *Малиновский А.Ф.* Биографические сведения о князе Димитрие Михайловиче Пожарском. М., 1817. С. 29–30; *Мельников П.И.* Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные записки, 1843 №7 С.32; *Глухарев И.* Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин. М., 1848 С. 98–100; *Чичагов Н.* Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. СПб., 1848 С. 70 и др.

¹⁶ Повесть о разорении Московского государства и всеа Российския земли // Чтения Общества истории древностей Российских. 1881. Кн. 2. Отд. 9. С. 38.

¹⁷ *Шайдакова М.Я.* Нижегородский летописец о нижегородском ополчении 1612 года // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 180.

году. В Нижней Новгород пришел князь Дмитриий Михайлович Пожарской, и в Нижнем нижегородские жители, всяких чинов люди, выбрали нижегородца посацкого человека добра Козму Минина в полк ко князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому. И в Нижнем Новгороде они собрали ратных людей много. И с посацких людей они имали пятую денгу ратным людям на жалованье. И собрали ратных людей из Нижнего к Москве для очищения Московского царства от литвы злых еретиков»¹⁸. Соотнесение этого сведения с известиями общерусских источников, в которых инициатива организации ополчения отдается либо нижегородцам, и Минину в частности (Пискаревский летописец, Новый летописец, Латухинская степенная книга и др.), либо грамотам Троице-Сергиевского монастыря, показывает его недостоверность. Очевидно, в основе этого мнения лежит переработанное и переосмысленное сведение из «Книги о новоявленных чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина¹⁹.

Чем же объяснить стремление неизвестного нижегородского автора не давать пальму первенства спасения отчизны своим землякам? Очевидно, проявлением народной инициативы нижегородцев в сборе денег. Упоминание о ней в последней трети XVII в., когда четко обозначилась эволюция монархии от сословно-представительной к абсолютной, когда власти страны только перевели дыхание после городских восстаний, когда был сбит первый и самый крупный всплеск массового сопротивления церковной реформе, когда большими усилиями и жертвами была остановлена крестьянская война Степана Разина, когда стрелецкие полки влияли на определение царей, было политически опасным. Кстати, восстание Степана Разина автор Нижегородского летописца называет «смутным временем», а самого предводителя «богоотступником, злоумышленником, воров». Поэтому-то, возможно, в Нижегородском летописце на первое место в организации ополчения поставлен князь Дмитрий Пожарский²⁰.

¹⁸ Тексты // Шайдакова М.Я. Нижегородские летописные памятники XVII в. Нижний Новгород, 2006. С. 158 (цитата отсюда), 175–176, 190, 204, 219, 232, 244, 254–255, 264.

¹⁹ Шайдакова М.Я. Нижегородский летописец о нижегородском ополчении 1612 года... С. 183.

²⁰ Шайдакова М.Я. Нижегородский летописец о нижегородском ополчении 1612 года... С. 182.

Более полно и детально история нижегородского ополчения представлена в монументальном памятнике нижегородской историографии – в Латухинской степенной книге 1676 г.²¹. Полноценное научное издание ее было начало поступательно осуществляться через 200 лет после ее обретения в Нижнем Новгороде великим Н.М. Карамзиным²². Источниками Тихона Макарьевского – создателя Латухинской степенной книги – по истории Смуты стали «Новый летописец», «Сказание Авраамия Палицына», «Хронограф» второй редакции, «Повесть 1606 г.» и др.

Нижегородское «измерение» Смуты в Латухинской степенной книге начинается с 1607 г.: «Нижний Новград в великой тесноте от воров был, но царю государю не изменил». Город был осажден мордвой Москова и Воркордина, к которой примкнули бортники, крестьяне и боярские холопы. Под Арзамас был послан воевода И.М. Воротынский, который взял этот город²³. О продолжении истории осады Нижнего Новгорода далее упоминаний нет. Уже под 1608 г. говорится, что Нижний Новгород, куда был сослан в тюрьму изменник князь Иван Троекуров²⁴, остался верен царю Василию Шуйскому²⁵. В 1609 г. нижегородцы, сделав вылазку, разбили тушинский отряд князя Семена Вяземского, которого повесили. Затем приступом взяли Балахну²⁶. После этого жители Балахны, Юрьевца, реки Решмы (нынешняя Ивановская область), Холуя и Гороховца начали воевать с тушинцами, а пленных – отправлять в Нижний Новгород²⁷. Положение Нижнего Новгорода, как центра ло-

²¹ Покровский Н.Н. Предисловие // Латухинская степенная книга. 1676 год. М., 2012. С. 13.

²² Он писал 14 января 1813 г. балахнинскому купцу Н.Я. Латухину: «Хотя и не имею чести знать Вас лично, но уверен, что Вы для общей пользы исполните мою просьбу. Прилагаю письмо от Вашего батюшки, который обещал доставить находящийся у Вас Новгородский Летописец писанный отчасти на пергаменте и весьма для меня любопытный: ибо мне, как Вам может быть известно, Государь Император поручил сочинение Российской истории. Крайне меня обяжете, если на первой же почте отправите ко мне эту рукопись в Нижний Новгород, на мое имя, в дом Степана Алексеевича Львова, а я вручу здесь Вашему батюшке, чего будет стоить пересылка» – см.: Письмо Н.М. Карамзина балахнинскому купцу Н.Я. Латухину (публ. Я.М. Хорошкина) // Эрстрём Э.Г. 1812 год. Путешествие из Москвы в Нижний Новгород. Нижний Новгород, 2013. С. 232.

²³ Латухинская степенная книга... С. 634.

²⁴ Там же. С. 640.

²⁵ Там же. С. 644.

²⁶ Там же. С. 645.

²⁷ Там же. С. 646.

яльных Василию Шуйских сил, упрочилось, когда туда пришел из-под Астрахани отряд Ф.И. Шереметева. Он способствовал возвращению Муромца под власть царя Василия и освободил Касимов²⁸.

Следующий раз в Латухинской степенной книге нижегородцы упомянуты в историческом для них акте организации ополчения. Она происходила под воздействием грамоты Троице-Сергиева монастыря. «Нижегородец именем Козма Минин, рекомый Сухорук, торговлю говедарь» призвал помочь «Московскому государству» – всё отдать в заклад, чтобы собрать ратных людей и найти воеводу. Нижегородцы решили бить челом Д.М. Пожарскому. Делегатами к нему отправились архимандрит Печерского монастыря «Мефодий или Феодосий» и «из всех чинов лучшие люди». Пожарский, опасаясь неповиновения нижегородцев воеводам, потребовал выбрать из посадских людей ответственного за сбор казны. Таким человеком оказался Минин, добившийся заключения приговора о закладе имущества, домов, жен и детей. Приговор был отослан Пожарскому. Тогда же в Нижний пришли челобитчики от смолян из-под Арзамаса, «чтобы их в Нижней приняли». Пожарский и смоляне одновременно прибыли в Нижний Новгород. Попытка Пожарского заручиться поддержкой Казани обернулась тем, что его посланник Биркин примкнул к Шульгину, узурпировавшему власть в городе²⁹. В походе ополчения и его боевых, хозяйственных и политических действиях Минин и Пожарский упомянуты «в связке»³⁰.

Можно констатировать, что в Латухинской степенной книге впервые представлен цельный нарратив о нижегородском ополчении. Только он долгое время был вне внимания историков. Как источник Латухинскую степенную книгу привлек Н.М. Карамзин, но его «История государства Российского» не доведена до 1611–1612 гг. Впервые «нижегородский текст» важного источника начали в исследованиях использовать С.Ф. Платонов и его ученик П.Г. Васенко³¹, хотя Латухинская степенная книга была известна уже

²⁸ Там же. С. 650, 651.

²⁹ Там же. С. 677–678.

³⁰ Там же. С. 678–684.

³¹ *Сиренов А.В.* Археографическое описание списков Латухинской Степенной книги // Латухинская степенная книга. 1676 год... С. 38–39.

В.Н. Татищеву³². В силу этих обстоятельств надо обозначить на будущее проблему влияния на штудии С.Ф. Платонова о Смуте идеологии и структуры повествования Латухинской степенной книги. Кроме того, на повестке дня стоит вопрос об источниках текста Латухинской книги о Смуте.

В XVIII в. сведения о нижегородском ополчении появляются на страницах работ историков. Прежде всего, среди них надо отметить тех, кто, так или иначе, был близок к Петру I, кто мог улавливать его интерес. Он же мог быть вызван проблемой идентификации первого российского императора в истории страны и династии. Естественно, проблема соотношения общества и власти в преодолении кризиса ставила вопрос о предназначении династии, утверждение которой не мыслится и сейчас без действий Ополчения Минина и Пожарского.

Дипломат А.И. Манкиев около 1715 г. составил «Ядро российской истории», в котором, опираясь на «Новый летописец», посвятил более 20-ти страниц Нижегородскому ополчению³³. Вслед за ним В.Н. Татищев коснулся событий 1611–1612 гг., используя тот же источник. Он отметил, что Минин, «видя [та]кое тяжкое Росискаго государства разорение и подлежащий страх к конечному падению, ревностию возгоревся» и обратился с призывом к нижегородцам. Его речь «толико всем военным, яко и гражданием полюбилась, что все единодушно согласовали, и не продолжая, написав приговор, чтоб все имения свои на помощь отечеству, под присягою, кто что имеет, отдать и сверх того дома, жен и детей закладывая, где можно деньги и запасы собрать», после чего отправили делегацию к князю Пожарскому, который, «забыв свою тяжкую рану, вспрынув с постели... со слезами, обьяв их, целовал и, верность их к отечеству похваляя, сказал, что он совсем на оное готов». После этого начался сбор ополчения³⁴.

Г.Ф. Миллер упоминал о «славном мещанине нижегородце Кузьме Минине» и его «великие услуги» царю Михаилу Федоровичу «при освобождении города Москвы от поляков» в своем сочинении «Известие о дворянех [Российских]». Учитывая тот факт, что Миллер точно указывал дату смерти Минина – 1616 г. (которую вторично «открыли» для себя нижегородские краеведы XIX в.), складывается впечатление, что он неплохо представлял себе

³² Сиренов А.В. Степенная книга: история текста. М., 2007. С. 315–316.

³³ Манкиев А.И. Ядро российской истории. М., 1770. С. 300–323.

³⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. VI. М., 1966. С. 356–364

политические события в России 1611–1612 гг. и массив источников³⁵. Не смог пройти мимо подвига нижегородцев и князь-историк М.М. Щербатов, считавший «достойною вечной хвалы» деятельность князя Д.М. Пожарского и Кузьмы Минина³⁶.

Одним из первых отечественных историков, давших достаточно подробное описание истории организации и деятельности Нижегородского ополчения 1612 г., был И.И. Голиков (1734–1801), автор фундаментального труда, посвященного эпохе Петра Великого. В XII-м томе «Деяний Петра Великого» им представлена история Смутного времени, которая по мысли автора, «весьма прилично назваться может Введением к Деяниям Петра Великого»³⁷. Опираясь на ряд источников, среди которых, в первую очередь, надо выделить Новый летописец, Голиков показал историю формирования ополчения. Главной причиной его создания названы патриотические настроения нижегородцев, среди которых и выделялся Кузьма Минин. Он характеризовался историком как человек «безпредельною любовью к отечеству пламенеющий». Другой лидер ополчения – князь Д.М. Пожарский, также представлен историком как деятель, «который толико уже оказал опытов любви своея к отечеству, твердости и храбрости в защищении его»³⁸. Всю историю ополчения Голиков дал с опорой на сюжетную и фактическую канву Нового летописца³⁹. Надо констатировать, что И.И. Голиков стал одним из тех, кто заложил «патриотическую» традицию освещения истории ополчения под предводительством Минина и Пожарского.

И.И. Голиков заложил основы сюжета о поклонении Петра I могиле Кузьмы Минина в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода в 1722 г.⁴⁰.

³⁵ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. Подробнее см.: Каменский А.Б. История создания и публикация книги Г.Ф. Миллера «Известие о дворянх российских» // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1992. С. 164–172.

³⁶ Щербатов М.М. Краткая повесть о бывших в России самозванцах. СПб., 1793. С.157.

³⁷ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. XII. М., 1840. С. 8

³⁸ Там же. С. 443, 444

³⁹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России... С. 443–486.

⁴⁰ Голиков И.И. Дополнение к деяниям Петра Великого. Т. 2. М., 1790. С. 383–384. Об этом см. подробнее: Морохин А.В., Кузнецов А.А. «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Н.Новгород, 2011. С. 186–206.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Последующие поколения историков рассматривали историю ополчения в духе традиции внимания к его лидерам. Особенно ярко это проявилось в отношении работ историков конца XVIII–начала XIX в. Авторы, писавшие о Минине и Пожарском и ополчении, довольно близко держались изложения Голиковым этих сюжетов, трактовавшихся все в том же патриотическом духе⁴¹. Особенно важен из плеяды этих авторов, порой и анонимных, Н. Ильинский. Движимый интересом к Минину и вдохновленный сочинениями И.И. Голикова, он вынудил «найти» в Спасо-Преображенском соборе Нижнего Новгорода погребение Минина и создать над ним памятник⁴². Так знание истории воплотилось в практическое создание «места памяти», связанное с Мининим.

Возрастание интереса к личностям Минина и Пожарского, во-многом, было обусловлено реалиями внешней политики России начала XIX в., связанными с войнами России с наполеоновской Францией. Правда, еще в 1802 г. в дополнительных статьях Устава Академии художеств была провозглашена идея о прославлении «великих людей, заслуживших благодарность Отечества»⁴³. И первым на этот призыв откликнулся Н.М. Карамзин, уже тогда в чине «придворного историографа» работавший над «Историей государства Российского». Он писал в номере 24 «Вестника Европы» того же 1802 г.: «В Нижнем Новгороде глаза мои ищут статуи Минина, который, положив одну руку на сердце, указывает другою на Московскую дорогу. Мысль, что в русском отдаленном от столицы городе дети граждан будут собираться вокруг монумента славы, читать надписи и говорить о делах предков, радуется мое сердце». И как прогноз читаются следующие строки историка и литератора: «Мне кажется я вижу, как народная гордость и славолюбие возрастают в России с новыми поколениями»⁴⁴.

⁴¹ *Ильинский Н.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799 (это произведение считается первым исследованием, посвященным биографии Минина); Россиянин при гробе Кузьмы Минина. М., 1803; Похвальное слово князю Пожарскому и Кузьме Минину. СПб., 1807; *Львов П.* Пожарский и Минин, Спасители Отечества. СПб., 1810.

⁴² *Храмцовский Н.И.* История и описание Нижнего Новгорода. Н.Новгород, 1998. С. 152. См. также: *Кузнецов А.А.* Погребение Кузьмы Минина: вопросы остаются // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2012. С. 171–177.

⁴³ *Маршева И.В.* Кузьма Минин в русском изобразительном искусстве // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 238.

⁴⁴ *Карамзин Н.М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств // *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 113.

Последняя фраза касалась всего сонма героев, затронутых в статье, но всё же следовала после упоминания Минина и Пожарского. И в данном смысле она оказалась пророческой. Предполагается, что публикация этой статьи способствовала началу работ Мартоса в 1803 г. над знаменитым памятником Минину и Пожарскому, который по первоначальному замыслу должен был быть установлен в Нижнем Новгороде⁴⁵. Реплика этого памятника, установленная в Нижнем Новгороде в 2005 г. на месте, которое художник К.Е. Маковский утвердил локусом призыва Минина, утверждена так, что последний «указывает другою» рукой на Балахну, т.е. на пункт маршрута ополчения. Последнее обстоятельство тоже весьма примечательно. Московская дорога, о которой упомянул Н.М. Карамзин, не совпадала с маршрутом ополчения Минина и Пожарского. Оно шло из Нижнего Новгорода через Балахну вверх по Волге – к северу на Ярославль, откуда уже повернуло к югу на Москву. А Московская дорога из Нижнего Новгорода до 1860-х гг. шла по правому берегу Оки либо до Горбатова, где следовала переправа на Гороховец, либо до переправы у Муром; от этих городов надо было ехать на Владимир, далее – на Москву⁴⁶.

Поражение под Аустерлицем усилило в российском обществе воинственные настроения и критику Наполеона. Время, последовавшее после разгрома русских войск под Аустерлицем в 1805 г. и до заключения Тильзитского мира 1807 г. отмечено небывалым интересом любителей российской словесности к сюжетам, связанным с ополчением Минина и Пожарского. Во-первых, полным ходом уже шла подготовка юбилея воцарения Романовых, что привело к тому, что уже в 1806–1807 гг. освобождение Москвы от поляков в 1612 г. и воцарение династии Романовых начинают восприниматься в российском обществе важнейшими событиями российской истории. Неотъемлемыми персонажами в утверждении Романовых на троне были Минин и Пожарский. Во-вторых, «разделы Польши привлекли внимание русской публики к сюжетам, связанным с окончанием Смутного времени: ополчению

⁴⁵ Смирнов А.Ф. Комментарии // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма... С. 286. Прим. 2.

⁴⁶ Кирьянов И.А. Сухопутные связи Нижнего Новгорода с Москвой (до 60-х гг. XIX в.) // Записки краеведов. Очерки. Статьи. Воспоминания. Документы. Хроника. Горький, 1983. С. 40–46.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Минина и Пожарского, освобождению Москвы избранию на царство Михаила Федоровича Романова»⁴⁷.

В-третьих, это оживление внимания к ополчению Минина и Пожарского «заработало» в условиях общественной растерянности в период от Аустерлица до Тильзита. А. Зорин отметил, что «история освобождения Москвы в 1612 г. как нельзя лучше отвечала тем схемам идеологического строительства, которые выдвигала ситуация тех лет. Прежде всего, она давала разгромленной в Аустерлицком сражении России необходимую историческую перспективу. Некогда униженная и почти покоренная поляками, Россия теперь господствовала над враждебным народом»⁴⁸.

В 1806 г. было написано и спустя два года опубликовано «историческое представление» Г.Р. Державина «Пожарский», в 1807 г. одна за другой выходят в свет поэмы С. Глинки «Пожарский и Минин», С. Ширинского-Шихматова «Пожарский, Минин, Гермоген или Спасенная Россия», трагедия М. Крюковского «Пожарский»⁴⁹. В этих произведениях поднимались и утверждались ценности жертвы на алтарь Отечества, в ходе которой рождался народ-победитель, спасения России при исключительной опоре на народное единство и национальные традиции, морального триумфа лидеров ополчения⁵⁰. Это художественно-литературное освоение подвига ополчения, Минина и Пожарского оказало огромное влияние на историографию и даже истолкование ее представителями источников, доходящее до продуцирования внеисточникового знания.

В том же – 1807 – году был объявлен конкурс на памятник Минину и Пожарскому, итогом которого, в конце концов, стал монумент И.П. Мартоса. Изначально в основе замысла памятника И.П. Мартоса лежала другая идея – готовившийся в 1803–1809 гг. юбилей 200-летия правившей династии Романовых. Однако тогда же появился рисунок Г.И. Угрюмова «Минин взывает к князю Пожарскому о спасении Отечества». Рисунок, выполненный в стиле

⁴⁷ Зорин А. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 159.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Зорин А. «Бескровная победа» князя Пожарского (События Смутного времени в русской литературе 1806–1807 гг.) // Новое литературное обозрение. 1999. № 38. С. 111–128; Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 173.

⁴⁹ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 159.

⁵⁰ Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 173–186.

классицизма, интересен тем, что «изображен тот же момент, что и в окончательном варианте Мартоса»⁵¹.

Внимание к тематике Минин-Пожарский-ополчение проявлялся и после 1807 г., поскольку в сознании тогдашнего русского общества «между Польшей и Францией существовала... метонимическая связь, основанная на географическом положении относительно России, религиозной общности, а также факторах историко-политического характера»⁵². Поэтому во Франции видели главного соперника России по решению польского вопроса, а в Варшавских восстаниях 1791 г. и 1794 г. – проявление французского революционного духа. Кроме того, приближение Наполеона к России воспринималось в ней как угроза восстановления польской государственности, а потому в поляках видели потенциальных предателей и врагов России⁵³.

Интерес к Минину и Пожарскому становится еще более заметным по мере роста предчувствий решающей войны с Бонапартом и в ее ходе. В манифесте императора Александра I «О сборе внутри государства земского ополчения» (от 6 июля 1812 г.) содержались слова: «Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина». Первоначальный вариант создания народного ополчения в России 1812 г., о котором упоминал С.Н. Глинка, был таков: центром ополчения, как и в 1611 г., виделся Нижний Новгород, туда должны были стекаться отряды из других городов и единой силой «мининскими путями» идти на Москву⁵⁴. В стихотворении неизвестного нижегородского автора, написанного под влиянием манифеста от 6 июля 1812 г., и ставшего маршем нижегородского ополчения, есть примечательные строки:

Внимая гласу воли царской,
Страшиться ль вражьих нам угроз? —
Не всяк ли тот из нас *Пожарской*,
Кто духом, сердцем, чувством росс?

⁵¹ *Маршева И.В.* Кузьма Минин в русском изобразительном искусстве // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С. 240.

⁵² *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... С. 163.

⁵³ *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... С. 165.

⁵⁴ *Лушин А.Н.* Нижегородское народное ополчение в 1812–1814 годах. Урок российского патриотизма. Н. Новгород, 2010. С. 9.

Врагу там можно ль покориться,
Где щит Отечества в сердцах?
Здесь всё Отчизне посвятится!
Здесь *Минина* священный прах!⁵⁵

После победы над ним цикл произведений, посвященных освобождению Москвы в 1612 г., конечно, не иссяк⁵⁶. Надо согласиться с мнением: «Едва ли не единственным, но центральным памятником героям в XIX в. стал монумент Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве скульптора И. Мартоса, установленный в 1818 г.»⁵⁷. Тогда же появился ряд работ, посвященных лидерам ополчения. Среди них следует указать выдержанный в патриотическом духе труд Ф. Корецкого и работу известного московского архивиста и археографа А.Ф. Малиновского, посвященную Д.М. Пожарскому⁵⁸. И это не было просто совпадением: процессы визуализации в камне подвига Минина и Пожарского воздействовали на историографическую динамику.

А.Ф. Малиновский собирал сведения для биографии князя и в Нижнем Новгороде, куда во время нашествия Наполеона был эвакуирован из Москвы архивист. В обращении к Александру I в начале книги Малиновский прочувственно писал о Пожарском: «Да оживятся и подвиги его, в летописях смешено начертанные и ними доньше в единстве повествования не предложенными. Герою – Монарху, ублажающему заслуги Отечеству и за пределами гроба, жизнеописание Героя – гражданина с благоговением посвящаю». Малиновский дал подробные сведения о роде Д.М. Пожарского, в конце книги поместив поколенную роспись, подробно описал его службу при Василии Шуйском.

Историк использовал материалы из архива Коллегии Иностранных Дел – разрядные книги, окладную книгу 1604 г. Знаком он был и с сочинениями

⁵⁵ Военная песнь при получении высочайшего манифеста в Нижегородской губернии об ополчении на защиту Отечества. Июля 15 дня 1812 года. Впервые: Вестник Европы. 1812. Ч. LXV. № 17. С. 15–16. Подпись «К.-в»
Воспроизведено по тексту кн.: Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч.2. С. 35–36. Текст обнаружен в 2013 г. и введен в научный оборот профессором Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого В.А. Кошелевым

⁵⁶ *Горчаков Н.Д.* Минин и Пожарский, или освобождение Москвы, оратория в трех частях. М., 1817

⁵⁷ *Шенк Ф.Б.* Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 229. Прим. 149.

⁵⁸ *Малиновский А.Ф.* Биографические сведения о князе Димитрее Михайловиче Пожарском. М., 1817.

иностранных авторов-современников Смуты, в частности, с записками Маржерета (в которых, кстати, ни слова о Минине, ополчении Нижнего Новгорода, поскольку записки завершены ранее 1607 г.). Тем не менее, при опоре на документальные материалы работа А.Ф. Малиновского не лишена художественного вымысла. Например, автор так описывал въезд князя Пожарского в Нижний Новгород в 1611 г.: «Величавая осанка, быстрый взгляд и добродушие, в чертах лица его изображающееся, при безпорочном имени привлекали к нему народ. С радостными восклицаниями встретили его граждане...»⁵⁹. Оценка заслуг князя выражена следующими словами: «Благодать небесная ниспослала князя Пожарского, который избавил Россию от порабощения, утишил возмущения и восстановил благоденствие; а себе стяжал неувядаемый венец славы и во храме бессмертия подвиг свой увековечил. Доколе название России, спасенной князем Пожарским, пребудет на земном шаре знаемо, до тех пор и он послужит примером героизма, правоты и безкорыстной любви к Отечеству»⁶⁰.

Огромное влияние на «воспоминания» России XIX в. о Минине, Пожарском, Ополчении и избрании Михаила Романова на царство оказал «заказ», исходивший от Николая I. Сам «заказ» был обусловлен отчасти реакцией на восстание дворян-декабристов. Нарушителям корпоративной солидарности надо было противопоставить народные истоки монархии Романовых. Кроме того, Польскому восстанию 1830 г. надо было придать вид исторического возмездия. Поэтому Минин и Пожарский быстро стали достаточно популярными персонажами в учебниках по истории в Российской империи⁶¹. Они в царствование Николая I прочно обосновались в пантеоне национальных героев: «Важнейшими героями – победителями католиков были Минин, Пожарский и Иван Сусанин, персонажи Смутного времени, бывшие одновременно и антипольскими символами...»⁶².

В первой половине 1830-х гг. поход Минина и Пожарского на Москву и Земский собор 1613 г. были окончательно «канонизированы» как непреложный факт и превратились в своеобразное мифологическое начало российской

⁵⁹ Там же. С. 37.

⁶⁰ Там же. С. 109–110.

⁶¹ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти... С. 196–197.

⁶² Там же. С. 200.

государственности, связанной с Романовыми. Преемственность государственной идеологии 1830-х гг. по отношению к разработкам начала века была зафиксирована тем, что вновь выстроенный Александрийский театр открылся в 1832 г. постановкой М. Крюковского «Пожарский». 10 июля 1833 г. известный историк и литератор Н.А. Полевой выступил с публичной речью на выпускном вечере Московской практической коммерческой Академии, которая называлась «Козьма Минич Сухорукой, избранный от всея земли русския человек» и вскоре вышла отдельной брошюрой. В ней Н.А. Полевой, по его собственным словам, дал «простое изложение жизни Козьмы Минина»⁶³.

Нижегородцы отозвались на инициативы Николая I. «Еще в 1826 году нижегородский голова Ф.П. Переплетчиков, имевший счастье присутствовать при священном короновании... государя императора Николая Павловича, привез нижегородцам радостное известие, что государь обещался удостоить своим... посещением Нижний Новгород... Наконец в 1834 году... государь... вознамерился... обзреть... в том числе и Нижний Новгород... Октября 10... Николай I, как и великий прадед его первый император России, удостоил поклонением прах Минина, для чего изволил спускаться в склеп под Преображенский собор»; «Не прошло двух лет, как... приезд государя» повторился: «августа 15-го 1836 года Нижний Новгород опять увидел Державного Отца своего... При приеме..., прежде всех благоволил обратиться к нижегородскому голове Переплетчикову, как представителю купцов... и «сограждан знаменитейшего из это сословия Козьмы Минина»⁶⁴. Нижегородский купец Ф.П. Переплетчиков много сделал для роста популярности культа Минина в Нижнем Новгороде. Он трудился «для отыскания действительных потомков Кузьмы Минина и достоверных сведений о первоначальном месте погребения его. И он первый из нижегородских голов положил основание капиталу..., который... значится под наименованием Минин-

⁶³ Полевой Н.А. Козьма Минич Сухорукой, избранный от всея земли русския человек. М., 1833. С. 27.

⁶⁴ Храмовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 156, 157–158, 384, 385. См. также: Гациский А.С. Люди Нижегородского Поволжья // Гациский А.С. Последний летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 283–284.

ского... Цель... была, увеличив этот капитал, обосновать... богоугодное заведение под названием дома Минина»⁶⁵. Такое внимание Николая I к Нижнему Новгороду с акцентом на памяти о Минине сказалось в научном творчестве нижегородских краеведов XIX в.

Заметным событием в историографии истории Нижегородского ополчения 1612 г. в первой половине XIX в. стало появление работ историка-любителя П.И. Мельникова. Уже в 1843 г. он публикует на страницах журнала «Отечественные Записки» работу «Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время». Исследование П.И. Мельников построил на опубликованных источниках, к которым добавил «акты нижегородских присутственных мест», рукопись «одного протоиерея, писавшего в начале нынешнего века о Балахне, своей родине», которую историк получил благодаря благосклонности нижегородского епископа Иакова и «хронограф, принадлежавший когда-то... крестьянину Ельнину». Работа касалась не только личности и деятельности Минина, но и подробно освещала положение Нижнего Новгорода в годы Смуты, начиная со времен правления Василия Шуйского.

Историк дал подробную географическую и хозяйственную характеристику Нижегородского края. Остановился П.И. Мельников и на положении местного духовенства. Отмечая прямую зависимость нижегородской церковной корпорации от власти патриарха, он писал, что настоятели местного Печерского монастыря архимандриты Иоиль и Феодосий «побуждали нижегородцев к крепкому стоянию за царя праваго и за свободу московского государства». В работе детально представлены военные действия в Нижегородском уезде и окрест его, связанные с противостоянием сторонников царя Василия Шуйского и тушинцев⁶⁶. П.И. Мельников повествовал о создании нижегородского ополчения: «Россия не знала своих спасителей, и потому не могла положить на них твердой надежды, но при всем том Нижний спас отечество».

Важную роль в создании ополчения историк отвел местному духовенству и городским властям: «В Нижнем было всеобщее желание сражаться за

⁶⁵ Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего... С. 386. См. также: Гациский А.С. Люди Нижегородского Поволжья... С. 287.

⁶⁶ Мельников П.И. Нижний Новгород и нижегородцы в Смутное время // Отечественные Записки. 1843. №7. С. 1–12.

веру до последней капли крови. Это желание поддерживали особенно печерский архимандрит Феодосий и протопоп спасский Савва, Алябьев, бывший все еще воеводою, дьяк Семенов также возбуждали народ к восстанию». В конце 1611 г. в Нижнем Новгороде получили грамоту из Троице-Сергиевой лавры, в которой архимандрит Дионисий «умолял нижегородцев собрать последние силы и идти для очищения Москвы от неприятелей». Непосредственно же с призывом к нижегородцам спасти страну обратился староста Нижнего посада, мясник Козьма Минин Сухорукий, живший «в Благовещенской слободе, в приходе Иоанна Предтечи» и который был «известный своим соотчичам своею честностью и храбростью. Первую он оказывал по делам городовым, вторую во время походов Алябьева и Репнина [против тушинцев]»⁶⁷. Так П.И. Мельников подчеркивал, что Минин еще до организации Ополчения участвовал в борьбе с противниками законного царя Василия Шуйского, но не указал на источник этих сведений.

П.И. Мельников отмечал, что на собрании в доме воеводы Минин заявил, что к нему во сне явился святой Сергей Радонежский и «повелел возбудить уснувших». Затем состоялось знаменитое воззвание старосты к жителям Нижнего Новгорода, которое тот, вероятнее всего, сделал «на торгу в народном собрании, ибо дело это было народное». Минин «положил перед нижегородцами свое имение, монисы, пронизи и басмы жены своей Татьяны и даже серебряные и золотые оклады, бывшие на святых иконах. Нижегородцы, увлеченные примером Козьмы, стекались отовсюду и приносили последнее достояние свое на пользу общую»⁶⁸.

Второго лидера Нижегородского ополчения – князя Д.М. Пожарского, П.И. Мельников тесно связывал с Мининым. Он отмечал, что они были знакомы еще до организации ополчения. «Нижегородцам, а более всего Минину, известны были доблести Пожарского. Они знали его искусство и опытность в боях, были сами свидетелями того, как в улицах московских отражал он полчища ляхов [во время боев Первого ополчения]; известна была нижегородцам и постоянная верность его царю Василию, которую он, подобно им самим, сохранил до последней минуты царствования несчастного венценосца. Все это было причиной единодушного избрания князя Пожарского

⁶⁷ Там же. С. 22, 27.

⁶⁸ Там же. С. 23, 25, 24.

начальником ополчения нижегородского...». Князь смог настоять на том, чтобы Минин стал вторым руководителем ополчения. Мельников заключил, что Минин и Пожарский «наперед сговорились между собою возбудить жителей Нижнего к восстанию, и осторожно, умно вели свое дело. Один старался за другого, чтоб впоследствии действовать заодно»⁶⁹.

Возвращаясь к характеристике личности старосты – говядаря Минина, П.И. Мельников отмечал его незаурядные организаторские способности: «Обыкновенно смотрят на Минина, как на энтузиаста... Мнение несправедливое! Не восторженным, изступленным проповедником явился знаменитый нижегородец в славную годину восстания, а человеком ума обширного, воли твердой, зрело обдумавшим план свой, тонким политиком, столь хитро устроившим дело почти невозможное. Смотря на него с этой точки зрения, мы еще более уважаем его; ибо ум человеческий всегда должен брать верх над чувством. А Минин умом возвышался над современниками, умом достиг он того, что Пожарский признал его, говядаря, равным себе, – Пожарский, который, как и все аристократы того времени, был горд и проникнут духом местничества. Умом своим говядарь достиг чести сидеть в думе царя Михаила: – пример неслыханный дотоле и не повторявшийся до времени Петра Великого и Меньшикова»⁷⁰.

Сведения по организации Второго ополчения П.И. Мельников позднее дополнил данными, содержащимися в «Лобковском хронографе», рукописи, принадлежавшей любителю старины А.И. Лобкову и содержавшей «выписки из разных летописей, хронографов, статейных списков и проч.». Историк обнаружил этот «хронограф в лист» в 1850 г. во время своего посещения нижегородской ярмарки у купца Алексея Головастика. На основании этих новых данных П.И. Мельников в том же 1850 г. подготовил новую работу, которую и опубликовал в «Московитянине»⁷¹. Для сбора средств для Нижегородского ополчения Минин, судя по Лобковскому хронографу, организовал сбор так называемой «пятой деньги» с нижегородцев и жителей соседних городов – Балахны и Гороховца. После сбора средств было решено пригласить

⁶⁹ Там же С. 26–27.

⁷⁰ Там же С. 27–28.

⁷¹ Мельников П.И. Несколько новых сведений о смутном времени, о Козьме Минине, Князе Пожарском и Патриархе Ермогене // Московитянин, 1850, ноябрь, №21 Кн. 1. С. 1–12.

в ополчение находившихся в Арзамасе смоленских дворян («смольян»). После их прибытия в Нижний Новгород «земский староста Козьма Минин и все посадские люди приняли их честно, и корм им и лошадям стали давать довольно, и всех их покоить, для того что они люди разоренные...». Минин организовал «по трем статьям» выплату жалования ратным людям: «первой статье 50 рублей, второй статье 45 рублей, третьей 40 рублей а меньше 30 рублей не было. И роздали жалованье всем ратным людям, и стрельцам, и казакам, и пошли в Великий пост 1612 года в Ярославль»⁷². Таким образом, обнаруженный П.И. Мельниковым новый источник не только еще раз подтверждал, но и дополнял сведения о незаурядных организаторских способностях Минина.

Известия «Ельнинского» и «Лобковского» хронографов содержат сведения о призыве Минина к нижегородцам, руководящей роли протопопа Саввы Ефимьева в организации ополчения и о ряде других фактов, отсутствующих в других известных исследователям источниках. Но сами памятники, обнаруженные П.И. Мельниковым, отсутствуют. Ни последователи П.И. Мельникова, ни современные не находят их ни в одном из известных архивохранилищ или рукописных собраний. Издатели юбилейного тома НГУАК, посвященного 300-летию ополчения, указали, что «оба хронографа известны только по статьям П. Мельникова». Он «нашел их у Головастика в Нижнем Новгороде, но затем хронографы исчезли, будучи проданы на ярмарке старообрядцу»; Мельников «не описал памятников и заменил издание текста пересказом в статьях; только небольшой отрывок из Ельнинского хронографа помещен им в своей статье в подлиннике»⁷³.

Привлекала Мельникова-Печерского и проблема самого Кузьмы Минина, вернее сказать, дефицита его биографических данных. В 1852 г. в «Москвитянине» вышла статья П.И. Мельникова, сопровождающая публикацию документа начала XVII в., с красноречивым названием «Как звали

⁷² Там же. С. 11–12.

⁷³ Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. // Сборник НГУАК. Т. 11. Нижний Новгород, 1913. С. 441–442. См. также: Пудалов Б.М. Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде 1611–1612 гг.) // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 131–133.

Минина...»⁷⁴. В купчей продавец И.М. Жилин указывал ориентиры продаваемого дома: «А в межах тот мой двор подле Кузьмы Захарьева сына Минина Сухорука, а по другую сторону Почаинской овраг». Так появилось первое «упоминание» Кузьмы Минина да еще с указанием его местожительства. На самом деле, как было доказано позже, П.И. Мельников произвольно ввел в документ слово «Минина». Оставляя в стороне его мотивацию, отметим, что он в имя «*Кузьма Захарьев сын Сухорук*» вставил заветную фамилию, исходя из изучения источников. Например, в Новом летописце организатором нижегородского ополчения назван Кузьма Минин Сухорук. Такой информационный «вброс», несмотря на последующее разоблачение, имел негативное последствие. Например, он повлиял на неверную локализацию дома Кузьмы Минина, что нет-нет да и мелькнет в том или ином историческом сочинении. Этому способствовало и переиздание купчей в конце XIX в. нижегородскими архивистами⁷⁵.

При этом в более раннем сочинении П.И. Мельников-Печерский «Исторических записках» (1842 г.), посвященных ряду моментов нижегородской истории, проявил более скептическое отношение к «мининским» сюжетам. В разделе «Где жил и умер Козьма Минин?» Мельников решал вопросы о нахождении дома и места смерти Минина после 1612 г. Историк отверг народное предание, согласно которому Минин после 1612 г. жил в приходе церкви Похвалы Пресвятой Богородицы: этот храм был построен между 1621 и 1678 гг., то есть, после смерти Минина. Выводы П.И. Мельникова были таковы. До 1612 г. Кузьма Минин жил в приходе церкви Иоанна Предтечи близ Благовещенского монастыря. После 1612 г., став думным дворянином, Минин жил в Москве, а в Нижнем Новгороде ему пожалован дом в кремле, около Спасо-Преображенского собора. Там Кузьма Минин и был захоронен, а после был захоронен его сын Нефед. В этом исследовании Мельников иронизировал над ходившими народными преданиями, представлениями о потомках Минина в XIX в.⁷⁶ В другом разделе «Исторических известий» – «О родственниках Козьмы Минина» – Мельников не склонился ни к одной вер-

⁷⁴ Как звали Минина. Купчая 1602 года // Москвитянин. 1852. Т. 1. Раздел 4. С. 33

⁷⁵ Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. 1. Вып. 11. Нижний Новгород, 1891. С. 532.

⁷⁶ Мельников (Андрей Печерский). Исторические заметки // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. VII. СПб., 1909. С. 498–502.

сии, что в Нижнем Новгороде или Балахне к XIX в. могли остаться родственники или потомки Кузьмы Минина. В каждой версии был найден какой-либо изъясн⁷⁷.

Позднее П.И. Мельников по ряду обозначенных выше пунктов менял свое мнение, чем изрядно запутал последующих исследователей.

Людей, выкликавших себя потомками Кузьмы Минина, выступившего против проявлений Смуты, в том числе и самозванчества, было много. С Кузьмой Мининым стремились породниться, как показал автор первой цельной работы по истории Нижнего Новгорода (вышла в 1857 г.) Н.И. Храмцовский, и казанские купцы, и нижегородские мещане. Видимо, настойчивость балахнинцев была столь напористой, что при отсутствии источников Н.И. Храмцовский допускал, что балахнинские купцы Минины могли вести род от братьев Кузьмы Минина – Сергея и Бессона⁷⁸. При этом Н.И. Храмцовский не знал предания о балахнинском происхождении Кузьмы Минина или этих его братьев.

Н.И. Храмцовский упомянул некое «глухое» предание, согласно которому Кузьма Минин был родом из Новгорода Великого, откуда он пришел в 12-летнем возрасте с отцом (имя не указано)⁷⁹. Из контекста следует, что Н.И. Храмцовский полагал появление потомков Сергея и Бессона Мининых в Балахне, а не выход этих родоначальников оттуда. Не придавал Храмцовский значения нижегородскому происхождению Кузьмы Минина. Видимо, оно было для него самоочевидным.

Вообще, Н.И. Храмцовский представил первый нижегородский сводный текст, или как сказали бы сейчас – нарратив, о миссии Минина. Он сплел его из данных Никоновской, Львовской летописей, Летописи о многих мятежах, Сказания Авраамия Палицына, Нижегородского летописца, Собрания государственных грамот и договоров, Актов Археографической экспедиции и исследований Мельникова-Печерского, Смирнова, Голикова.

Храмцовский начал описание подвига Ополчения с обзора ситуации в Нижегородском крае, начиная с 1605 г. Упомянул автор действия тушинских шаек в Нижегородском и Арзамасском уездах, которые взбунтовали мордву. Она под руководством Москова и Воркардина осадила Нижний Новгород, и

⁷⁷ Мельников (Андрей Печерский). Исторические заметки... С. 503–505.

⁷⁸ Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 537. Прим. 187.

⁷⁹ Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода... С. 100.

только присылка Василием Шуйским войска князя И.М. Воротынского под Арзамас оттянула войска мятежников от устья Оки. Показал Храмцовский и то, что Нижний Новгород к 1608 г. оказался окруженным силами, враждебными Василию Шуйскому. Тем не менее, даже посулы балахнинцев, перешедших на сторону тушинцев, не поколебали верности присяге Василию Шуйскому нижегородских воевод А.А. Репнина, А.С. Алябьева и архимандрита Печерского монастыря Иоиля. Воеводы возглавили оборону Нижнего Новгорода и борьбу за очищение Нижегородского Поволжья и Поочья от тушинцев⁸⁰. Эти обстоятельства вынуждали москвичей обращаться к нижегородцам за помощью. В конце концов, нижегородцы быстро влились в Первое ополчение, созданное Ляпуновым.

После фиаско этого ополчения под влиянием грамоты из Троице-Сергиева монастыря «в Нижнем Новгороде повторилось то..., что за 88 лет до этого совершилось в Швеции и в половине XV столетия во Франции, с той разницей, что человек, по голосу которого нижегородцы снова восстали и пошли спасать Москву и Русь..., был не высок по рождению, как Густав Ваза, и действовал не под одним увлечением безотчетного энтузиазма, как Жанна д'Арк». Храмцовский считал, что мининский призыв достиг цели, так как Кузьма был известен своей честностью в купеческих делах, храбростью в походах Алябьева и Репнина (повтор идей П.И. Мельникова), и Пожарский признал себе его равным. Минину Храмцовский приписал инициативу определения Пожарского воеводой ополчения⁸¹.

В дальнейшем описании похода Ополчения Храмцовский следовал уже сложившейся историографической канве. Ко времени написания очерка Храмцовский не знал точной даты смерти Кузьмы Минина и определил ее промежутком между сентябрем 1615 г. и июнем 1616 г.⁸². Не располагая данными о месте клича Минина, Храмцовский указал три версии: 1) Минин обратился к народу в восточной части кремля, на площадке, образуемой Михаило-Архангельским собором и обелиском в память подвига Минина и Пожарского; 2) к северу от кремля на площади, выходящей на берег Волги (Ны-

⁸⁰ Там же. С. 84–90.

⁸¹ Там же. С. 100–101.

⁸² Там же. С. 113.

нешняя площадь Минина); 3) в нижней части города – церкви Николая Чудотворца⁸³. Относительно «адресов» Кузьмы Минина до 1612 г. (Благовещенская слобода, приход церкви Иоанна Крестителя) и после (пожалованный дом в кремле) Н.И. Храмцовский поддержал П.И. Мельникова⁸⁴.

Первый председатель НГУАК А.С. Гациский внес лепту в изучении «проблемы Минина». Он следовал Храмцовскому и Мельникову. В издании «Нижегородка» (1875, 1876 гг.), посвященном истории Нижнего Новгорода, Гациский сформулировал новую версию о том, что Кузьма Захарьевич Минин-Сухорук жил над Почайной около церкви Николы на Верхнем Базаре. При этом Гациский ссылался на купчую, опубликованную Мельниковым в «Москвитянине»⁸⁵. Следуя Мельникову, Гациский датировал смерть Минина 1616 г. во время его визита в Казань, когда «черемиса заворовала», а также заявил, что род Минина давно пресекается⁸⁶. Гациский полагал, что Минин выступал в 1611 г. перед народом у Ивановских ворот⁸⁷.

Н.С. Храмцовский, А.С. Гациский закрепили в историографии текст П.И. Мельникова и его ученика С.В. Ешевского (будущего крупного историка-медиевиста) о поклонении Петра I могиле Минина. Источниками вдохновения нижегородцев стали визиты Николая I в Нижний Новгород и тексты Н. Голикова. Источниковедческая и историографическая проверка данного «факта» показала его несостоятельность⁸⁸.

Педантично отслеживая изыскания П.И. Мельникова А.С. Гациский не мог оказаться безучастным зрителем полемики, развернувшейся в столичной историографии вокруг подвига Минина. Ее участники (Н.И. Костомаров, М.П. Погодин, И. Забелин), отстаивая свою точку зрения, одинаково интенсивно обращались к данным, поставляемым Мельниковым.

В 1866 г. Н.И. Костомаров издал популярную брошюру «Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрание царя Михаила», потом неоднократно перепечатанную. Ее текст после долгого перерыва снова

⁸³ Там же. С. 252.

⁸⁴ Там же. С. 272–273.

⁸⁵ *Гациский А.С.* Нижегородка // *Гациский А.С.* Последний летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 62.

⁸⁶ Там же. С. 63–64.

⁸⁷ Там же. С. 151.

⁸⁸ *Морохин А.В., Кузнецов А.А.* «Спаситель Отечества»: о начале формирования образа Кузьмы Минина в отечественной историографии // *Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв.* Н.Новгород, 2011. С. 186–206.

увидел свет в 1989 г. По мнению известного историка, толчком к воззванию Минина и к организации ополчения стала грамота архимандрита Троицко-Сергиева монастыря Дионисия. Она, составленная при участии келаря Авраамия Палицына, пришла в Нижний Новгород в октябре 1611 г. В принципе, изложение Н.И. Костомаровым событий в Нижнем Новгороде 1611 г. строилось по схемам, изготовленным П.И. Мельниковым. Прибывшая грамота обсуждалась на совете, организованном воеводой Алябьевым. Туда пришли «старейшие люди из города», в числе которых был посадский староста Кузьма Захарьевич Минин-Сухорук (критику этого положения см. выше). Без ссылок на источники Костомаров упомянул, что до октября 1611 г. Минин «служил в ратной службе у воеводы Алябьева»⁸⁹. На следующий день Минин после выступления протопопа Саввы и чтения грамоты Дионисия у Спасского собора заявил, что надо помочь Московскому государству, а для того – собрать средства. Нижегородцы поддержали это предложение. Затем выбрали воеводу будущего ополчения – князя Пожарского. Он же выдвинул условие, чтобы Минин ведал казной ополчения⁹⁰. В дальнейшем Костомаров следовал также Мельникову, несколько раскрашивая его и источников скупую информацию собственными оценками. Такая процедура объяснима другим текстом Н.И. Костомарова о Смутном времени.

В 1871 г. он опубликовал работу «Личности Смутного времени», в которой пришел к выводу, что имевшиеся в распоряжении исследователей источники не содержат яркого материала для характеристики индивидуальных личностных качеств деятелей той эпохи, включая Пожарского и Минина. Источники «представляют в наше распоряжение одни только названия». Все остальное – плод воображения.

Вопреки предшествующей исторической традиции, Н.И. Костомаров иначе расставил акценты и весьма скептически высказался в адрес князя Пожарского как организатора ополчения. «Во все время своей новой деятельности [как военный руководитель ополчения] Пожарский, насколько известно нам по источникам, не показал ничего, обличающего ум правителя и

⁸⁹ Костомаров Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году и избрание царя Михаил // Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М., 1989. С. 77.

⁹⁰ Там же. С. 78–79.

способности военачальника. Его не все любили и не все слушали. Он сам признавал за собою духовную скудость»⁹¹.

Костомаров отметил и отсутствие сведений, которые бы объясняли, почему нижегородцы пригласили Пожарского военным руководителем. Предшествующие службы князя не являлись «такими подвигами, которые давали бы русским повод предпочесть его всем другим и поручить ему важнейшее дело – руководить спасением отечества». Историк считал, что «этот человек [Д.М. Пожарский – *авт.*] заслужил уважение за безупречность поведения, за то, что не приставал, подобно многим, ни к полякам, ни к шведам, ни к русским вора»; «между Пожарским и нижегородцами было что-то связующее, что-то такое, чего мы не знаем. Видно, что Пожарский, для Минина и нижегородцев, был более свой, чем всякий другой...»⁹². Главный упрек князю – это его неторопливость после прихода ополчения в Ярославль. «Медлить под Ярославлем целое лето, как сделал Пожарский, значило подвергать и себя и все русское дело возможности больших затруднений и опасностей». И под Москвой Пожарский «не показал своей личности, по крайней мере, насколько сообщают нам источники»⁹³.

Минин представлялся Костомарову «несколько яснее» Пожарского. Он видел в Минине «человека тонкого и хитрого, сознававшего, что он по уму стоит выше той толпы, на которую вознамерился действовать», «человека большого ума и крепкой воли, человека необыкновенного». Историк объяснил активность Минина по организации ополчения: «надобно было показать себя человеком, осененным благодатию религиозных видений, навести на слушателей обаяние чудесности, и... внушить уважение к своим речам и советам и заставить покоряться своей воле... Минин... хорошо и в разных видах понимал человеческую природу, и сообразно этому взвешивал шаги свои. Он знал, что значит расположение толпы: она увлечется его речами, поверит его видениям... и последует за ним»⁹⁴.

Земский староста «был человек с крепкою волею, крутого нрава, человек в полном значении слова практичный, – один из тех типов политических деятелей, которые избирают самый ближайший и легчайший путь, ведущий к

⁹¹ Костомаров Н.И. Личности Смутного времени // Вестник Европы. 1871. № 6. С. 503.

⁹² Там же. С. 502, 503.

⁹³ Там же. С. 506, 508.

⁹⁴ Там же. С. 512–513.

цели, не останавливаясь ни перед какими бы то ни было тягостями и бедствиями... не заботясь о том, что произойдет после, лишь бы скорее была достигнута цель». Главной целью Минина было освобождение Москвы от поляков. Меры земского старосты по организации ополчения Н.И. Костомаров характеризовал «крутыми и жестокими», объяснив это тем, что «время было чересчур крутое и ужасное; нужно было спасти существование народа и державы на грядущие времена»⁹⁵. Историк додумался до того, что Минин «умышленно пригласил предводителем [ополчения] малоспособного князя, чтобы удобнее было самому безусловно всем распоряжаться, тем более, что этот говядарь... показывал способности военного человека». Но оговорился, что «признавать несомненным фактом предположение о такого рода побуждениях Минина в избрании Пожарского, при всей его вероятности, мы считаем несообразным с осторожностью, необходимою при составлении исторических выводов». Все же Н.И. Костомаров констатировал: из-за скудости источников «мы все-таки не можем воссоздать себе вполне ясного, выпуклого образа этого замечательного человека»⁹⁶.

Критическое изображение Пожарского и Минина Костомаровым было обусловлено его представлениями об истории. Они находились «во власти национальных образов. С его точки зрения, «носителями истории» были не выдающиеся личности, а «народы» и племена»⁹⁷.

Работу Н.И. Костомарова встретили неоднозначно. В 1872 г. в ответ известный московский историк И.Е. Забелин (1820–1908) опубликовал в «Русском Архиве» исследование «Минин и Пожарский: прямые и кривые в Смутное время» (отдельно книга вышла в 1883 г.).

Забелин подчёркивал, что «нижегородский подвиг в нашей истории дело великое, величайшее из всех наших исторических дел, потому что оно в полном смысле народное, созданное исключительно руками и жертвами самого сироты – народа, у которого все другие сословия явились на этот раз только помощниками»⁹⁸. Он утверждал, что «в общем историческом повествовании всякая личность, задерживаемая в своих деяниях или ходом событий самого

⁹⁵ Там же. С. 514–515.

⁹⁶ Там же. С. 517.

⁹⁷ Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти... С. 185.

⁹⁸ Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 35.

рассказа, теряет по необходимости очень многое из своего характера и притом нередко теряет самые живые свои черты, столь ценимые художниками». Но если Костомаров причиной «тусклости» портретов исторических деятелей считал источники, то Забелин отнес этот недостаток только к умению историков-повествователей, исключая Карамзина.

Забелин писал о Костомарове: «Нам говорят, что источники нашей истории очень скудны и потому все наши исторические личности неясны, тусклы, освещены неправильным, фальшивым светом при помощи уже нашего воображения. Но чтобы так говорить, надо... порыться в источниках: может быть, они будут настолько достаточны, что из неясного и тусклого выйдет ясное и светлое»⁹⁹. Но Забелин признавал, что «держась *строго источников*, мы должны представить себе Пожарского совсем не таким лицом, каким мы привыкли представлять себе; мы и не представляли, что образ его создан нашим воображением *по скудости источников*».

Пожарский, по мнению Забелина, «не за личные цели... стоял и не целям какой-либо партии служил; он стоял за общее земское дело и служил ему... прямо и честно», что и обусловило его выбор военным руководителем ополчения¹⁰⁰. Критиковал Забелин утверждение о том, что ополчение долго простояло в Ярославле: «Нижегородское ополчение... не потеряло для главной своей цели ни одной минуты. Оно неисчислимо больше завоеваний сделало без меча, одним своим поведением, привлечением всех к неподвижной правде. И это самое важное из того, что можно ставить ему в заслугу. Дело меча, после успехов этого мирного дела, стало уже делом второстепенным и не столько затруднительным»¹⁰¹.

Забелин не соглашался с Костомаровым в том, что Минин своим видением обманывал народ. «Нельзя, основываясь на легенде, сочинять характер исторической личности и размышлять о том, как эта личность сказала такое-то слово... Нельзя... выводить... заключений о том, что Минин был способен обмануть народ своим видением, хотя бы и для хорошей цели»¹⁰². «Авторитет Минина, как человека высокой честности, высоких патриотических добродетелей, утвердился не фантазиями наших современников, а правдивыми

⁹⁹ Там же. С. 39–40.

¹⁰⁰ Там же. С. 87.

¹⁰¹ Там же. С. 111.

¹⁰² Там же. С. 50.

свидетельствами его современников, которые были в великом множестве распространены в хронографах в течение всего XVII ст. и не подвергались сомнениям»¹⁰³.

Кроме выяснения общих вопросов, И.Е. Забелин в своей книге предстал первым, кто начал опровергать версию, идущую из текстов Троице-Сергиева монастыря. Согласно, Минин выступил с призывом под влиянием посланий из этого монастыря. Забелин считал, что троицкая грамота пришла в Нижний Новгород 6 октября 1611 г., когда Ополчение уже было создано¹⁰⁴. Это предположение затем будет подкреплено аргументами С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова¹⁰⁵ о том, что Минина на призыв подтолкнуло послание патриарха Гермогена, и на сегодняшний день не оспорено.

Забелин представил яркие портреты Минина и Пожарского, строго комментируя и интерпретируя те же источники, что были и у Костомарова. Однако, Забелин, соглашаясь с костомаровскими оценками источников¹⁰⁶, выявил немало фактических несообразностей у Костомарова. Сам Н.И. Костомаров в «Автобиографии» отметил, что у «И.Е. Забелина я не нашел для себя ничего... противоречащего моим взглядам..., но г. Забелин... не хотел обратить внимание на главную мысль моей статьи...: на то, что источники по своей скудости... представляют мало черт для уразумения характеров тех лиц, которых он сам признает важными деятелями»¹⁰⁷.

Н.И. Костомаров ответил новой статьей¹⁰⁸. Он, оставшись при своем мнении, отметил, что И.Е. Забелин «не безпристрастно относится к Пожарскому», и повторил, что «Пожарский является личностью политически честною, человеком благодущным, но по своим способностям совершенно рядовым, дюжинным, одним из многих. Случай временно вынес его из ряда, поставил его на видном месте, а ошибки его врагов помогли тому, что его соб-

¹⁰³ Там же. С. 68.

¹⁰⁴ Забелин И.Е. Минин и Пожарский... С. 246–248.

¹⁰⁵ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. 2. Нижний Новгород, 2011. С. 68–76; Козляков В.Н. Развитие земской идеи в Нижегородском ополчении // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 163–165.

¹⁰⁶ Литвак Б.Г. Николай Иванович Костомаров // Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С.85

¹⁰⁷ Цит. по: Смирнов А.Ф. История в «Жизнеописаниях» // Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. IV. М., 1998. С. 25.

¹⁰⁸ Костомаров Н.И. Кто виноват в Смутном времени? И.Е.Забелину // Вестник Европы. 1872. № 9. С. 5–34.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

ственные ошибки не принесли вреда. Тем не менее, однако, по сравнительной скудости источников, для уяснения его характера, мы считаем все-таки опрометчивостию произнести... такой приговор... Как прежде говорили, причисляем Пожарского к личностям, которые, по недостатку источников, тускло отпечатлелись в истории»¹⁰⁹.

В защиту Минина и Пожарского выступил М.П. Погодин, посчитавший, что Н.И. Костомаров «смешал их [руководителей Нижегородского ополчения] чуть не с грязью». Возмущали критицизм Костомарова, его «безразличие» к описываемым им лицам и чуть ли не «безнравственность» по отношению к «любезным русским именам». Погодин, встав на защиту исторических героев, счел необходимым отметить: «Мне хотелось обличить г. Костомарова в совершенном, умышенном или неумышенном, незнании источников и искажении исторической истины, посредством умолчаний, пропусков и пустых, произвольных вопросов...»¹¹⁰ По мнению Погодина, Костомаров провел «холодный анализ» и увидел «лица очень тусклые». По мнению же Погодина, Пожарский «известен был своею храбростию, своею верностию, своею честностию, своим благородством... Эти достоинства должны были обратить на себя народное внимание»¹¹¹. Выразительны и названия сочинений Погодина: «За князя Пожарского», «За Минина».

В 1874 г. Н.И.Костомаров подготовил несколько выпусков «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей». В этот раз он внес поправки свои оценки центральных лиц Смутного времени. Кроме того, теперь деяния лидеров нижегородского ополчения были описаны в одном очерке. Костомаров подчеркнул совместное служение Минина и Пожарского Отечеству. Предложив нижегородцам пригласить Пожарского, Минин исходил из того, что на князе, несмотря на то, что он «не выдавался никакими особенными способностями» и «исполнял в военном деле второстепенные поручения...», «не лежало на нем никакой неправды, не приставал он к Тушинскому вору, не просил милостей у польского короля». Напротив, он храбро защищал Зарайск от тушинцев, воевал в составе Первого ополчения¹¹². Историк

¹⁰⁹ Там же. С. 26, 31.

¹¹⁰ Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874. С. 27–64, 65–82, 59

¹¹¹ Там же. С. 6, 33.

¹¹² Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. II. М., 1998. С. 217.

повторил мысль о том, что Пожарский «не имел таких качеств, которые бы внушали к нему всеобщее повиновение», вновь укорял его в медлительности. Костомаров отметил, что Пожарский был меланхоликом, стараясь держаться в тени. Освобождение Москвы было предпринято против собственного его искания, по настоянию Земства¹¹³.

А.С. Гациский откликнулся на эту полемику, желая тщательнее разработать «мининский» сюжет. Реакция нижегородского энтузиаста отразилась в Примечаниях к вышедшему в 1886 г. «Нижегородскому летописцу» (они цитируются по изданию 2001 г.). В данных, приводимых Гациским, ценны указания на споры историков второй половины XIX в. о цене победы в 1612 г., а, значит, и значимости действий Минина и Пожарского. Поводом для внимания Гациского к этому аспекту полемики стал указанный в начале главы отрывок из Нижегородского летописца, отдававший приоритет в организации Ополчения Пожарскому.

По мнению Гациского, «... всякие рассказы о Минине и Пожарском несколько не умаляют их подвига, наоборот – способствуют разумному к ним отношению». Такое разумное отношение он находил не у историка Костомарова «с слишком резким односторонне положительным направлением» Погодина, но у Забелина. Погодин же пытался проводить свою точку зрения в провинциальной среде. Вот свидетельство Гациского: «Погодин до того считал неприкосновенными некоторые исторические личности, что по поводу самых скромных заметок о Минине даже такого не видного «историка», как автор «Нижегородки», почтил его добродушно-грозным письмом от 23 мая 1875 года, своего рода «увещательной грамотой», в которой говорилось: «... не бойтесь ли вы Бога, заявляя, что история Минина освещается новым светом вследствие разысканий... Каковы эти разыскания, посылаю вам книжку, и вы обязываетесь или опровергнуть в замечании, или перепечатать несчастную страничку. Слышите?»... В том же 1875 году Михаила Петровича не стало, но из уважения к нему «несчастливая страничка» в следующих выпусках «Нижегородки (1876 и 1877) была... исправлена». Однако Гациский иронично охарактеризовал подход Погодина к Минину словами Костомарова: по убеждениям некоторых историков «великий человек непременно должен быть представлен ходячим магазином всех добродетелей, идеально-

¹¹³ Там же. С. 216–226.

прекрасным существом высшей породы, чуждым не только пороков, но даже слабостей своего века», но в то же время Н.И. Костомаров «сердится на исторические личности»¹¹⁴. Забелин, по мнению Гациского, снял наиболее одиозные обвинения против Минина и Пожарского и доказал, что не они одни освободили Отечество. Они оказались звеньями в цепи героев: Гермоген, Скопин-Шуйский, Прокопий Ляпунов и др. В силу этого и других достоинств труд Забелина оказался убедителен и более художественен, чем стихотворная хроника А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин-Сухорук (1862)»¹¹⁵. Из историографических наблюдений Гациский извлек урок: Минин и Пожарский должны были иметь недостатки, но источники не сохранили указаний на них. «Не выдумывать же их!»¹¹⁶.

С.М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен» – единственный историк до С.Ф. Платонова, осветивший панорамно и системно события Смуты («в многотомных «Историях» Татищева, Щербатова, Карамзина изложение из-за кончины авторов прерывалось как раз на этих событиях») – подробно осветил деятельность Второго ополчения по освобождению Москвы в 1611–1612 гг.¹¹⁸. В.О. Ключевский также затронул эту тему в «Курсе лекций по русской истории», отметив, что уже с конца 1611 г. в стране «начинают пробуждаться силы религиозные и национальные, которые пошли на выручку гибнувшей земли»; что Второе ополчение «по боевым качествам... не стояло выше первого», но при этом «было хорошо снаряжено благодаря обильной денежной казне, самоотверженно собранной посадскими людьми нижегородскими и других городов, к ним присоединившимся»¹¹⁹. Однако сведения, имеющиеся в работах этих авторов, повторяли уже имеющиеся в распоряжении исследователей данные.

Вопросы истории деятельности ополчения 1612 г. затронул в одной из своих работ К.Н. Бестужев-Рюмин¹²⁰. Можно только предполагать, что,

¹¹⁴ Гациский А.С. Нижегородский летописец... С. 678–679.

¹¹⁵ Там же. С. 681.

¹¹⁶ Там же. С. 682–683.

¹¹⁷ Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог (К 150-летию со дня рождения). М., 2010. С. 41.

¹¹⁸ Соловьев С.М. Сочинения. Книга 4. М., 1989. С. 641–670.

¹¹⁹ Ключевский В.О. Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 2. М., 1993. С. 176–178.

¹²⁰ Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 8. С. 289–293.

кроме сугубо научного интереса, К.Н. Бестужевым-Рюминым двигали эмоционально-личностные мотивы: детство, юность и родня в Нижнем Новгороде, уроки истории в гимназии, которые вел П.И. Мельников-Печерский. Уже после смерти К.Н. Бестужева-Рюмина были опубликованы его письма С.Д. Шереметеву о Смутном времени¹²¹, где он привел своё мнение по ряду ключевых моментов истории Смутного времени. Это дало основание ряду историографов причислить К.Н. Бестужева-Рюмина к исследователям истории Смутного времени. Однако любитель русской истории Н.М. Павлов писал С.Д. Шереметеву 21 апреля 1898 г.: «Я весьма благодарен за присылку брошюры «Переписка с Бестужевым-Рюминым», но позволю себе сказать: из нее видно, что покойный профессор р[усской] истории не только «не изучал детально» эпоху Дементриуса, а не изучал ее критически даже и «генерально», то есть он взял готовое мнение Карамзина, Соловьева, наконец Иловайского, а сам не сверял разных современных самозванцу источников, ни даже устряловских «сказаний»»¹²².

Издания, посвященные личностям Минина и князя Д.М. Пожарского, затрагивавшие сюжеты 1611–1612 гг., публиковались и позднее, вплоть до 1917 г.¹²³. Выполняя либо идеологический, либо общественный заказ, ничего оригинального в научную разработку этих проблем они не внесли. Важное историографическое последствие этого потока – формирование нарратива о Смутном времени и ополчении, сформированного по призыву Минина, с помощью которого разные социальные силы проводили свою историческую идентификацию в революции начала XX в. Гражданскую войну, власть – во второй половине 1930-х–1940-х гг., политическая элита – на рубеже XX–XXI вв. Вспомним, что черносотенные газеты в Нижнем Новгороде в название помещали имя Кузьмы Минина, что А.И. Деникин свой опыт классовых боев

¹²¹ Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутном времени. СПб., 1898.

¹²² Н.М. Павлов – С.Д. Шереметеву. Есуково, 21 апреля 1898 // Источник. Документы русской истории. 1996. № 1 (20). С. 10.

¹²³ *Глухарев И.* Князь Пожарский и нижегородский гражданин Минин, или освобождение Москвы в 1612 году. Историческое сказание XVII века. М., 1848; *Чичагов Н.* Жизнь князя Пожарского, келаря Палицына и гражданина Минина. СПб., 1848; Минин и князь Пожарский. СПб., 1884; *Иловайский Д.И.* Смутное время Московского государства. М., 1894. С. 221–243; *Мерцалов А.Е.* Очерки из истории Смутного времени. СПб., 1895. С. 158–173; *Полуярославцев П.П.* Заслуга Нижнего Новгорода перед Отечеством в Смутное время. Нижний Новгород, 1896; *Тихомиров Е.* Минин и Пожарский или освобождение Москвы от поляков в 1612 году. М., 1903.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

осмыслял через призму противостояния «Русской Смуте»¹²⁴. И.А. Ильин, создавая в эмиграции свой фундаментальный философско-политический трактат «О монархии и республике, примеры дискредитации монархического начала в России он черпал из трудов И.Е. Забелина, С.М. Соловьева, С.Ф. Платонова, посвященных истории Смутного времени¹²⁵. Подспудно, без прямого упоминания, порыв Минина и Пожарского должен пониматься, по И.А. Ильину, как пример бессознательного стремления к монархии. Не отрицая тормозящего для научного постижения феномена Смуты эффекта этого общественно-политически актуального нарратива о Смуте, надо указать, что и он содержит исследовательский потенциал (см. выводы). Кроме того, данные тексты были питательной средой для изысканий С.Ф. Платонова и его учеников.

Уже в своей магистерской диссертации «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник», защищенной в 1888 г., С.Ф. Платонов подверг серьезному анализу ряд письменных источников, содержащих сведения об истории ополчения и о личностях его организаторов. В докторской диссертации «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» истории ополчения 1612 г. Платонов уделил большее внимание. Его создание и деятельность он отнес к третьему периоду Смуты – периоду борьбы за «национальное освобождение» государства. В самой истории ополчения он выделял два периода – 1) от организации в Нижнем Новгороде и до прихода в Ярославль, 2) от пребывания ополчения в Ярославле и до освобождения Москвы. Историк отметил, что «первый период деятельности нижегородских воевод», когда они являлись «местной властью», сменился в Ярославле властью «общегосударственной». С.Ф. Платонов справедливо (и для нашего времени) отметил, что «к сожалению, нельзя с желаемой полнотой и точностью изучить первый момент движения в Нижнем; для этого не хватает материала». Активно используя наработки И.Е. Забелина, историк много внимания уделил организации ополчения – «хозяйственным делам будущей рати»¹²⁶.

¹²⁴ Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог... С. 41–43.

¹²⁵ См. например: Ильин И.А. О монархии и республике // Ильин И.А. Собрание сочинений. Том четвертый. М., 1994. С. 530–531.

¹²⁶ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995. С. 341–345.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Остановился С.Ф. Платонов на фигуре Д.М. Пожарского. Он не согласился с характеристикой князя как «тусклой личности» и считал его «представителем определенного общественного слоя, носителем старой традиции», человеком «с высоким понятием о своей родовой чести и с консервативным настроением». Это и определило его выбор военным руководителем ополчения¹²⁷. Подробно историк описал пребывание ополчения в Ярославле и процесс формирования «Совета всея земли».

Причины успеха действий ополчения, изгнавшего интервентов из Москвы, С.Ф. Платонов объяснял тем, что его руководство «вместе с гениальным «выборным человеком» Кузьмою Мининым, подбирали в свой союз только те общественные элементы, которые представляли собою консервативное ядро московского общества... Эти ряды служили приютом всем, кто желал содействовать восстановлению национального государства и прежних общественных отношений. Определенность программы и вместе с тем широкое ее понимание дали успех ополчению 1612 г. и позволили его «начальникам» после завоевания Москвы, сохранив за собою значение общеземского правительства, обратиться в прочную государственную власть»¹²⁸.

На закате жизни в следственном изоляторе С.Ф. Платонов анализировал свое диссертационное постижение третьего этапа Смутного времени. ««Общенациональный порыв» борьбы с интервентами «на мотивах национально-религиозных» «не погасил классовой вражды»... лозунгом нового Нижегородского ополчения «кроме национального освобождения стала борьба с казачеством за общественный порядок». Это объединило «под одними знаменами поместное дворянство, горожан и свободных крестьян северных областей, то есть средние классы, представителей мелкого служилого землевладения, торгового капитала и мелкой промышленности»»¹²⁹. Важно отметить, что данный анализ вобрал уже марксистскую терминологию, занявшую к концу 1920-х гг. прочное место в историографии Смуты.

В 1911–1912 гг. и в России, и в Нижнем Новгороде, широко праздновался 300-летний юбилей победы в Смуту. Инициатором этих торжеств в

¹²⁷ Там же. С. 346–348.

¹²⁸ Там же. С. 364.

¹²⁹ *Шмидт С.О.* Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог... С. 41. *Платонов С.Ф.* Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. 272–278.

Нижнем Новгороде надо считать А.С. Гациского: «Только что почтив торжественным заседанием память 700-летней годовщины Святого Великого князя Георгия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода, Нижегородская архивная комиссия уже в следующем заседании 11 апреля 1889, рассматривает вопрос о настоящем праздновании»¹³⁰.

Надо оговорить, что юбилеи 300-летия прибытия грамоты Гермогена в Нижний Новгород и освобождения Москвы оказались заслонены более пышными юбилеями начала XX в., связанные со Смутным временем, – 300-летием освобождения Троице-Сергиевой лавры от осады поляков (1910 г.), 300-летием смерти патриарха Гермогена (1612 г.), 300-летием династии Романовых (1913 г.). Именно, в 1913 г. Николай II совершил вояж по городам, сыгравшим важную роль в воцарении Романовых, – включая Ярославль, Кострому (с которой связывался образ Ивана Сусанина), Нижний Новгород. Эти празднества, порожденные властными институтами, приобретали официальный характер. Казенный характер помпезного празднования юбилея династии в глазах будущих поколений был компенсирован добротным вкладом историков – пятитомным изданием «Три века» (впрочем, забытым до перепубликации в 1990-е гг.)¹³¹. Еще одной причиной забвения династического юбилея стало крушение монархии.

Если у современников нижегородский формат празднеств преодоления Смуты был затенен более пышными юбилейными торжествами, то у потомков все сложилось наоборот. Именно нижегородский юбилей 1612 г. вспоминался более всего из-за публикаторского сопровождения действ. К этому празднованию увидел свет целый ряд работ, традиционно посвященных истории ополчения и его лидерам, было организовано написание «брошюр и листовок, составленных гг. Васенко, Полиевктовым, С.Ф. Платоновым, С.М. Парийским и А.К. Кабановым... Издано комиссией [НГУАК – авт.] 8 названий... Всех брошюр и листовок издано 186000 экземпляров»¹³². Значительная

¹³⁰ См.: Речь А.Я. Садовского на торжественном заседании Нижегородской губернской ученой архивной комиссии и Нижегородской Думы в честь 300-летия подвига нижегородцев (1912 г.) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 207–211.

¹³¹ Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник под редакцией В.А. Каллаша. В 5 тт. М., 1912. (М., 1991–1992).

¹³² См.: Речь А.Я. Садовского на торжественном заседании...

часть этих публикаций носила популярный или научно-популярный характер. Поток подобных изданий активно публиковался и в последующие годы в связи с патриотическим подъемом во времена Первой мировой войны¹³³. К их числу следует отнести и книгу польского историка Казимира Валишевского «Смутное время», в которой затронуты сюжеты, связанные с историей Нижегородского ополчения¹³⁴.

Среди всех этих изданий следует выделить юбилейное издание НГУАК, посвященное нижегородскому ополчению. Еще А.С. Гацисский высказал мысль образовать «Особый отдел» НГУАК для последующего обсуждения поставленной проблемы. В октябре 1899 г. «И Отдел, и Комиссия пришли к заключению, что всероссийское торжество празднования должно принадлежать Москве, торжества же в Нижнем должны иметь областной характер с приурочиванием их к одному из Нижегородских дней эпохи Смутного времени. Сообразно этому решению... определилась и программа празднования. Она ограничилась составлением Юбилейного сборника, посвященного событиям Смутного времени в связи с нижегородским движением и изданием общедоступной брошюры и листовки для раздачи учащимся и народу в день Юбилея. Что касается до дня, к которому следовало приурочить торжество, то таковым... избран день 25 августа, день прибытия в Нижний грамоты Патриарха Гермогена...»¹³⁵.

Инициативу НГУАК по созданию сборника поддержал С.Ф. Платонов, который уже в сентябре 1902 г. представил план издания сборника, состоящего из двух отделов: 1) литературные памятники и 2) актовый материал. К розыску новых архивных материалов С.Ф. Платонов привлек приват-доцента

¹³³ Кабанов А.К. 1) Начало нижегородского движения 1611 г. // Нижегородский листок, 1911, 25 августа.; 2) Смута Московского государства и Нижний Новгород. Нижний Новгород, 1911; Ксюнин А. Конец Смуты и народные герои (Минин, князь Пожарский и Сусанин). СПб., 1911; Алексеев В. 300-летие Смутного времени. Козьма Минин – Князь Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 1912; Парийский С.М. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Нижний Новгород, 1912; Волкова Е. Козьма Минин и князь Д.Пожарский. Исторический очерк из времен лихолетья. 1611–1613 гг. М., 1913; Пичета В.И. Смутное время в Московском государстве. М., 1913. С. 127–136.; Сухотин Л.М. Народные движения 1611 и 1612гг. // ЧОИДР. 1913. Кн. 4. С. 8–18; Смутное время в Московском государстве. М., 1913.; Булгакова Е.И. Герои и подвижники Смутного времени. М., 1914. С. 107–127.; Катаев И.М. Смута в Московском государстве и отражение ее в Нижнем Новгороде. М., 1916; Парийский С.М. Кузьма Минин. К трехсотлетию со дня его смерти. Нижний Новгород, 1916.

¹³⁴ Валишевский К. Смутное время. М., 1989. С. 374–393.

¹³⁵ Речь А.Я. Садовского на торжественном заседании...

Петербургского университета М.А. Полиевктова, который в течение зимы 1903–1904 гг. вел переписку со Стокгольмом на предмет выявления шведских источников по истории русской Смуты. Впоследствии М.А. Полиевктов сам работал в Стокгольмском государственном архиве, выявив и скопировав наиболее любопытные русские акты эпохи Смуты, в том числе и материалы, освещающие отношение шведов к России и нижегородскому ополчению. Часть документов со шведского на русский язык перевел член НГУАК, преподаватель классических языков в нижегородской гимназии, отец будущего крупного советского филолога, полиглот Ф.В. Ржига.

Помимо М.А. Полиевктова в работе над сборником участвовали профессор С.В. Рождественский и магистр П.Г. Васенко¹³⁶.

Том «Памятники истории Нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг.» вышел из печати¹³⁷. Сборник предварялся статьями П.Г. Васенко «Смута XVI–XVII вв. в Московском государстве и Н.Новгород» и Е.Ф. Тураевой-Церетели «Отражение Нижегородского движения 1612 г. в литературных памятниках XVII в.».

П.Г. Васенко писал, что они «не имели поводов к острому недовольству Московским государственным укладом», чем и объяснялась не только их верность правительству В. Шуйского, но и то обстоятельство, что «нижегородцы охотно помогали Москве в ее борьбе с разрушителями государственного строя». Уже при организации Первого ополчения «Нижний сыграл... роль центра для огромного района тянувшихся к нему городов». Противоречия в Первом ополчении и смерть П. Ляпунова «больно задели Нижегородцев, но не лишили их бодрости духа и желания возстановить государственный порядок, который, будучи более выгодным для них экономически, отвечал в то же время их религиозному и политическому идеалу. Нижегородцы готовы были на жертвы и ожидали только вождей. Последние не замедлили

¹³⁶ Подробнее об участии С.Ф. Платонова и его коллег в подготовке издания см.: *Митрофанов В.В.* Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск, 2011. С. 327–345; *Он же.* Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Ч. 2. Нижневартовск, 2011. С. 153–172; *Он же.* С.Ф. Платонов и нижегородские архивисты в подготовке юбилея 300-летия подвига нижегородского ополчения // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Нижний Новгород, 2012. С. 409–431.

¹³⁷ Переиздан: В память 300-летия Нижегородского подвига / Сборник. Издание Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XI. СПб., 1913 // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. I. Нижний Новгород, 2011.

своим появлением». Ими П.Г. Васенко назвал Минина и протопопа Савву Евфимьева. Именно «благодаря действиям этих руководителей и содействию нижегородской администрации и детей боярских ополчение быстро сорганизовалось». Военным лидером стал князь Пожарский, «известный своей политической четкостью и воинскими талантами». Отметив тот факт, что многие современники ставили Минину и Пожарскому медлительность их действий в Ярославле, ученый, не соглашаясь с этим утверждением, считал, что «в этом сказался большой политический и военно-хозяйственный расчет». В итоге всех этих действий «нижегородцы... свершили свой великий и славный подвиг: спасли самостоятельность Руси и обеспечили ей дальнейшее историческое бытие»¹³⁸.

Большую часть тома составляли документальные памятники (338 страниц). В разделе «Памятники литературные» было опубликовано более 40 литературных произведений. В приложении даны сведения о Кузьме Минине и его роде, князе Пожарском, материалы к биографии протопопа Саввы Евфимьева¹³⁹.

Подготовка этого монументального тома при участии видных академических историков стимулировала рост профессионального мастерства и научного признания нижегородских архивистов и историков. Вошедший в состав НГУАК в 1888 г. выпускник Пражского университета, преподаватель нижегородской гимназии Федор Вячеславович Ржига (1848–1917) переводил для этого сборника шведские документы¹⁴⁰.

Весьма примечателен пример с выпускником Московского университета, сотрудником НГУАК Андреем Киприяновичем Кабановым (1876–1922). Этот яркий, не до конца раскрывшийся (не пережил Смуты революции и Гражданской войны¹⁴¹) ученый печатался в местной периодике и в Москве.

¹³⁸ *Васенко П.Г.* Смута XVI–XVII века в Московском государстве и Нижний Новгород // Памятники истории нижегородского движения в эпоху смуты и земского ополчения 1611–1612 гг. Действия НГУАК. Т.11. Нижний Новгород, 1912. С. XVII–XIX.

¹³⁹ *Макарихин В.П.* Губернские ученые архивные комиссии России. Нижний Новгород, 1991. С. 79–80, 87; *Галай Ю.Г.* Юбилейное издание НГУАК, посвященное Нижегородскому ополчению 1611–1612 гг. // Мининские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 380-летию освобождения Москвы земским ополчением под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского. Н.Новгород, 1992. С. 39–42.

¹⁴⁰ *С.И. Архангельский.* Воспоминания о Надежде Федоровне Ржиги // Творцы и герои. Источники и исследования по нижегородской истории. Нижний Новгород, 2012. С. 250.

¹⁴¹ О биографии А.К. Кабанова см.: *Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые данные о судьбе нижегородского историка А.К. Кабанова // Материалы II Нижегородской архивоведческой конференции. Чтения памяти А.Я.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Там в 1913 г. вышла его брошюра, посвященная роли Нижнего Новгорода в Смутное время¹⁴².

Историк отмечал, что Нижний Новгород в Смуту «твердо держится царя Василия». Когда призывы болотниковцев всколыхнули на восстание мордву Воркадина (у Кабанова – Варгардина) и Москова и на подход «толп» «под начальством нижегородского сына боярского Ив. Бор. Доможирова», «из Москвы подошла царская рать Гр. Пушкина и привела к повиновению царю Василию восставшие уезды». Нижегородцы не поддались на уговоры тушинцев из Балахны в 1608 г. Нижний Новгород получил подкрепление в лице отряда воеводы Ф. Шереметева, пришедшего из Астрахани, и начал наступление на врагов. Героем-полководцем, возглавившим нижегородскую рать, стал Андрей Алябьев. Он трижды победил врагов, взяв Балахну, разбив «воров» под Павловым и Ворсмой, и, рассеяв крупный отряд С. Вяземского. «Весь край отпал после этих побед от тушинцев». Победоносное шествие нижегородцев продолжалось, а потому патриарх Гермоген «особенно охотно писал в Нижний, на который крепко рассчитывал». Успехи нижегородцев способствовали тому, что в «Нижнем начинается горячая работа подготовки ополчения», которое возглавлял П. Ляпунов¹⁴³.

После поражения ополчения Ляпунова Нижний Новгород получил 25 августа грамоту Гермогена, после которой и началась миссия Минина. А.К. Кабанов отметил: «Мы мало знаем о Минине». Отсутствие достоверных сведений обусловило отсутствие в книге догадок о происхождении Минина, «фактах» его участия в событиях до осени 1611 г. Историк с доверием отнесся к сведениям о том, что Минина подвигло на воззвание «видение св. Сергия, который требовал от него выступления на проповедь великого дела. Если Минин был так настроен, – понятно, как должна была подействовать на него грамота Гермогена». Таким образом Кабанов сглаживает проблему импульса выступления Минина: грамота Гермогена или послания из Троице-Сергиева монастыря. Правда, в другом тексте – статье, опубликованной в

Садовского. Н. Новгород, 2006. С. 160–164; *Кузнецов А.А.* Еще раз о биографии нижегородского архивиста А.К. Кабанова // *Материалы V нижегородской межрегиональной архивоведческой конференции «Святыни земли Нижегородской. Нижегородский кремль».* Нижний Новгород, 2010. С. 172–179.

¹⁴² *Кабанов А.К.* Смута Московского государства и Нижний Новгород. М., 1913.

¹⁴³ *Кабанов А.К.* Смута Московского государства и Нижний Новгород... С. 42–47.

«Нижегородской земской газете» в 1912 г., А.К. Кабанов однозначно утверждал, что под влиянием грамоты Гермогена возникло ополчение в Нижнем Новгороде¹⁴⁴. В названии этой газетной статьи обозначена 300-летняя годовщина смерти Гермогена. Думается, что это юбилейное обстоятельство способствовало закреплению в историографии и общественном сознании убеждения, что грамота Гермогена стала импульсом к организации ополчения 1611–1612 гг. Этот нерациональный аргумент значительно усилил источниковедски выверенную гипотезу о толчке к созданию ополчения.

Минин вместе с посадской общиной, по мнению А.К. Кабанова, составили приговор всего города о сборе «на строение ратных людей», а затем уже, после прибытия очередной троицкой грамоты, поставили в известность воевод, лидеров местного духовенства – архимандрита печерского монастыря, спасского протопопа, Биркина и Юдина. Совет властей одобрил эти начинания. А на следующий день у Спасо-Преображенского собора перед сошедшимися нижегородцами выступили протопоп Савва, зачитавший «грамоту троицких властей», и Минин.

После беспрецедентного по последовательности и строгости сбора средств решался вопрос о военном лидере. Нижегородцы «искали не только знаменитого воеводу, но и твердого стояльца за землю». Поэтому, как указал Кабанов, был отвергнут Алябьев, а самый прославленный воевода князь Куракин был в посольстве под Смоленском. «В это время Минин показал нижегородцам... на искусного полководца и стойкого гражданина кн. Дмитрия Михайловича Пожарского»¹⁴⁵. К приходу Пожарского в конце октября в Нижний Новгород там уже были войска, составленные из смолян, вязьмичей и дорогобужцев. Пожарский стал главой правительства, сформированное с его приходом. Кабанов считал, что Пожарский сумел заручиться поддержкой Казани, а затем – Вологды и Ярославля и начал поход на Москву. Все мероприятия ополчения описаны только при участии Пожарского.

Минин в следующий раз был упомянут А.К. Кабановым лишь в связи с дерзким маневром 21 августа 1612 г. Минин в критический момент боя с Ходкевичем выпросил у Пожарского «несколько сотен отборного войска» и

¹⁴⁴ Кабанов А.К. Патриарх Гермоген (к 300-летию со дня кончины) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2012. С. 34–35.

¹⁴⁵ Кабанов А.К. Смута Московского государства и Нижний Новгород... С. 50–53.

вынудил врага окончательно отойти от Москвы¹⁴⁶. И ещё раз Кабанов вспомнил о Минине, указав, что царь Михаил пожаловал его думным дворянством, но один из избавителей России прожил только до 1616 г.¹⁴⁷.

Подробный обзор скромной брошюры нижегородского автора начала XX в. показателен в отношении проблем изучения истории Смуты с точки зрения «нижегородской колокольни». Кроме затронутых вопросов о биографических сведениях о Минине до 1611 г. и толчка к его кличу, надо указать неясную роль Минина в военно-политической истории ополчения в 1612 г., на его отношения с Пожарским, чересчур упрощенный подход к решению проблемы о казанской поддержке нижегородцев... Также А.К. Кабанов однозначно согласился с мнением С.Ф. Платонова о трех нижегородцах-спасителях России – «посадского человека Минина, князя древнего рода Пожарского и государева богомольца Савву»¹⁴⁸. Между тем, в последнее время дискутируется вопрос об оправданности представления о заслугах протопопа Саввы в истории нижегородского ополчения¹⁴⁹. Также для А.К. Кабанова, как и для его современников, Смута закончилась въездом избранного на царство Михаила в Москву 2 мая 1613 г.¹⁵⁰. Начиная с советской историографии, завершение Смуты отодвигается к 1618 г.

Отдельного разговора заслуживает спор о месте знаменитого выступления Минина. У А.К. Кабанова клич «нижегородского мещанина» прозвучал у Спасо-Преображенского собора. Объяснить такой неподтвержденный источниками локус можно тем, что в Спасо-Преображенском соборе протопопом был Савва Евфимьев. И если он выступал, то ему логичнее это было сделать с паперти своего храма. Между тем, к настоящему времени сложилось устойчивое убеждение, что Минин воззвал к народу у храма Иоанна Крестителя, у подножия Ивановской башни Нижегородского кремля. Утверждение этого мнения произошло, благодаря еще одному историческому «тексту» – картине К.Е. Маковского.

¹⁴⁶ Кабанов А.К. Смута Московского государства и Нижний Новгород... С. 61.

¹⁴⁷ Кабанов А.К. Смута Московского государства и Нижний Новгород... С. 63.

¹⁴⁸ Кабанов А.К. Смута Московского государства и Нижний Новгород... С. 63.

¹⁴⁹ Пудалов Б.М. Третье имя на обложке (к вопросу о руководителях земского движения в Нижнем Новгороде в 1611–1612 гг.) // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 125–137; Митрофанов В.В. Роль С.Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX – первой трети XX в... Челябинск, 2011. С. 312. Прим. 1297.

¹⁵⁰ Кабанов А.К. Смута Московского государства и Нижний Новгород... С. 63, 64.

В историографии последнего времени все более и более внимания приковывается к коммеморативным и мемориальным практикам, которые играют роль пропагандиста и фиксатора тех или иных стереотипов в представлении о прошлом. И в этом отношении изобразительный «текст» полотна играет равновесную с собственно историческим текстом роль в постижении прошлого.

Яркий образ, рожденный кистью художника, меткая словесная характеристика воздействуют на эмоционально-эстетическое восприятие сильнее, чем справочный аппарат, добросовестные ссылки, обоснованные причинно-следственные рассуждения и доказательная база научно-исторического труда... К таким источникам знания о прошлом России относится полотно К.Е. Маковского «Воззвание Минина». Она посвящена судьбоносному моменту в истории России – призыву Кузьмы Минина к нижегородцам собирать средства на ополчение, сыгравшего важную роль в преодолении Смуты.

Для самого К.Е. Маковского эта картина стала тоже судьбоносной. Он писал ее более 20 лет. Начало работы художника совпало с вызреванием в российской культуре потребности увековечить подвиг ополчения, созданного по призыву Минина. Еще Екатерина II с удовлетворением восприняла разработанный по ее заказу М.В. Ломоносовым проект: увековечить в картинах «из Российской истории знатные приключения». Из 25 сюжетов допетровского времени, выбранных Ломоносовым, 3 были связаны с историей нижегородского ополчения 1611–1612 гг. Особое внимание уделялось Минину: «На нижегородской пристани представить купца-старика на возвышенном месте, указывающего на великую близ себя кучу мешков с деньгами, а другою рукой народ помавающего. Многие, кругом стоя, ему внимают прилежно, иные деньги в чаны всыпают, иные мешки приносят, сыплют серебряные копейки...; приносят в одно место разные товары; кладут перед него письменные обязательства. Все разными движениями изъявляют охоту к освобождению Отечества от разорения»¹⁵¹. Уже в этой аннотации Минин предстал олицетворением народного движения.

Это устраивало царей Романовых, утвердившихся на престоле вследствие призыва Минина. Начало XIX в., как указывалось выше, ознаменовалось подготовкой 200-летнего юбилея воцарения Романовых. Затем на протяжении

¹⁵¹ Цит. по: *Маршова И.В.* Кузьма Минин в русском изобразительном искусстве... С. 237–238.

всего столетия в. в России усиленно формировался культ Минина – «Спасителя Отечества. С Мининым связывалась идея о естественной тяге русского народа к монархии. Развитие этого процесса продолжалось в правления Александра II, Александра III и Николая II. На этот промежуток накладывается долгая, сложная и полная мучительных творческих поисков работа К.Е. Маковского по созданию монументального полотна.

Если посмотреть на произведения искусства первой половины XIX в., посвященные воззванию Минина, то обнаруживается «разноголосица» в ландшафтном фоне, событийном контексте. Это объяснимо тем, что исторические источники скупы и противоречивы относительно Кузьмы Минина: когда и где родился и жил, где и когда выступил в 1611 г., каковы дата и обстоятельства смерти... Эти вопросы исчерпывающе не решены до сих пор. При этом в последней трети XIX в. завершилось формирование «набора сведений» о Минине в нижегородском краеведении. Основу этого процесса заложил П.И. Мельников-Печерский. Путем допущений и исторических мистификаций он предложил «факты» – места проживания, захоронения и выступления Минина.

Эти нижегородские сведения к середине XIX в. заняли прочное место в российском историческом знании. Повышенный интерес к подвигу ополчения Минина и Пожарского проявляли и власти, и общество России в XIX в. Нижегородцы не оставались в стороне. В Нижнем Новгороде была сооружена величественная гробница Кузьма Минина в новом здании Спасо-Преображенского собора (1834 г.). Изыскания П.И. Мельникова обуславливали частые обращения нижегородских властей и просто нижегородцев к российским властям возвести достойный памятник на родине Минина. В начале 1870-х гг. под давлением этих просьб президент Академии художеств предложил запечатлеть его призыв в живописи.

Среди художников, сразу откликнувшихся на данное предложение, был и К.Е. Маковский. Он в начале своего творческого пути принадлежал к художникам-передвижникам, преодолевавшим каноны позднего классицизма. Передвижники переносили акценты со средиземноморских и ближневосточных пейзажей, героев античной, германской мифологии и библейской традиции, сюжетов древнегреческой и римской истории на изображение российской природы, отображение общественных проблем и осмысление прошлого своей страны и ее народа. В последнем они наряду с крупными историками выступили в роли приобщения подданных Российской империи к своему прошлому.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Реализм, ставший визитной карточкой стиля передвижников, позволял им это делать убедительно и доходчиво.

В связи с этим возникли особые трудности сопряжения эпически монументального образа призыва Минина с активно формировавшимися канонами реализма. Надо было показать патриотический порыв Кузьмы Минина и не стать банальным, не повториться в манере классицизма. Если посмотреть на традицию художественного представления Кузьмы Минина, князя Дмитрия Пожарского и ополчения, то мало найдется произведений искусства в полном смысле этого слова. Трудно было выбраться из торжественно-«забронзовевшего» пафоса, сопровождавшего представление подвига 1611–1612 гг. в XVIII–XIX вв.

Из писателей, поэтов, драматургов двух столетий, которые замахивались на создание образов Минина, Пожарского и ополчения, штампов, трафаретности и громких слов избежал лишь А.Н. Островский пьесе «Кузьма Захарьич Минин-Сухорук» (1862 г.). Поскольку до 1917 г. не было создано более реалистичного и высокохудожественного произведения на мининскую тему, чем эта драма, то надо предполагать ее воздействие на художника. Маковский должен был стремиться к образному воплощению Минина так, как он был выведен Островским. Очевидно, что на художника повлияли слова историка И.Е. Забелина: «Минин и Пожарский личности в полном и глубоком смысле исторические, и чтобы верно изобразить их, недостаточно знать только одни их личные дела и подвиги и жаловаться по этому поводу на скудость будто бы источников. Их личности сливаются со всем ходом их времени, от правильного понимания и правильного изображения которого вполне зависит и правильное изображение их лиц»¹⁵². Художник справился с этой задачей. Убедительность полотна Маковского придает узнаваемость нижегородского вида, определенного Ивановской башней нижегородского кремля.

Известно несколько вариантов изображения Маковским Минина¹⁵³. Они предшествуют образу, воплощенному художником на картине, и проигрывают

¹⁵² Забелин И.Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые... С. 185.

¹⁵³ См. подробнее: Помыткина Л.И. К.Е. Маковский «Воззвание Минина» // Помыткина Л.И. К.Е. Маковский «Воззвание Минина». Кузнецов А.А. Картина К.Е. Маковского «Воззвание Минина» глазами историка. Нижний Новгород, 2012. С. 16, 21–23.

ему в динамике и экспрессии. Есть свидетельство, согласно которому Маковский, идя по Нижнему Новгороду, увидел дерущегося с полицейским человека. Этот типаж в конечном итоге и был перенесен на картину.

Отталкиваясь от того, что художник большую часть времени писал картину в Париже, то можно попытаться датировать его встречу с прототипом главного героя. В 1891 г. К.Е. Маковский приезжал в Нижний Новгород, жил в гостинице на Сафроновской площади и оставил автограф в «Альбоме» Нижегородской губернской ученой архивной комиссии: «Вид, которым я любовался из моего окна с 1 по 17 июня 1891 года. К сожалению, фонтан так и не забил? Простите за пачкотню. К. Маковский». Запись сопровождается два рисунка¹⁵⁴. Предоставим слово Н.И. Приваловой, открывшей автограф и наброски Маковского: «В 1891 г. в июне месяце Маковский был в Нижнем Новгороде, где прожил больше двух недель... Из окна дома, в котором он остановился, Маковский любовался видом на Волгу. Открывавшийся перед ним водный простор с песками и... баржей посередине, чуть заметным контуром ярмарочного собора на горизонте и фонтаном Блиновского сада на переднем плане он запечатлел на бумаге. Рисунок неоконченный. Это даже не рисунок, а скорее карандашная зарисовка с автографом художника. Прекрасно выполнена фигура старика. Он стоит сбоку, заложив руки за спину, в надвинутой шапке старинного покроя, в кафтане XVII века, с чернильницей и гусиным пером у пояса. Особенно хорошо лицо, простое русское лицо в седой бороде клином, с внимательно-пытливым взглядом». Старик нашел свое место в картине – левее Минина.

Видимо, во время нижегородского визита Маковский под влиянием трудов нижегородских архивистов и краеведов, общения с ними выбрал и место действия своей картины – спуск от Ивановской башни кремля.

Рассмотрим соответствие историческим реалиям полотна К.Е. Маковского. Другими словами, прочитаем тот исторический текст, который представил на картине художник, и соотнесем его с современным научным знанием о выступлении Минина. Ведь художник в своем произведении выразил достижения исторической науки конца XIX в. Но она более чем за век существенно обогатила представления о формировании нижегородского ополчения в 1611

¹⁵⁴ Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Инвентарный номер ГОМ 11524. Альбом автографов Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Л. 10.

г. И сейчас картина Маковского продолжает транслировать историческое повествование конца XIX в. в эмоционально-образной форме.

Начать анализ надо с деталей, порождаемых различием в ремеслах историка и художника. Художник осознанно жертвует очевидными фактами для оптимальной передачи своих мыслей и идей. Понятно, что в исторической науке такая процедура не допускается. Галерея образов на картине представлена вымышленными и реальными персонажами. Исторические герои, кроме Минина: 1) справа от стола священник со свитком в руках – это архимандрит Нижегородского Печерского монастыря Феодосий, читающий читает грамоту от московского патриарха Гермогена, благословляющую нижегородцев на гражданский и ратный подвиг; 2) во главе крестного хода идет протопоп Савва Евфимьев, благословляя иконой; 3) рядом с Мининым – нижегородский воевода Звенигородский.

Три, не считая Минина, исторических героя олицетворяют три важных события, связанные с созданием ополчения. На полотне совмещены моменты, очередность которых должна быть следующей: чтение Феодосием грамоты Гермогена – крестный ход Саввы Евфимьева – речь Минина – сбор средств. Соотношение данных сюжетов в картине таково, что их одновременное представление не бросается в глаза. И в этом проявились мастерство К.Е. Маковского и следование традиции русской средневековой иконописи и лицевой миниатюры по «сжиманию» времени. Но для понимания смысла происходившего осенью 1611 г. в Нижнем Новгороде исторического действия надо помнить, что эти события разнесены по времени.

Какова же реальность этих событий? Чтение грамоты патриарха Гермогена Феодосием – за этим изображением на картине стоит долгий спор историков. До сих пор можно встретить суждение о том, что Минина вдохновила на выступление грамота из Троице-Сергиева монастыря. Эта идея господствовала в исторической науке России конца XIX–начала XX вв. с опорой на реальную грамоту из монастыря. Но она датируется началом октября 1611 г., когда полным ходом шло формирование ополчения. Такой расчет представил историк Забелин, предположивший, что призыв Минина был обусловлен грамотой патриарха Гермогена. Ее доставил в Нижний Новгород Родион Моисеев (об этом сообщают источники).

Сторонников версии о грамоте Гермогена, подтолкнувшей Минина к призыву, когда Маковский работал над картиной, было немного. Получается, что

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

художник принадлежал к этому меньшинству. Ведь только через 20 лет после написания картины – в 1916 г. – П.Г. Любомиров почти математически подтвердил правоту Забелина: клич Минина был обусловлен грамотой патриарха, но не Троице-Сергиевой обители. Художник Маковский оказался в этом вопросе больше историком, чем многие тогдашние исследователи прошлого. Об этом свидетельствует то, что на картине, судя по одежде, по цвету листвы и травы на склонах, изображено сентябрьское время. Грамота патриарха Гермогена была доставлена в Нижний Новгород 25 августа 1611 г. Минин стал исполнять обязанности земского старосты с 1-го сентября 1611 г.

Изображение воеводы В.А. Звенигородского служит средством выражения идейного замысла художника. Он состоял в том, чтобы показать пробуждение народной инициативы в момент, когда дворянство, власть и духовенство не могли найти выход из Смуты. На деле, ситуация была иной. Нижегородским уездом в самые опасные для Нижнего Новгорода 1608–1610 гг. управляли воеводы А.А. Репнин и А.С. Алябьев. Они получили эти должности из рук Василия Шуйского. В 1611 г. первым воеводой в Нижний Новгород был назначен князь Звенигородский – ставленник «семибоярщины». Неизбежно между ним и Алябьевым (Репнин умер летом 1611 г.) должны были возникнуть трения.

Репнин и Алябьев снискали себе авторитет среди нижегородцев тем, что в 1608–1611 гг. обеспечили защиту Нижнего Новгорода и возглавили борьбу за освобождение от них значительных территорий вокруг города. Их верность Василию Шуйскому противоречила политическому курсу «семибоярщины». И появление князя Звенигородского в городе должно было привести к параличу воеводской власти. На этом фоне и развивалась народная инициатива, олицетворенная Мининым.

К.Е. Маковский, изобразив одного Звенигородского, обеднил патриотический контекст выступления Минина. Получается, что призыв был, как гром среди ясного неба в Нижнем Новгороде. А он ведь в 1606–1611 гг., благодаря другим воеводам, вел активную и наступательную борьбу с болотниковцами, тушинцами, разбойничьими отрядами и шайками. Именно, воевода Алябьев пользовался большим уважением нижегородцев, нежели недавно прибывший Звенигородский. Уже после начала формирования ополчения Алябьев вместе

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

с дьяком Семеновым как официальное руководство города заключили «приговор» с И. Биркиным, Кузьмой Мининым и посадскими людьми Нижнего Новгорода о взятии неокладных доходов «ратным людем на жалованье...».

Компромисс мнений историков можно усмотреть в помещении Маковским в картину архимандрита Печерского монастыря и Саввы Евфимьева. Благодаря научному авторитету С.Ф. Платонова, с начала XX в. закрепилось мнение о том, что выдающуюся роль в организации ополчения сыграл Савва Евфимьев – протопоп нижегородского Спасо-Преображенского собора. Это утверждение уводило в тень лидера нижегородского духовенства – архимандрита Печерского монастыря Феодосия.

Мнение С.Ф. Платонова о ведущей роли Саввы Евфимьева основывалось на сведениях «Лобковского» и «Ельнинского» хронографов. Изобразив Савву Евфимьева одним из инициаторов создания ополчения, К.Е. Маковский стал жертвой доверия фальсифицированному источнику (художник здесь следовал Мельникову, ведь работа С.Ф. Платонова появилась позже 1896 г., когда было создано полотно). Но тот же Маковский «уравновесил» Савву Евфимьева реальным героем событий сентября 1611 г. архимандритом Феодосием. Что стояло за этим, как сейчас показывает историческая наука, верным решением: интуиция художника или знание реалий церковной иерархии?

Доверие П.И. Мельникову обусловило и появление несуразной с точки зрения исторической действительности и церковной субординации сцены. Крестный ход, возглавляемый Саввой Евфимьевым, на картине движется от храма Иоанна Предтечи. А Савва был протопопом Спасо-Преображенского собора (находился внутри кремля), и церковные действия рядом с храмом Иоанна Предтечи должен был совершать его настоятель. Но, поскольку Савва Евфимьев в понимании Маковского участвовал в организации ополчения, то в картине его роль «статиста» была неприемлема. В руках у Саввы – икона Казанской Божией Матери. Очевидно, в этой детали художник следовал распространенному стереотипу. Согласно ему, данная икона покровительствовала ополчению Минина и Пожарского с момента его формирования. На самом деле, икона осенью 1611 г. находилась в Первом ополчении под Москвой, а зимой 1611/1612 гг. попала в Ярославль, куда в конце марта 1612 г. привели ополчение Пожарский и Минин.

Художник был вынужден изобразить Савву Евфимьева у Ивановской башни, поскольку там и прозвучал судьбоносный для России клич Минина.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Это сведение К.Е. Маковский почерпнул из трудов нижегородских историков XIX в. Они путем допущений и согласований пришли к компромиссу, что Минин воззвал к нижегородцам на торгу близ церкви Иоанна Предтечи. Этот вывод, произвольный с научной точки зрения, запечатлен Маковским. Однако, у исследователей нет в распоряжении источников, позволяющих определить место призыва Минина. Приблизительно в то же время другой известный художник – И.Е. Репин – пытался воплотить на холсте призыв Кузьмы Минина. С определенной натяжкой место выступления Минина можно определить как Спасо-Преображенский собор. Видимо, в данном случае победила версия, которую ёмко выразил А.К. Кабанов, и которая была связана с Саввой Евфимьевым. Однако картина К.Е. Маковского оказалась более удачной и исключила все возможные варианты визуализации воззвания Минина.

Воспроизведение сведений, распространенных в историческом знании России второй половины XIX в., дополнялось творческой реконструкцией Маковским деталей ушедшего прошлого. Художник знал, что в начале XVII в. на месте каменного храма Иоанна Предтечи стоял деревянный. Это сведение содержится в комментариях к опубликованному в 1886 г. «Нижегородскому летописцу» (памятник нижегородского летописания XVII в.). Воссоздать облик храма художнику помогло знание бытовых, повседневных реалий XVII в. Здесь остается доверять К.Е. Маковскому, его интуиции и эрудиции, поскольку описания деревянного храма Иоанна Предтечи начала XVII в. не имеется.

Более неоднозначна ситуация с изображением Ивановской башни. На картине она напоминает одну из башен кремля в Москве (ср.: Средняя Арсенальная, Константино-Еленинская). По сравнению с сегодняшним обликом ее образ на картине К.Е. Маковского уступает в масштабности и величественности. Такое расхождение объясняется тем, что Маковский в Нижнем Новгороде видел разрушавшуюся от обветшания, как и весь кремль, Ивановскую башню. Деформация к концу XIX в. исказила ее первоначальный облик. Здесь художник, как мог, творчески «восстанавливал» ее образ. За основу, видимо, и была взята кремлевская башня первопрестольной. Научно обоснованная реконструкция нижегородского кремля лишь после Великой Отечественной войны станет реализовываться.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Картина «Воззвание Минина» отразила исторические представления конца XIX в. о судьбоносном моменте истории Смуты и России и одновременно является историческим фактом в развитии этого сюжета. Она обозначила новый вектор в развитии иконографии этого сюжета. Сила образа, созданного художником К.Е. Маковским, закрепила научно недоказанный «факт» выступления Минина у подножия Ивановской башни нижегородского кремля. Развитие этого мнения привело к тому, что ее стали считать и местом выхода ополчения на освобождение Москвы (об этом свидетельствует бронзовый барельеф, водруженный на башне). Итогом данного процесса стало установление реплики памятника И.П. Мартоса перед нижегородской церковью Иоанна Предтечи в 2005 г. Картина К.Е. Маковского создала «место памяти» о Минине и о нижегородском ополчении силой художественного воздействия. Это – площадь Народного единства, которая связывает храм Иоанна Предтечи, Ивановскую башню и предполагаемое место проживания Минина.

В XX в. картине К.Е. Маковского суждено было сыграть важную роль в визуализации Нижегородского Подвига, напоминание о котором было нужным в Великую Отечественную войну. Неслучайно, что образ Минина, особенно его жест, переданные Маковским, легли в основу памятника Минину, воздвигнутого в Горьком в 1943 г. Центральная площадь города, где был установлен монумент, была переименована из Советской в площадь Минина и Пожарского. От нее отходят две улицы – Минина и Пожарского соответственно. Позже у начала улицы Минина будет установлен бюст Минина.

Интересно, что оба «места памяти» событий 1611–1612 гг., расположенные перед нижней и верхней частями нижегородского кремля соединены дорогой внутри его от Дмитриевской к Ивановской башне.

Нижний Новгород вспоминал о начале выхода из Смутного времени в 1911 г. Памятником этого юбилея прихода в Нижний Новгород грамоты патриарха Гермогена стала речь С.Ф. Платонова, произнесенная 25 августа 1911 г. на торжественном заседании НГУАК¹⁵⁵. Сначала историк крупными мазками обрисовал катастрофическое положение России к началу 1611 г., растерянность ее политической элиты, группировки которой ориентировались на

¹⁵⁵Речь профессора С.Ф. Платонова на торжественном заседании Нижегородской ученой архивной комиссии 25 августа 1911 года (публ. *Е.Б. Марахановой*) // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2005. С. 7–14.

разные внешние силы. Исключение Платонов сделал для патриарха Гермогена, обратившегося к поместному дворянству. Его разобщенность и слабость стали причиной поражения Ополчения, собранного Прокопием Ляпуновым. Вот тогда-то Гермоген и обратился к «последним» людям – низшей массе Московского государства. Одно из этих обращений, в котором содержались призывы не провозглашать сына Марины Мнишек царем и противодействовать казачьему «воровству», было доставлено в Нижний Новгород «безстрашным Родей Моисеевым». Грамота была прочитана в Нижнем Новгороде, когда общая подавленность общественных настроений перед лицом различных вызовов компенсировалась подъемом религиозного чувства, вызвавшего «видения». В них предлагались пути выхода из кризиса посредством возвращения русских людей к ценностям Православия. Платонов не упоминает в числе примеров «видение» Кузьме Минину, которого он называет Козьмой, но компетентные слушатели в Нижнем Новгороде сами могли это вспомнить. Нижегородцев 1611 г. Платонов противопоставляет другим героям движения за освобождение России: кроме героического почина, нижегородцы «не бросились в бой, очертя голову: они раньше всего занялись хозяйственным вопросом» – сбором средств. Ответственным за этот сбор был определен Минин – лицо в городе известное ведением большого хозяйства, грамотным распоряжением податных денег.

С.Ф. Платонов не следовал за источниками, но предложил отличную от большинства их версию. Не Минин, коего вдохновил на призыв явившийся во сне Сергей Радонежский, призвал население к борьбе, но народ, воодушевленный грамотой Гермогена, решает собирать деньги и выдвигает в ряды лидеров Кузьму Минина. Вероятно, такая организация речи показывает, что С.Ф. Платонов осторожно использовал сведения тенденциозных источников и оставался на позиции, согласно которой мало было достоверных источников для создания картины начала движения в Нижнем Новгороде в 1611 г. Рационализм ученого проявился и в том, что он напоминал нижегородской публике, среди которой было мало профессиональных историков, что почин нижегородцев мог завершиться, подобно рязанской инициативе Ляпунова, не откликнувшись «на зов Нижегородцев [не Минина – *авт.*]» «Смоляне, Вязмичи, Дорогобужцы», недавно обосновавшиеся под Арзамасом. Но и этот призыв к западнорусским дворянам Платонов отнес к хозяйственной распорядительности нижегородцев. Она проявилась и в том, что казаки под Москвой летом

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

1612 г. были поражены «превосходным внешним видом» ратников под знаменами Минина и Пожарского.

С.Ф. Платонов обошел вопрос об определении Пожарского военным предводителем Ополчения, усмотрев причину таких достоинств ополчения как «внешний порядок, превосходная организация дела, неторопливая, осмотрительная политика» в том, что Минин и Пожарский были «люди гениального ума, величайшего организаторского таланта» надо искать причину. Они и определили то, что ополчение быстро стало «всеземским, всенародным» и сплотило широкие общественные слои. Этому способствовали четкая программа ополчения, прекрасная хозяйственная сторона дела, отличное устройство войска. Для руководства ратью был создан особый «приказ», независимый от нижегородской администрации. Затем этот приказ дополнен «Советом всея земли», по сути, Земским собором, что превращало нижегородский почин в «дело всея земли». «Нижегородцы создали определенную земскую программу и Нижний-Новгород стал земским центром. Одно сознание, что существует такой центр, к которому можно было тянуться... — великая заслуга в тяжелую годину». Все это позволило сначала одержать победу «над казачьими полчищами», а затем — «создать национальное правительство, национальную династию». «Это был подвиг, который имел значение... для всего народа, для всего государства». Нижегородцы любили государству, бывшему «защитником народности». Поэтому «... патриотизм Нижегородцев, исходивший из народного чувства, всецело вылился в государственную форму».

Более четко С.Ф. Платонов рисовал картину создания ополчения в Нижнем Новгороде в докладе «1613 год в Московском государстве» в 1913 г.¹⁵⁶. Он конкретизирует те структуры, которые поднялись на борьбу за Россию, когда были дискредитированы боярство, дворяне и казачество. Эти структуры представляли собой мирскую военную организацию, возникшую «на податной почве». Далее — «Сам Минин, наиболее трезвый ум эпохи, начал с того, что ему явился ночью Преподобный Сергей и приказал начать действовать и всем сказать, чтобы постились, молились и каялись». Нижегородцы

¹⁵⁶ См. перепубликацию данной речи: *Платонов С.Ф.* 1613 год в Московском государстве (речь на торжественном собрании в Русском военно-историческом обществе) // *Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига.* Нижний Новгород, 2012. С. 11–19.

организовали сбор средств на ополчение так, как это было принято в податной системе. «Но так как это был мирской приговор, то и было поручено мирскому агенту Козьме Минину и он волен был получать и имел право сам производить раскладку». Военную организацию они поручили смоленским дворянам, оказавшимся под Арзамасом. «И самое драгоценное, что образовалось в этот момент, это союз двух жизненных, жизнеспособных сословий московского общества: городской мужик, организованный в податное общество, и мелкопоместный служилый человек, потребности которого были всегда ограничены и который при малом их удовлетворении, мог развивать известную служилую энергию. Вот те данные, из которых создано знаменитое Новгородское ополчение». Вопрос об определении Пожарского руководителем ополчения Платонов обошел и здесь. Князь появился у него сразу как лидер ополчения, когда надо было упомянуть его переговоры с князем Трубецким под Москвой.

Речь С.Ф. Платонова в 1911 г. контрастирует с его выступлением в Нижнем Новгороде в 1916 г., долгое время считавшимся утерянным. Однако его текст находился в бумагах НГУАК. Он не атрибутировался из-за его краткости¹⁵⁷. В данной речи снова подчеркивалась верность государственности как социальный атрибут тяглых людей. Но появились и новые – по сравнению с 1911 г. – идеи, объясняющие историческую предрасположенность тяглых людей к политической самоорганизации. Возможно, на такое смещение акцентов повлияло знакомство Платонова с исследованием своего ученика Павла Григорьевича Любомирова, готовившего к защите магистерскую диссертацию. В ней подробно была прослежена судьба ополчения от его зарождения в Нижнем Новгороде осенью 1611 г. и до избрания царем Михаила Федоровича Романова в феврале 1613 г. в Москве.

Понятна идеология речи С.Ф. Платонова в 1916 г. Шла Первая мировая война. Ее исход зависел от консолидации народных масс – крестьян, рабочих, одетых в шинели. Война оживила «воспоминания» о народном подвиге

¹⁵⁷ Речь профессора С.Ф. Платонова на совместном заседании Городской Думы Нижнего Новгорода и архивной комиссии в память 300-летия со дня смерти Минина 8 мая 1916 г. // 1) Кузнецов А.А. Нижегородские тексты 1910–1920-х гг. о Минине и Пожарском (А.А. Кизеветтер, Н.А. Саввин, А.Я. Садовский) // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века. К 400-летию создания Первого ополчения под предводительством П.П. Ляпунова. Рязань, 2011. С. 259; 2) Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв... С. 18.

в Смутное время. И ярким примером являются нижегородские мероприятия в мае 1916 г. (к ним были приурочены сборы средств на так и не возведенный памятник Минину¹⁵⁸), которые освятил своей речью Платонов. Они были приурочены к кончине Кузьмы Минина. Кроме С.Ф. Платонова, своими выступлениями ярко обозначились московские историки А.А. Кизеветтер, В.Н. Бочкарев, нижегородцы А.К. Кабанов, Н.А. Саввин.

Особенно примечательны доклады первого и последнего. А.А. Кизеветтер написал эту речь¹⁵⁹ к 1916 г. и, видимо, тиражировал ее в периодической печати и официальных общественно-политических форумах. Образы Минина, Пожарского и Нижегородского ополчения оказались удобными для размышлений А.А. Кизеветтера об исторических корнях патриотизма, который историк находил в военно-политическом поведении России и ее союзников по Антанте. Он задавался вопросом: «В... чем состоит сущность того таинственного процесса народной психологии, силой которого определенная историческая личность возводится на пьедестал национального героя? Ведь исторические деятели сопричисляются к лику национальных героев не распоряжениями официальных властей и не приговорами отдельных историографов, а тем стихийно слагающимся «гласом народа», про который сказано, что он есть «глас Божий». На чем основываются эти приговоры всенародного сознания?». И отвечал на эти вопросы: «Народ творит своих национальных героев по собственному образу и подобию». «Кузьма Минин принадлежит к таким героям. В его подвиге как в зеркале отразилась идеальная духовная сущность народившего его народа».

Для союзников по Антанте Кизеветтер находил наиболее яркие личностные выражения национального духа в кризисные моменты истории («победоносные датчане наложили свое иго почти на все владения англо-саксов»; для Франции случилось «катастрофическое испытание в эпоху Столетней войны»; для России таким кризисом стала Смута). «Франция выдвинула образ вдохновенной девы, летящей... на крыльях мистического экстаза. Англия

¹⁵⁸ Галай Ю.Г. Во славу великого подвига нижегородского гражданина // Мининские чтения: Материалы докладов научных конференций. Нижний Новгород, 2001. С. 17.

¹⁵⁹ Речь профессора А.А. Кизеветтера на совместном заседании Городской Думы Нижнего Новгорода и архивной комиссии в память 300-летия со дня смерти Минина 8 мая 1916 г. // 1) Смутное время и земские ополчения в начале XVII века... С. 274–278; 2) Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв... С. 11–17.

выдвинула образ богатыря, могучими усилиями индивидуальной воли идущего к разрешению своей жизненной задачи. И вот, рядом с Жанной д'Арк и Альфредом Великим по праву занял свое место... нижегородский мясник, староста нижегородского посада Козьма Минин».

Его Кизеветтер характеризовал так: «образ Минина есть апофеоз самоотверженного выборного слуги земского мира, в крепкий союз сплоченного и единством мирской воли сильного»; «Вот образ народного вождя, который весь – экстаз, огонь, неудержимый порыв»; «Свой душевный жар, свой энтузиазм гражданина он осуществлял в чисто деловых, строго практических формах мирского «строения», в котором все было серьезно взвешено, деловито обдуманно и практично налажено»; «Ведь он [Минин] не только говорил пылкие речи, но и доказывал свое самоотвержение и самим делом: лишь только на посаде начался сбор добровольных пожертвований на ополчение, Минин отдал на это дело значительную часть своего состояния»; «Минин вел эту сложную и ответственную финансовую операцию твердо и решительно, умея в случае надобности на своекорыстных и нерадивых об общем благе людей «страх налагати»»; «А... под Москвой, когда решался исход всего дела, когда каждая минута была дорога и так сильна была опасность от внутренних раздоров, Минин не упустил ни одного нужного момента, чтобы явиться полезным для общего дела. Он был здесь уже не только казначеем, интендантом и хозяином, но и дипломатом и воином». «Пылкое, горячее сердце, радеющее о благе родины, сочеталось в нем с ясным, практическим умом. Способность пламенным призывом вызвать массы на подвиг соединялась в нем с умением и самому с головой уйти в кипучую работу. И в основе всего этого сияла несокрушимая вера в силу самодеятельности народной громады».

А.А. Кизеветтер отметил достижения тогдашней историографии. Из них важен вывод, согласно которому, деятельность Минина уже с осени 1611 г. приобрела общероссийский резонанс, а в Ярославле Минин вместе с Пожарским составили ядро общерусского правительства.

Николай Арсентьевич Савин в мае 1916 г. сделал доклад «Минин как литературный герой»¹⁶⁰. Н.А. Саввин проследил эволюцию образа Минина,

¹⁶⁰ Рукопись Н.А. Саввина «Минин, как литературный герой» // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века... С. 264–273; Речь Н.А. Саввина «Минин как литературный герой» на торжественном

начиная с «Книги о чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина и «Жития преподобного Дионисия к драме А.Н. Островского «Кузьма Захарыч Минин-Сухорук». Н.А. Саввин убедительно подводил к мысли, что только Островский преодолел схематизм, «ходульность» в традиции показа Кузьмы Минина. В этом драматургу способствовал художественный дар и вооруженность историческими данными. Последнее важно, так как Саввин обозначил дефицит исторических источников в отношении биографии и поступков Кузьмы Минина, проблему актуальную и поныне. Сам Саввин проявляет осведомленность в исторической науке, что позволило ему представить исследование, сделанное на стыке литературоведения и истории.

В «нижегородских текстах» о Минине 1916 г. ставились проблемы увековечивания его и Ополчения подвига. Эти проблемы обусловили внимание к поиску и публикации новых источников (С.Ф. Платонов), из которых, кроме новых знаний, извлекались и новые вопросы. К ним относятся феномен социально-политической активности «тягловых людей», которые явились в начале XVII в. носителями и хранителями идеи Российской государственности (С.Ф. Платонов, А.А. Кизеветтер); проявления персональной, личной активности в наивысшие моменты социокультурных кризисов в разных странах – своего рода компаративистские исследования А.А. Кизеветтера, стимулированные Первой Мировой войной; литературная коммеморация образа Минина и его сподвижников (Н.А. Саввин). Н.И. Храмцовский провел параллель между Жанной д'Арк и Мининым. В речи Кизеветтера мы видим первый пример научного сопоставления двух разнородных, но типологических близких фактов. Однако эти тексты не дали почти ничего нового, кроме историософско-публицистического осмысления феномена Минина и Нижегородского ополчения.

Поток подобных изданий в общеимперском масштабе не иссякал в связи с патриотическим подъемом в Первую мировую войну. К числу таких научно-популярных работ следует отнести и книгу польского историка Казимира Валишевского «Смутное время», в которой автор затронул историю Нижегородского ополчения¹⁶¹. Валишевский решал задачу представления

совместном заседании Городской думы Нижнего Новгорода и архивной комиссии в память 300-летия со дня смерти Минина // Мининские чтения..., 2011. С. 211–220.

¹⁶¹ Валишевский К. Смутное время. М., 1989. С. 374–393.

ополчения и апологии поляков. Первая часть решалась за счет микширования разнородных источников и пересказа в манере Н.И. Костомарова. Вторую составляющую проблемы К. Валишевский обошел так: он обесценил действия поляков в 1611–1612 гг., показал их недалёковидность и, тем самым, показал, что они не представляли военной опасности для Ополчения. Нового в освещении проблематики истории Ополчения Минина и Пожарского в сочинении Валишевского представлено не было.

Из научных новинок начала XX в. надо вспомнить изыскания А.Я. Садовского и, конечно, фундаментальный труд П.Г. Любомирова (о нем позже). В 1915 г. председатель НГУАК А.Я. Садовский напечатал обстоятельную работу, выводами которой стали признание фальсификатом имени Минина в купчей 1602 г., опубликованной П.И. Мельниковым, а, следовательно, утверждение: «... порывается всякая связь Кузьмы Захарьева с Кузьмою Мининым, и Кузьма Минин должен именоваться так, как именовался он сам, как именовали его родные и как именовали его дошедшие до нас официальные документы того времени, – только Кузьмою Мининым»¹⁶². То есть, Кузьма Захарьев Сухорук и Кузьма Минин признавались разными людьми, жившими в одно время. Можно сказать, что несколькими годами ранее А.Я. Садовский стал организатором сборника, который «закрыл» в научном отношении проблему потомков Кузьмы Минина¹⁶³. Эти деконструкции должны были иметь большие последствия, поскольку перечеркивала ряд построений о местах жительства и выступления Минина. К сожалению, революционные потрясения повлияли на историографию Смутного времени, и уже в конце XX в. пришлось более аргументировано повторять выкладки Садовского.

Продолжил А.Я. Садовский и исследование того, что представляло собой нижегородское дворянство в 1612 г. Продолжил – так надо писать, поскольку в неопубликованной рукописи он ссылается на первый опыт ее издания в Ярославле. В 1902 г. Садовский выступал на Ярославском Археологическом съезде – текст выступления был представлен в реферате «К материалам по исследованию Нижегородского уезда в Смутное время и вскоре после него». Источниками этого труда стали писцовые и платежные книги

¹⁶² Садовский А.Я. Одно ли лицо Кузьма Минин и Кузьма Захарьев Минин Сухорук // Действия НГУАК. Т. 15. Вып. 9. 1915. С. 14.

¹⁶³ Материалы по истории Нижегородского края. Дело о потомках Козьмы Минина /Под ред. А.Я. Садовского.— Н. Новгород, 1912. — 51 с.

первой половины XVII в., которые были в распоряжении НГУАК. Позднее – вероятно, между 1913 и 1917 гг. – данное исследование было доработано и дополнено, но осталось неопубликованным из-за перипетий установления Советской власти и скорой смерти самого А.Я. Садовского в 1926 г. Между тем, оно представляет собой историко-географический обзор Нижегородского уезда начала XVII в. с поименным указателем землевладельцев и требует фактом своего существования издания.

Текст А.Я. Садовского «Новые документы о Мининых» был написан в ноябре 1924 г.¹⁶⁴. Поводом и основанием для этого стало обнаружение на колокольне Спасо-Преображенского собора в Нижнем Новгороде списка с кабальной записи 9 марта 1635 г., выданной купцами Чапуриными вдове Кузьме Минина – Татьяне и в связи со знакомством с синодиком Спасо-Преображенского собора, где был записан род Минина. Результатом изучения Садовским этих источников в сопряжении с уже известными документами стали выводы и постановка вопросов, которые и в начале XXI вв. находятся в фокусе научного внимания. Для Садовского неясным осталось происхождение Минина, но «можно только с уверенностью сказать, что записанные во всех синодиках (Печерский, Архангельский, Спасо-Преображенский) на первом месте... должны быть отец и мать Минина», которые были нижегородцами. «Если бы род Кузьмы Минина не пресекся, мы имели бы ходатайства о передаче Богородской отчины прямым потомкам – детям, внукам, однако этого не было. Факт записи в Архангельский, Спасо-Преображенский синодики Татьяны Таисией подтверждает пресечение рода». А.Я. Садовский уделил вопросу о братьях Кузьмы Минина – в синодиках нижегородских храмов и в балахнинских документах. Вывод из этого исследования 1924 г. – балахнинские и нижегородские Минины не соотносились между собой, не были родственниками.

По иронии судьбы балахнинскую версию суждено было возродить пасынку Садовского – И.А. Кирьянову (видимо, И.А. Кирьянов не был знаком с архивом отчима)¹⁶⁵. И вот она укрепилась, оказавшись прочно впечатанной

¹⁶⁴ См.: Садовский А.Я. Новые документы о Мининых // // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Нижний Новгород, 2012. С. 20–23.

¹⁶⁵ Кирьянов И.А. О Кузьме Минине (Новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144–146.

в историческое сознание балахнинцев установкой памятника Кузьмы Минина. В этом заключается ответ на вопрос, что могло произойти в случае своевременной публикации статьи Садовского. Почти на век раньше укрепилась бы нижегородская гипотеза происхождения Минина, не пришлось бы исследователям начала XXI в. преодолевать балахнинскую догадку (нет худа без добра: в этом преодолении произошло обогащение биографии Кузьмы Минина, более глубокое изучение прошлого Нижнего Новгорода и Балахны в XVI–XVII в.). Тем не менее, пример с этой статьей и ее публикацией показывает, что рано или поздно историческая наука расставляет все на свои места.

Советская историография о Смутном времени и нижегородских его страницах и персонах развивалась сложно и противоречиво.

Свержение монархии в 1917 г. и установление Советской власти не могли не сказаться на восприятии победившим обществом символов и атрибутов ушедшей в прошлое России. К ним, несомненно, относились события Смутного времени – создание по кличу Минина Ополчения в Нижнем Новгороде в 1611 г., освобождение им Москвы от поляков в 1612 г. и последовавшее избрание Михаила Романова на царство в 1613 г... Минин, Пожарский и нижегородцы оказались причастными к утверждению новой династии. Память об этом до 1917 г. была священной, и в 1913 г. Николай II в этой связи почтил своим визитом Нижний Новгород. В честь 300-летия утверждения династии Романовых в Нижнем Новгороде было возведено здание Банка, оформленного посредством императорской символики. Она девальвировалась, и все оценочные знаки поменялись. Образно ее отношение к поступку Минина и нижегородскому походу на Москву выразил в 1931 г. поэт Джек Алтаузен¹⁶⁶:

¹⁶⁶ Поэт Джек (Яков) Моисеевич Алтаузен родился 14 декабря 1907 г. на Ленских приисках, в семье старателя. В 11 лет попал в Китай. Жил в Харбине, Шанхае, работал мальчиком в гостиницах, продавал газеты, служил в качестве бота на пароходе. Вместо прежнего имени Алтаузену было записано в документ имя Джек. Из Харбина он добрался до Читы, где встретился с поэтом Иосифом Уткиным, который помог ему добраться до Иркутска. В Иркутске он работал на кожевенном заводе, на лесосплаве. В конце 1922 г. Алтаузен вступил в комсомол, а в 1923 г. по комсомольской путевке приехал на учебу в Москву. Он занимался в Литературно-художественном институте. В конце 1920-х гг. Алтаузен работал в газете «Комсомольская правда» секретарем литературного отдела. Творчество Маяковского и Багрицкого оказало значительное влияние на Джека Алтаузена, способствуя формированию характера его поэзии. Алтаузен, военный корреспондент газеты «Боевая красноармейская», погиб на фронте 25 мая 1942 г. (справка составлена по: <http://altauzen.ouc.ru/biograf.html>)

«Я предлагаю Минина расплавить...
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.

Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю: это было бы под стать.
Подумаешь – они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?»

Из творческого наследия Алтаузена на рубеже XX–XXI вв., когда политическая элита России занялась обретением историко-культурной идентичности, только это стихотворение будоражит воображение россиян как пример неуважительного отношения Советской власти к истинным национальным святыням. Такому одностороннему отношению надо противопоставить подход, учитывающий сложные связи исторической научной мысли и художественного творчества. Думается, что Джек Алтаузен поэтическими средствами уловил и выразил тогдашнее отношение тогдашней советской исторической мысли к Минину и Пожарскому. Более прозаично, следуя идеологической конъюнктуре, действовал Демьян Бедный. В 1930 г. он опубликовал в «Правде» стихотворный фельетон «Без пощады», где Минин и Пожарский показаны взяточниками и казнокрадами, палачами народного движения – Смуты. Поэтому их величие, как и величие России до 1917 г. – «печальное, рогожно-мочальное»¹⁶⁷. Эти идеи шли из тогдашней «прирежимной» историографии. К ней нельзя отнести тогдашних профессиональных историков – С.Ф. Платонова, П.Г. Любомирова, М.М. Богословского, С.В. Бахрушина, И.А. Яковлева, С.Б. Веселовского, М.К. Любавского, Ю.В. Готье, В.Н. Бочкарева, М.Н. Тихомирова и др. Например, С.В. Бахрушин в 1920-е гг. представил работу, посвященную Минину¹⁶⁸. Официальными советскими историками надо считать М.Н. Покровского и его учеников.

¹⁶⁷ Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 62–63.

¹⁶⁸ Бахрушин С.В. Кузьма Минин. Его жизнь и деятельность. М., 1921.

Согласно Покровскому, Смута выражалась в деградации центральной власти в России, в оккупации интервентами русских земель и Москвы, чехарде «крестьянских», «буржуазных» и «казацко-крестьянских» царей. К интересам русского торгового капитала – русского купечества и близких к торговле дворян – интервенты были равнодушны. Поэтому русским торговым кругам нужно было сильное национальное правительство. Эта потребность воплотилась в Минине. Он собрал деньги на Ополчение. Военным предводителем Ополчения, а значит, и торгового капитала стал князь Пожарский. В создании Нижегородского ополчения проявился буржуазно-дворянский альянс начала XVII в. Покровский называл Минина и Пожарского предводителями реакционного «купеческо-помещичьего ополчения». Оно разгромило интервентов, но и подавило крестьянскую революцию.

Эти мотивы и угадываются в виршах Алтаузена и Бедного, которым суждено недолго было быть популярными и симпатичными властям. Поэтов подвела временная дистанция между их творениями и результатами исследований историков. К 1931 г. завершилось «Академическое дело», катком прошедшее по судьбам классических историков. Триумф их коллег из «красной профессуры» был недолгим. М.Н. Покровский умер, и репрессии обрушились на них. Их революционно-интернациональный нигилизм перестал устраивать власть Советского государства, со всех границ окруженного врагами и недоброжелателями. Для противостояния им нужен был патриотизм, который, наряду с «пламенными революционерами», красными героями Гражданской войны, должен был вдохновляться примерами более ранней истории¹⁶⁹. К ним относились Минин и Пожарский.

Для создания советского исторического текста о подвиге Нижегородского ополчения нужно было время. Советское общество должно было получить полноценное, увлекательно написанное научно-популярное исследование. В школы и вузы, начиная с 1937 г., стали поступать учебники по истории, где говорилось о Минине и Пожарском в уважительно-примерном тоне. Соавтором разделов о Смутном времени можно считать И.В. Сталина. Общим местом в исследовательской литературе о Минине стало упоминание того, что М.В. Нечкина в выдвигаемом на конкурс учебнике 1935 г. писала об ополчениях 1611 г. и 1612 г. как о «контрреволюциях», о князе Пожарском

¹⁶⁹ Дубровский А.М. Историк и власть... С. 66–67, 69–70.

как о «старом контрреволюционере»¹⁷⁰. Возможно, что эти положения перекочевали в пробный учебник¹⁷¹. На экземпляре этого учебника, изучаемого руководителями СССР и ВКП(б) в 1935 г., остались приписки И.В. Сталина, текст которых красноречив. «Ту же реакцию («ха-ха») вызвало у него название части учебника, посвященной Первому и Второму ополчениям... Называлась эта часть в соответствии с традицией школой Покровского «Контрреволюция». «Что же, поляки и шведы были революционерами?» – задал вопрос Сталин»¹⁷².

В условиях цейтнота для решения задачи просвещения советского общества относительно Смутного времени обратились к труду не так давно репрессированного и недавно умершего историка С.Ф. Платонова. Его наследие оказалось востребованным после разгрома «школы Покровского». Историки, пострадавшие по «Академическому делу», возвращались из ссылки и включались в создание советского исторического повествования о прошлом СССР. Заочно довелось вернуться и Платонову.

В 1937 г. была переиздана десятитысячным тиражом монография С.Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.» В Предисловии подчеркивалось, что книга Платонова раскрывает «тот богатый источниковый материал, который ждет еще исследователя марксиста»¹⁷³. Начиналась эпоха адаптации дореволюционного исторического текстового массива о былом России к запросам общества, строившего коммунизм. Смутное время в России также должно было быть освоено. По иронии развития историографии в советское время, власти проигнорировали труды С.Ф. Платонова после 1917 г.¹⁷⁴ (правда, их выход «... в свет был молчаливым призывом к советским историкам объективно, а не с идеологических по-

¹⁷⁰ Дубровский А.М. Историк и власть... С. 265.

¹⁷¹ Минц И.И., Мороховец Е.А., Нечкина М.В., Сыроечковский Б.Е., Сыроечковский В.Е. Элементарный курс истории СССР (для начальной школы). Ч. I–II. М., 1935.

¹⁷² Дубровский А.М. Историк и власть... С. 269.

¹⁷³ Платонов С.Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. М., 1937. С. IV.

¹⁷⁴ Платонов С.Ф. Смутное время. Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI–XVII веков. Пг., 1923; *Он же*. Социальный кризис Смутного времени. Л. 1924.

зиций анализировать и освещать русскую историю начала XVII в.»), в которой «историк... обогатил свою концепцию Смутного времени новейшими достижениями общественной мысли, хотя и вынужденно»¹⁷⁵.

В том же 1937 г. к переизданию была подготовлена монография ученика С.Ф. Платонова – профессора П.Г. Любомирова (1885–1935)¹⁷⁶ «Очерк истории Нижегородского ополчения. 1611–1613». В основе книги лежала магистерская диссертация П.Г. Любомирова, защищенная им в 1917 г. и изданная монографией¹⁷⁷. В ней развивались и фактологически обогащались концептуальные идеи того же С.Ф. Платонова. Фактически же осмыслялся, как указано выше, вклад П.И. Мельникова в постижение феномена ополчения Минина и Пожарского.

И С.Ф. Платонову, и П.Г. Любомирову были присущи три тенденции: «приверженность государственно-монархической схеме русского исторического процесса, более того, апологетика самодержавия начала XVII в. (и его союзников в лице дворянства и зажиточной части тяглого населения), на том этапе представлявшего собой позитивное начало и являвшегося основой законного порядка и гаранта социальной стабильности, стремление обосновать свою концепцию на тщательном источниковедческом анализе материалов и

¹⁷⁵ Горбачев П.О. О развитии взглядов на Смутное время после 1917 г. в трудах Ю.В. Готье, Н.А. Рожкова и С.Ф. Платонова // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. СПб., 2011. С. 263.

¹⁷⁶ О нем см.: Чернов С.Н. Памяти историка П.Г. Любомирова // Русская наука в биографических очерках. СПб, 2003. С. 468–486; Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете. Страницы воспоминаний. // Историографический сборник. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 116–124; Подъяпольская Е.П. Доклад на траурном заседании ГИМа, посвященном памяти профессора П.Г. Любомирова // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. Саратов, 2009. С. 30–40; Соломонов В.А. Доклад Е.П. Подъяпольской на траурном заседании Ученого совета ГИМа, посвященном памяти профессора П.Г. Любомирова // Новейшая история Отечества XX–XXI вв. Саратов, 2009. С. 23–44; Соломонов В.А. «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным» (С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова) // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Саратов, 2002. С. 172–187; Соломонов В.А. «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П.Г. Любомирова С.Ф. Платонову 1912–1929 гг.) // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4. Саратов, 2011. С. 221–259; Куреньшиев А.А. Судьба историка: П.Г. Любомиров. 1885–1935 // Историографический сборник. Вып. 19. Саратов, 2001; Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006; Андреева Т.В., Смирнова Т.Г. П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов // Русская наука в биографических очерках. СПб, 2003. С. 456–468; Панеях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000; Кузнецов А.А. Слово о Павле Григорьевиче Любомирове и его сверстниках-коллегам // Подвиг Нижегородского ополчения. Том второй. Нижний Новгород, 2011. С. 454–478.

¹⁷⁷ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

углубленный интерес к социально-экономической проблематике»¹⁷⁸. В определенном смысле за П.Г. Любомировым тянулся более оппозиционный шлейф, нежели за его учителем: в Гражданскую войну он оказался на территории, контролируемой Колчаком, и преподавал в Томском университете¹⁷⁹. Данное обстоятельство было проигнорировано при издании нужной Советской власти книги. Ее публикаторы не преминули отметить, что сама тема Смуты, «не снимая классового анализа движения, анализа классовой борьбы...имеет, однако, свои права на внимание советской исторической науки. При этом необходимо использование лучшего буржуазного наследства. И думается, можно с полным правом сказать, что в этом отношении книга П.Г. Любомирова имеет большую ценность»¹⁸⁰.

Книга П.Г. Любомирова и по сей день остается единственным цельным, не потерявшим научной актуальности исследованием феномена ополчения, сформированного в Нижнем Новгороде и изгнавшего интервентов из Москвы. Свидетельство этому – переиздание данной книги¹⁸¹.

Не все исследовательские линии П.Г. Любомирова были подхвачены советской историографии. Так в главе «Устроение земли и создание правительства в Ярославле» ряд страниц автор посвятил сношениям Д.М. Пожарского со шведской стороной, обосновавшейся в Новгороде, по вопросу избрания царем шведского королевича¹⁸². Важным подспорьем Любомирову в этом вопросе стали публикации Г.А. Замятина (1882–1952)¹⁸³ о возможном избрании шведского королевича на русский престол¹⁸⁴. Этой проблематике была посвящена его магистерская диссертация, отдельные выводы которой были

¹⁷⁸ Андреева Т. В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941. Саратов, 2006. С. 59.

¹⁷⁹ Андреева Т. В., Соломонов В. А. Историк и власть... С. 114–116.

¹⁸⁰ Любомиров П.Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. С. 3.

¹⁸¹ Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. // Подвиг Нижегородского ополчения. Т. 2. Нижний Новгород, 2011. С. 11–453.

¹⁸² Там же. С. 188–195.

¹⁸³ См. о Г.А. Замятине и творчестве: Коваленко Г.М. Г.А. Замятин – историограф Смуты – в этом сборнике «Мининские чтения».

¹⁸⁴ Замятин Г.А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611–1616). Юрьев, 1913; Он же. «Новый летописец» о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. № 3.

представлены в «Трудах» Воронежского университета¹⁸⁵. В этих неподцензурных текстах Замятин показывал, что шведской кандидатуре на русский престол была отведена значительная роль, что не только часть новгородцев была настроена «прошведски», но сторонники Карла Филиппа были и ярославском стане Минина-Пожарского, что из него в 1612 г. исходила инициатива пригласить шведов на правление, что эта линия заглохла лишь Земском соборе 1613 г., когда обозначилась сила народа¹⁸⁶.

Естественно, такая тональность в подаче альтернативности истории Смуты никак не устраивала творцов советского исторического нарратива. В дальнейшем, в своей докторской диссертации (1943 г.), Г.А. Замятин охарактеризовал переговоры о приглашении шведского принца на русский престол как одну из печальных страниц в истории СССР. Эта же мысль читается и в его очерке, посвященном Минину и Пожарскому: переговоры со шведами – всего лишь дипломатическая уловка Пожарского во избежание войны на два фронта – с поляками и шведами¹⁸⁷. Обращает на себя внимание в этом очерке и желание Г.А. Замятина осветить истории Перми в Смутное время, связав ее с патриотическим движением русских городов. Надо сказать еще и то, что Г.А. Замятиным писались «в стол» исследовательские тексты, посвященные событиям Смуты на Северо-Западе. Увидевшие свет недавно¹⁸⁸, они опередили время и по ряду вопросов предвосхитили выводы исследователей второй половины XX в., а сейчас оказывают влияние на отечественную историографию. Для нашего очерка важны направления, связанные с дипломатическими и династическими инициативами руководителей Ополчения 1611–1612 гг.

Вскоре после советского издания трудов С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова появился и советский полухудожественный текст, прославляющий Минина и Пожарского, впрочем, имевший эмигрантский след. Текст принадлежит перу литературного критика В.Б. Шкловского, вернувшегося в 1920-е гг. в СССР. Разбирая исторические романы советских авторов о Смутном

¹⁸⁵ Замятин Г.А. Два документа к истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского государственного университета. Т. 1. Воронеж, 1925.

¹⁸⁶ Коваленко Г.М. Научное наследие Г.А. Замятина // Чтения, посвященные 70-летию Новгородской секции Санкт-Петербургского института истории РАН 22 дек. 2008 г. Великий Новгород, 2009. С. 88–91.

¹⁸⁷ См.: Замятин Г.А. Минин и Пожарский – в этом сборнике.

¹⁸⁸ Замятин Г.А. 1) Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории. СПб., 2008; 2) «К Российскому царствию пристоят». Великий Новгород, 2012.

времени, он пришел к выводу о создании исторической основы для подобных опусов. Его очерк «Русские в начале XVII века» начался примерно в 1937 г. В нем расставлены акценты в отношении патриотизма Минина и Пожарского. Заключительные строки очерка примечательны:

*«Умер Минин, умер Пожарский, в боях с поляками страна осознала себя единой. Родом гордился Пожарский, но родина прославила его тогда, когда дрался он вместе с московскими мужиками против поляков и немцев»*¹⁸⁹. Из очерка была создана повесть. Она, опубликованная в журнале «Знамя», определила выбор советским руководством В.Б. Шкловского в авторы сценария исторического фильма «Минин и Пожарский». Характерной чертой сотворения этого сценария стало, по признанию В.Б. Шкловского, следование источникам и научным трудам. Как указано выше, они крайне скупы в отношении Кузьмы Минина и скупы – Дмитрия Пожарского. Поэтому их образы в воплощенном в киносценарии оказались обезличенными¹⁹⁰ и, как сказал ранее Н.А. Саввин, «ходульными». Тем не менее, они, санкционированные и одобренные выше, влияли на последующую историографию в военное и поствоенное время. Надо признать, что тщательного изучения событий 1611–1612 гг. в связи с Мининым и Пожарским, руководимым ими ополчением, в советской историографии долго не проводилось, и (вос)производились результаты штудий С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова. Отдельные факты и процессы прошли через идеологический фильтр. Думается, что именно во второй половине 1930-х гг. закрепляется «понятие «интервенция» применительно к захватнической политике Речи Посполитой, а также Швеции в отношении России в начале XVII в.» (В.Д. Назаров¹⁹¹). На примере работы В.А. Фигаровского¹⁹² это отметил А.А. Селин¹⁹³. А еще в 1921 г. Ю.В. Готье¹⁹⁴, рассуждая «... о вмешательстве иностранцев во внутренние дела Московского государства..., заметил, что оно было «очень важным явлением

¹⁸⁹ Токарев В. Минин и Пожарский: Спасение в Смуте? // Историк и художник. 2004. № 1. С. 128–129.

¹⁹⁰ Там же. С. 132.

¹⁹¹ Назаров В.Д. Что мы празднуем 4 ноября? // Мининские чтения. Труды научной конференции. Нижний Новгород, 2006. С. 236. Прим. 2.

¹⁹² Фигаровский В.А. Отпор шведским интервентам в Новгороде // Новгородский исторический сборник. Вып. 3/4. Л., 1938. С. 58–85.

¹⁹³ Селин А.А. В.А. Фигаровский. Штрихи к портрету ученого // Чтения, посвященные 70-летию Новгородской секции Санкт-Петербургского института истории РАН... С. 52.

¹⁹⁴ Готье Ю.В. Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия. М., 1921.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Смуты», но подробно обосновывать свою позицию не стал...; ученый справедливо отметил, что, несмотря на драматичность Смутного времени, именно оно «приблизило Русь к Европе»¹⁹⁵.

Надо согласиться с тем, что от термина «интервенция» и категорий, адаптированных к постижению социально-классовых противостояний, применительно к истории Смуты нельзя отказываться. Например, они «работают» как инструмент при изучении программы ополчения Минина и Пожарского. Однако семантика его, и ему подобных понятий, пришедших из политического лексикона XX в., все-таки шире и вела к деформации действительности. В частности, тот же В.А. Фигаровский в переговорах со шведами, в отличие от Г.А. Замятина, видел исключительно проблему отделения Новгорода в пользу Швеции¹⁹⁶, что позволяло говорить о предательстве национальных интересов.

Несомненно, огромное влияние на реанимирование «мининского сюжета» оказали сложные отношения СССР с «белопанской» Польшей, которая с 1921 г. контролировала западную часть Белоруссии и Украины. После литературного и кинематографического очерчивания границ мининского дискурса в СССР за дело взялись историки. Например, в г. Горьком по инициативе Н.М. Добротвора (ученика М.Н. Покровского и А.М. Панкратовой) началась работа по комплектованию сборника, посвященного Минину и Пожарскому. Сборник вышел годы Великой Отечественной войны. Однако для основания предвоенной датировки является начало работы над статьей «К истории нижегородского ополчения (новые документы)» (вошла в сборник Н.М. Добротвора) Н.И. Приваловой – 1938 г.¹⁹⁷ – и упоминания об этом «проекте» в письмах ученика С.Ф. Платонова и товарища П.Г. Любомирова С.Н. Чернова горьковским корреспондентам. Он в 1937–1939 гг. преподавал в Горьковском педагогическом институте, где работал и Н.М. Добротвор¹⁹⁸.

¹⁹⁵ Горбачев П.О. О развитии взглядов на Смутное время после 1917 г. в трудах Ю.В. Готье... С. 258.

¹⁹⁶ См.: Коваленко Г.М. Г.А. Замятин – историограф Смуты – в этом сборнике «Мининские чтения».

¹⁹⁷ Кузнецов А.А. Н.И. Привалова – исследователь Смуты начала XVII в. // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2003. С. 41; Зюзина П.В., Кузнецов А.А., Пудалов Б.М. Н.И. Привалова: судьба провинциального историка в XX веке // Привалова Н.И. Делопроизводство касимовских кабаков и кружечных дворов в XVII веке. Нижний Новгород, 2008. С. 14, 15–16.

¹⁹⁸ Об этом подробнее см.: Кузнецов А.А. «Признаюсь, что я любил и люблю Горький и его славное, замечательное студенчество, его институт и моих по нему товарищей»: Материалы к биографии С. Н. Чернова в 1937–1941 годы // Русское средневековье: сборник статей в честь профессора Юрия Георгиевича Алексева. М., 2012. С. 35–54.

В 1938 г. Чернов приступил к работе, тема которой – «Нижегородский край в 1606–1611 г.» – напрямую связана с продолжениями штудий С.Ф. Платонова и хронологически предваряет исследование Любомирова о Нижегородском ополчении в 1611–1612 гг. Эта статья намечалась для сборника, собираемого Добротвором. Из-за того, что свое отношение к нему Чернов изменил, а статья по причине долгого и мучительного писания приобрела большой объем (52 страницы), она не была опубликована вовсе, хотя чудом уцелела после смерти С.Н. Чернова в оккупированном Пушкине¹⁹⁹. Надо сказать, что С.Н. Чернов безуспешно хотел в Горьком опубликовать и некролог П.Г. Любомирова как историка нижегородского ополчения. Издан он был лишь в начале XXI в.²⁰⁰.

По большому счету, 1930-е гг. не дали ничего нового в историографии нижегородского ополчения и деятельности Минина. Если взять горьковский историографический материал, то он свидетельствует о том, что происходило накопление данных, которые позже воплотятся в научный продукт позже. Издания второй половины 1930-х гг., посвященные Минину и Пожарскому, были не оригинальны в отношении сочинений С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова и лишь дополняли их патриотической риторикой²⁰¹. Показательно появление «мининского исследования» А.И. Козаченко²⁰², который стал творцом советского патриотического дискурса об Александре Невском²⁰³. В связи с этим примечателен факт партийно-идеологического заказа С.М. Эйзенштейну: «Уже 18 мая директор «Мосфильма» Софья Соколовская сделала режиссеру предложение снять историческую картину. На выбор ему были предложены Минин и Пожарский, Иван Сусанин и Александр Невский. 12 августа 1937 г. Эйзенштейн остановился на Александре Невском»²⁰⁴.

Исключением стало исследование А.Н. Свободова, непосредственно продолжившее штудии Н.А. Саввина. В них определяются истоки кандидатской

¹⁹⁹ ЦАНО. Ф. 6299. Оп.1. Д. 325. Л. 22, 26 об.; Ф. 907. Оп. 1. Д. 1210. Л. 7 об.–8, 13, 30–31; Список научных трудов Сергея Николаевича Чернова // *Чернов С.Н. У истоков русского освободительного движения*. Саратов, 1960. С. 414–415.

²⁰⁰ *Чернов С.Н.* Павел Пестель. Избранные статьи по истории декабризма. СПб., 2004.

²⁰¹ См. например: *Подорожный Н.Е.* Минин и Пожарский. М., 1939.

²⁰² *Козаченко А.И.* Разгром польской интервенции в начале XVII века. М., 1939.

²⁰³ *Шенк Ф.Б.* Александр Невской в русской культурной памяти... С. 285–292.

²⁰⁴ Там же. С. 306.

диссертации А.Н. Свободова, защищенной в 1941 г. Диссертация «Образы Минина и Пожарского в художественной литературе XVIII и XIX в.в.» стоит особняком в творчестве Свободова, поскольку он известен как специалист по литературному наследию Максима Горького. К сожалению, текст этого квалификационного сочинения Свободова пока не найден. Есть только тезисы²⁰⁵, кратко представляющие изложение выводов диссертации.

Подобно целому ряду великих персон истории России, чье прославление началось в 1930-е гг. (Александр Невский, Дмитрий Донской, А.В. Суворов, Ф.Ф. Ушаков, М.И. Кутузов, П.Н. Нахимов), Минин и Пожарский оказались востребованы в Великой Отечественной войне. Они упоминались в знаковых речах И.В. Сталина, его почин был подхвачен историками, писавших популярную литературу. О Минине и Пожарском вспоминали многие²⁰⁶. Можно сказать, что именно в Великую Отечественную войну сформировался набор основных сведений о биографии и миссии Минина, Нижегородском ополчении и его боевой эпопее²⁰⁷. Они будут повторяться и далее, иногда с обращением к сведениям П.И. Мельникова и Н.И. Храмцовского. Приходится констатировать, что плодотворные исследования в это время ушли из магистрального историографического русла и спустились на провинциальный уровень, оказавшись, так или иначе, связанными с Горьким (Нижним Новгородом). Однако эти плодотворные изыскания соседствовали с массой заблуждений и устоявшихся стереотипов.

В 1943 г. в Горьком выходит сборник «Великое дело Минина и Пожарского», который готовился с 1938 по 1941 гг. в Горьковском государственном педагогическом институте. Выход книги совпал с новым всплеском возвышения Минина и Пожарского. Речь И.В. Сталина 7 ноября 1941 г., где упо-

²⁰⁵ Свободов А.Н. Образы Минина и Пожарского в художественной литературе XVIII и XIX вв. // 1) Смутное время и земские ополчения в начале XVII века... С. 278–279; 2) Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв... С. 229–230.

²⁰⁶ Бахрушин С.В. Минин и Пожарский. Ташкент. 1942; Бибииков Г.Н. Минин и Пожарский. М., 1942; Нечкина М. Мужественный образ наших великих предков (в т.ч. Кузьма Минин). М., 1942. Не надо подробно писать о смене отношения М.В. Нечкиной к персоне Минина по сравнению с ее учебными текстами 1930-х гг.; Данилевский В.В. Кузьма Минин. М., 1944. Базилевич К.В. Минин и Пожарский. М., 1945.

²⁰⁷ См. например: Базилевич К.В. Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII века. Минин и Пожарский. М., 1946; Бибииков Г.Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. М., 1950. Т. 32. С. 173–197; Березов П.И. Минин и Пожарский. М., 1957.

минались имена Минина и Пожарского, приковала к этим историческим образам особое внимание. Поэтому в 1943 г. бывшая Благовещенская, переименованная в Советскую, площадь г. Горького получила имя Минина и Пожарского. На ней появилась скульптура Кузьмы Минина (стала неперменным атрибутом обложки сборника «Мининские чтения»). Улица Университетская стала называться, и называется поныне, улицей Минина.

В сборнике, в котором много материалов с преобладанием патриотическо-идеологической риторики, есть ряд научных исследований. Среди них выделяется исследование, которое мы сейчас бы отнесли к коммеморативным студиям, посвященным изучению развитию исторической памяти – это статья А.Н. Свободова об ополчении Минина и Пожарского в русской литературе²⁰⁸. Это научное произведение оставалось своеобразной загадкой, пока не были обнаружены свидетельства о диссертации Свободова и работа Н.А. Саввина. Совместно с сестрой крупного советского слависта – Н.Ф. Ржигой – А.Н. Свободов составил и опубликовал в этом сборнике библиографический указатель работ, посвященных Минину и Пожарскому, Ополчению. Думается, что он может быть востребован сейчас в коммеморативных практиках. Заслуживают научного внимания статьи Н.И. Приваловой, А.И. Парусова. Последний, оставшийся в историографии как один из пионеров в проблематике реформ Александра I, в предвоенные и военные годы отдал дань патриотической тематике статьей «Нижегородское ополчение в исторической литературе XX века».

Н.И. Привалова²⁰⁹ в 1920-е гг., когда училась в МГУ под руководством М.М. Богословского, С.В. Бахрушина, А.И. Яковлева, посвятила одну из своих студенческих работ Прокопию Ляпунову²¹⁰, другую – общему ходу Смуты и подвиге в ней русского народа²¹¹. В них, более походивших на фундированные историографией рефераты, не было научного позитива, но – отражение тогдашней историографии. Но сами по себе работы стали отправной

²⁰⁸ Свободов А.Н. Ополчение Минина и Пожарского в русской литературе // Великое дело Минина и Пожарского. Труды Горьковского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Вып. XI. Горький, 1943. С. 71–88.

²⁰⁹ Подробнее о Н.И. Приваловой см.: Кузнецов А.А. Н.И. Привалова – исследователь Смуты начала XVII века // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижний Новгород, 2003. С. 38–48.

²¹⁰ Привалова Н.И. Прокофий Ляпунов // Смутное время и земские ополчения в начале XVII века... С. 309–321.

²¹¹ ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Дд. 170, 171.

точкой для развития целого направления в научном творчестве Н.И. Приваловой. Уже вскоре после возвращения из ссылки, отбываемой по «Академическому делу» в 1934 г., Н.И. Привалова, кроме прочего, начала активно разрабатывать тему восстановления имен участников и героев освободительного движения в России эпохи Смуты по документам, относящимся ко времени после 1618 г.²¹². Таким направлением исследования ныне никого не удивить, но тогда это было новаторством. Этот-то текст и был напечатан в сборнике «Великое дело Минина и Пожарского».

Другие статьи носили парадно-официозный характер. Например, статья Д.Н. Смирнова грешила некоторыми ошибками²¹³. Например, одна из них восходила к фальсификации П.И. Мельниковым-Печерским купчей 1603 г., где упомянут Кузьма Захарьев Минин сын Сухорук. Д.Н. Смирнов неверно указал дом, принадлежавший Минину. Затем эта ошибка тиражировалась в знаменитой книге Смирнова о нижегородской истории XVII–XVIII вв.²¹⁴. Ничего нового в научном и познавательном планах не представляла собой и статья Н.М. Добротвора. Правда, фундамент, заложенный этим сборником, позволил затем Н.М. Добротвору выдать в 1947 г. более полноценный обзор истории Смутного времени.

Написанный по заказу государственно-партийных органов очерк Н.М. Добротвора «История города Горького» содержал компиляцию Московской грамоты 9 декабря 1606 г., Хронографа Столярова, Нового летописца, труда П.Г. Любомирова, книги С.Ф. Платонова «Древние русские сказания о Смутном времени...», сборников действий НГУАК²¹⁵. Поэтому очерк является лишь памятником научно-просветительской литературы. На его высокий уровень могло повлиять и то, что в распоряжении Н.М. Добротвора оказались архив и библиотека репрессированного Л.М. Каптерева, активно занимавшегося в 1920–1930-гг. историей Нижегородского края.

Низкий научный уровень сборника Н.М. Добротвора подтолкнул нижегородского (горьковского) историка, члена-корреспондента АН СССР С.И.

²¹² ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Дд. 74, 75.

²¹³ Смирнов Д. Кузьма Минин // Великое дело Минина и Пожарского. Горький, 1944. С. 43–58.

²¹⁴ Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Нижний Новгород, 1995. С. 43–44.

²¹⁵ Добротвор Н.М. История города Горького. Краткий очерк. Горький, 1947. С. 40–51. Кирьянов И.А. Н.М. Добротвор и нижегородское краеведение // Россия и Нижегородский край: актуальные проблемы истории. Материалы чтений памяти Н.М. Добротвора. Нижний Новгород, 1998. С. 19.

Архангельского, представителя последнего поколения НГУАК, организатора краеведения в 1920-е гг., С.И. Архангельского к проекту альтернативного компендиума, посвященного нижегородской истории. Начало работы над сборником «Нижний Новгород в XVII в.» Этот замысел воплощали в жизнь С.И. Архангельский и, в большей степени, Н.И. Привалова. Работа длилась 14 лет, издание сборника состоялось после смерти С.И. Архангельского (1958 г.)²¹⁶. В этом сборнике Н.И. Привалова опубликовала знаменитую купчую, где упоминается Кузьма Захарьев сын Сухорук (без мельниковской вставки «Минин»). Опубликовала так, что становится понятно: Кузьма Минин и Кузьма Захарьев сын Сухорук – разные лица. Однако в именном указателе страница с этой купчей приведена на имя Кузьмы Минина²¹⁷. В послевоенное время на патриотической волне поднялась идея, построенная на совпадении тульской дворянской фамилии Мининых с фамилией Кузьмы Минина, о том, что спаситель Отечества имел еще одного – «неучтенного» – сына Леонтия. От него-то, якобы, и пошла тульская ветвь Мининых. Н.И. Привалова начала проверять эту версию, что подтолкнуло ее к глубокому изучению проблемы Минина. Это проявится в ее более поздних работах.

В 1947 г. О.А. Яковлева в Рукописном отделе Ленинской библиотеки обнаружила «Пискаревский летописец» – важный источник по истории Смутного времени и Ополчению Минина и Пожарского, «наиболее значительный» памятник «неофициального летописания Смутного времени»²¹⁸. «Пискаревский летописец» был открыт и описан в 1871 г. А.Е. Викторовым. И, несмотря на это обстоятельство и на то, что он, как не атрибутированный источник, sporadически использовался в 1896 г. московским священником И.И. Кузнецовым, в 1947 г. П.В. Сытиным и в 1955 г. Р.В. Овчинниковым²¹⁹, научная заслуга его вторичного открытия и полноценного введения в науч-

²¹⁶ См. подробнее: *Кузнецов А.А., Мельников А.В.* Новые источники по научной биографии С.И. Архангельского; Планы сборника «Нижний Новгород в XVII в.» и издания «Нижний Новгород – Горький в документах и материалах» // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сборник научных и методических статей. Выпуск 9. Нижний Новгород, 2005. С. 167–186, 191–194.

²¹⁷ Нижний Новгород в XVII в. Горький, 1961. С. 402.

²¹⁸ *Солодкин Я.Г.* Очерки по истории общерусского летописания конца XVI–XVII первой трети XVII веков. Нижневартовск, 2008. С. 48.

²¹⁹ Там же. С. 48, 116 (Прим. 4).

ный оборот принадлежит О.А. Яковлевой. В конце 1955 г. была опубликована вторая часть «Пискаревского летописца»²²⁰. Как сетовала О.А. Яковлева в письме Н.И. Приваловой, Предисловие и комментарии к Пискаревскому летописцу при издании сократили в 8 раз, а изъятый материал предложили поместить в «Вопросы источниковедения», но комментарии, от которых отказались, по мнению исследовательницы, должны были пропасть вовсе²²¹. Этот материал так и не увидел свет. Указывала О.А. Яковлева на большое число опечаток, невыправленных при публикации. Но даже в таком виде напечатанный памятник не потерял своего значения до издания всего текста в Полном собрании русских летописей.

Следующим этапом упоминания событий Смутного времени в горьковской исторической литературе стало появление в 1950–1960-х гг. книг и исследований в связи с реставрацией Нижегородского кремля. В первую очередь, С.Л. Агафонов, И.А. Кирьянов обязательно указывали, что нижегородское ополчение двинулось в ратный путь от Ивановской башни кремля и давали общую картину событий начала XVII в. в России и Нижегородском Поволжье. Поскольку реконструкция этих событий не была главным делом при исследовании истории Нижегородского кремля и его восстановления, то авторы ограничивались обращением к общим трудам по истории Смуты и работам деятелей НГУАК²²².

И.А. Кирьянов позднее – в 1965 г. – обосновал «балахнинскую» генеалогию Кузьмы Минина. В статье И.А. Кирьянова была предложена гипотеза о балахнинском происхождении Кузьмы Минина²²³. Чтение этой статьи И.А. Кирьянова показывает, что ему осталось неизвестным исследование его отца А.Я. Садовского «Новые документы о Мининых». Отправной точкой для выстраивания аргументов И.А. Кирьянова стало «существование давнего нижегородского предания, связывающего фамилию Мининых с Балахной». Под это свидетельство были изысканы данные синодиков Нижегородского Печерского монастыря и Нижегородского Михаило-Архангельского собора

²²⁰ Яковлева О.А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР XV–XVII вв. М., 1955.

²²¹ Кузнецов А.А. Сведения к биографии историка О.А. Яковлевой // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 265–267.

²²² 18. См. переиздание книги С.Л. Агафова: Агафонов С.Л. Нижегородский кремль. Нижний Новгород, 2008. С. 14–15, 41. Кирьянов И.А. Нижегородский кремль. Горький, 1956. С. 28–29.

²²³ Кирьянов И.А. О Кузьме Минине (Новые материалы к биографии) // История СССР. 1965. № 1. С. 144–146.

и писцовая книга Балахны. И.А. Кирьянов обратил внимание на ряд совпадений имен нижегородских и балахнинских Мининых и предположил, что все балахнинские Минины восходят к Мине Анкудинову, что он, возможно, является отцом Кузьмы Минина.

В.А. Кучкин поддержал это предположение и привел новые доводы, расширив круг источников²²⁴. В концентрированном виде положения И.А. Кирьянова и В.А. Кучкина были представлены в работах В.П. Макарихина²²⁵, балахнинского краеведа Е.Н. Силаева, священника Александра Соколова. Гипотеза И.А. Кирьянова–В.А. Кучкина объясняла появление военно-политического тандема «Минин–Пожарский»: соляные варницы балахнинских Мининых и Пожарского стояли по соседству. Эта версия достаточно быстро распространилась среди ученых. Зримо она воплотилась в первой главе известной книги Р.Г. Скрынникова²²⁶: «Предки Кузьмы Минина происходили из Балахны – небольшого поволжского городка в окрестностях Нижнего Новгорода. В России в то время фамилии едва лишь, входили в обиход, будучи уделом избранных, принадлежавших к верхам общества. Простонародью заменой фамилии служило отчество. Деда Кузьмы звали Анкудином, отца – Миной Анкудиновым. Самого же Кузьму величали всю жизнь Мининым, а под конец уважительно – Кузьмой Миничем...

Жители Балахны издавна кормились соляным промыслом... В конце царствования Грозного Мина Анкудинов числился одним из совладельцев соляной шахты (трубы) «Каменка»...

Семье Мины приходилось трудиться в поте лица. На трубе «Каменка» дела хватало для всех...

К концу жизни Мина имел пай в нескольких трубах. Но на его долю приходилось не слишком много рассола, и, чтобы не подорвать предприятие, он всю свою долю промысла отказал старшим сыновьям Федору и Ивану Мининым...

²²⁴ Кучкин В.А. О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. № 2. С. 209–211. Эта статья была переиздана: Кучкин В.А. О роде Кузьмы Минина // Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Нижний Новгород, 2011. С. 239–243.

²²⁵ Макарихин В.П. День памяти гражданина Минина. Тематический урок: научно-методическое пособие в помощь преподавателю истории. Нижний Новгород, 1999. С. 8–12; Макарихин В.П. Кузьма Минин. Страницы биографии // Мининские чтения. Материалы докладов научных конференций. Нижний Новгород, 2001. С. 6–10.

²²⁶ Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981.

Кузьма Минин не получил доли в соляных промыслах, и ему пришлось искать свой путь в жизни. В юности он не раз сопровождал отца в его поездках в Нижний Новгород... После раздела имущества с братьями Кузьма получил свою долю наследства и перебрался в уездный центр. Здесь он купил себе двор, завел лавку и занялся мясной торговлей».

Но эта версия порождает и вопросы: как в условиях феодального общества с присущей ему привязанностью людей к конкретным средневековым тягловым корпорациям богатый и зажиточный говядарь Минин мог безболезненно для балахнинских налогоплательщиков переехать в Нижний Новгород и там сделать быструю социальную карьеру. Вплоть до сегодняшнего дня эта версия повторяется в работах исследователей.

Несмотря на эти слабые места, Р.Г. Скрынников тиражировал эту информацию в научно-популярных и популярных книгах. Например, в книге, посвященной политической роли служителей церкви в судьбах России, он писал, что грамота патриарха Гермогена дала толчок организации ополчения в Нижнем Новгороде. Данный факт стал информационным поводом для того, чтобы повторить версию о балахнинском происхождении Минина²²⁷.

Лишь в опубликованных в 2007 г. «Мининских чтениях» прозвучали сомнения в источниковой достоверности этой точки зрения. В последующих сборниках «Мининские чтения» эта тенденция получила продолжение²²⁸. Итоги, промежуточные, данного историографического процесса представлены в других главах книги, которую держит перед собой читатель. В свою очередь, это вызвало оживление исследований, которые подтверждают балахнинское происхождение Минина, но, насколько нам известно, новых аргументов и источников по сравнению с работами И.А. Кирьянова и В.А. Кучкина в них пока не представлено.

В 1969 г. Г.Н. Анпилогов опубликовал документ о службе сына боярского Михаила Ордынцева в Курмыше и Нижнем Новгороде в 1606–1609 гг.²²⁹. Этот источник, по-видимому, остался неизвестным для нижегородских

²²⁷ Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1989. С. 329–332.

²²⁸ Пудалов Б.М. К биографии Кузьмы Минина // Мининские чтения: труды научной конференции. Нижний Новгород, 2007. С. 184–195; Морохин А.В., Пудалов Б.М. К биографии Кузьмы Минина // Российская история. 2009. № 4. С. 204–205; Сироткин С.В. «Братья» и сестры Кузьмы Минина: генеалогический этюд // Мининские чтения. Труды участников международной научной конференции. Нижний Новгород, 2010. С. 138–151.

²²⁹ Анпилогов Г.Н. О восстании в Среднем Поволжье и Старом Осколе в 1608–1609 гг. // Вестник МГУ. 1969. № 2. С. 91–96.

историков края²³⁰. А между тем, его публикация знаменовала собой разработку нового направления в изучении условий рождения и организации ополчения в Нижнем Новгороде. Ожесточенная и последовательная борьба нижегородцев в Поволжье и Поочье в 1606–1610 гг. против разнородных сил, противостоявших Москве, не могла не сказаться на консолидации общества в Нижнем Новгороде и подготовила предпосылки для того, чтобы призыв Минина и его сторонников упал на взрыхленную почву. По-настоящему, данное направление стало разрабатываться лишь в начале XXI в трудах Б.М. Пудалова и А.В. Антонова²³¹.

На рубеже 1960–1970-х гг. в областном краеведческом музее возникла идея подготовки и издания исторического сборника. Для него Н.И. Привалова написала статью «Нефед Минин»²³². К сожалению, сборник не состоялся, и статья была опубликована лишь в «Мининских чтениях» в 2004 г. В 1979 г. Н.И. Привалова опубликовала в «Записках краеведов» статью «Семья Кузьмы Минина». В этих работах исследовательница, кроме прочего, доказывала, что род Кузьмы Минина пресекся со смертью его единственного сына Нефедя. Тем самым, опровергалась точка зрения, согласно которой у Кузьмы Минина был еще один сын Леонтий, давший начало тульской линии Мининых²³³. Статьи Н.И. Приваловой были своеобразным ответом на работу И.И. Голова, опубликованную в «Записках краеведов» в 1975 г.²³⁴, где была представлена попытка возвести тульских Мининых к мифическому сыну Кузьмы Минина – Леонтию. Но почему-то именно на эту статью и ссылался В.П. Макарихин, который не принимал скепсиса Приваловой в отношении тульских Мининых. Н.И. Привалова проследила судьбу земельных владений Мининых на Нижегородчине. Еще одним новшеством стало то, что Н.И. Привалова стала активно задействовать в исследовании «Пискаревский летописец», открытый О.А. Яковлевой.

²³⁰ Пудалов Б.М. К событиям в Нижегородском Поволжье в 1608–1609 г. (малоизвестный источник) // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVIII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 64.

²³¹ Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения // Русский Дипломатический Вестник. Выпуск 6. М., 2000. С. 196–240.

²³² ЦАНО. Ф. 885. Оп. 1. Д. 80.

²³³ Привалова Н.И. Семья Кузьмы Минина // Записки краеведов. Горький, 1979. С. 185–189.

²³⁴ Голова И.И. Род Кузьмы Минина // Записки краеведов. Горький, 1975. С. 108–112.

В начале 1970-х гг. в Горьком вышла книга краеведа Д.Н. Смирнова «Очерки жизни и быта нижегородцев XVII века». Переиздана она была в 1995 и в 2007 гг. Эту книгу, оказавшую большое влияние на историческое самосознание нижегородцев, можно признать собранием стереотипов о Минине и Ополчении 1611–1612 гг. Многие из них были порождены отдаением дани советской идеологии сыном нижегородского купца Смирновым. Так в рассказе о голоде, способствовавшем Смуте, Смирнов без источников поведал читателю о том, что, якобы, нижегородцы голодали и объели кору с деревьев всех окрестных рощ²³⁵. «Нарастил» автор и биографию Минина: он, оказывается, участвовал в ополчении Ляпунова. Вернувшись домой в 1611 г., «русокудрый великан» Минин стал решительным сторонником освобождения столицы от поляков и поднимал нижегородцев на борьбу, вопреки нерешительным воеводам, что и обусловило избрание Минина земским старостой²³⁶. В остальном автор следовал канве, прописанной в конце XIX–первой половине XX в. Даже внешность Минина, о которой не сообщается в источниках, порождена этой традицией. Думается, что эти данные Смирнов почерпнул из воспоминаний юности: в 1911 г. в Нижнем Новгороде была проведена выставка картин, на одной из которых Минин был представлен молодым блондином (правда, на другой брюнетом)²³⁷. Подвиг Ополчения Минина и Пожарского сразу же приобрел общерусский отклик и значение²³⁸. Точной даты смерти, кроме 1616 г., Смирнов не знал²³⁹.

В советской историографии был представлен опыт обобщения всех – достоверных и недостоверных – данных о Минине. Он проявился в веховой статье В.И. Буганова, посвященной Минину. В этой работе подведены итоги развития «мининского дискурса» в отечественной историографии к началу 1980-х гг. Естественно, что текст В.И. Буганова построен по лекалу исторических сочинений советской эпохи. Главным конфликтом эпохи Смуты со-

²³⁵ Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев XVII века // Смирнов Д.Н. Нижегородская старина. Нижний Новгород, 2007. С. 25.

²³⁶ Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта... С. 28.

²³⁷ См.: Уткина Н.А. Мининская историческая выставка 1911 года в Нижнем Новгороде: к истории одной частной инициативы // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. Нижний Новгород, 2012. С. 400–408.

²³⁸ Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта... С. 29–37.

²³⁹ Там же. С. 38.

ветскому историку, конечно же, видится классовая борьба. Она переплеталась с национально-освободительной войной, логику и смысл которой «господствующий класс» не всегда осознавал, а потому его представители могли идти на службу к интервентам²⁴⁰. Поэтому тяжесть борьбы за преодоление Смуты как проявления интервенции должна была лечь и легла на плечи торгово-ремесленного посада, закаленного в классовых и патриотических боях. Не случайно В.И. Буганов со ссылкой на П.Г. Любомирова (публикация Г.Н. Анпилогова не была задействована) делал экскурс в историю «нижегородского сопротивления» тушинцам в 1608–1610 гг. под Ворсмой, Балахной, Павловым, Касимовым. Арзамасом, освобождения Мурома и в походах в Поволжье. При этом в городском совете Нижнего Новгорода, координировавшем и организовавшем сопротивление, важную, определяющую роль играли посадские люди. Ведь им было что терять: они в случае победы тушинцев должны были быть обложены новыми налогами и поборами²⁴¹. Затем эта угроза была заменена утверждением власти польских интервентов на российском престоле. Олицетворением данной посадской инициативы, по мнению В.И. Буганова, и стал Кузьма Минин.

На его миссию влияние оказало и участие нижегородцев в ополчении П. Ляпунова. Правда, В.И. Буганов посетовал на дефицит биографических сведений о Минине, повторив непотвержденные источниками сведения П.И. Мельникова-Печерского («торговал мясом и рыбой в нижнем посаде, а жил на верхнем посаде, около Никольской церкви, у «Почанинского оврага»), Н.И. Храмцовского («он участвовал в походах отряда Алябьева») и И.А. Кирьянова – В.А. Кучкина («Минины были родом из Балахны. По преданию, 12 лет Кузьма пришел с отцом в Нижний»)²⁴².

Повествуя о призыве Кузьмы Минина, В.И. Буганов контаминировал «гермогеновскую версию» (о воззвании под влиянием послания Гермогена; наиболее полно представлена П.Г. Любомировым) и «троице-сергеевскую версию», в общем отдавая приоритет первой. Затем В.И. Буганов прибег к гипотетической реконструкции, в которой проглядывают контуры того же классового подхода: городской совет поддержал обращение Минина во главе

²⁴⁰ Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин // Вопросы истории. 1980. № 9. С. 92.

²⁴¹ Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин... С. 93.

²⁴² Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин... С. 94.

посадских людей; состоялась сходка у Спасо-Преображенского собора, на которой после протопопа Саввы обратился Минин²⁴³. Предложенное историком место мининского выступления, видимо, основывалось на том, что протопоп Саввы служил в Спасо-Преображенском соборе, который, к тому же, был главным в Нижнем Новгороде.

В речи Кузьмы Минина В.И. Буганов выделил призыв к защите Российского государства от иноземцев, обязательный сбор средств на созыв ополчения среди всех жителей Нижнего Новгорода и Нижегородского уезда, необходимость выбора руководителя ополчения²⁴⁴. Таким образом был обойден разнобой в источниках, обозначенный в начале статье, по поводу очередности и смысла событий: народная инициатива нижегородцев, обращение к Пожарскому, призыв Минина, прибытие Пожарского и смолян, содержание речи Минина. Историк придерживался такой последовательности фактов: призыв Минина как олицетворение народной воли, сбор средств, обращение к Пожарскому, прибытие князя, а затем смолян²⁴⁵.

В целом В.И. Буганов представил версию Кузьмы Минина, основанную на патриотическом пафосе: мероприятия Минина и Пожарского отвечали интересам посадского населения российских городов, этим интересам подчинились представители знатных родов, вошедших в Ярославле в состав «Совета всея земли». По мнению В.И. Буганова, Минин умер между 1615 и 1616 гг. в Нижнем Новгороде и был погребен в Спасо-Преображенском соборе²⁴⁶. Аннотация статьи В.И. Буганова представляет весь корпус сведений о Кузьме Минине, имевшихся в советской исторической науке к 1980-м гг. Большинство из них не были подтверждены источниками и восходили к «изобретениям» нижегородских краеведов, зато скреплялись идеей посадского характера ополченческого движения.

Эта же мысль зримо присутствует в другом биографическом опыте исследования нижегородского ополчения – статье Ю.М. Эскина о князе Пожарском. Минин у него – «лидер средних слоев нижегородского посада». Минин, согласно ряду сведений, Минин ездил к Пожарскому в Мугреево и до-

²⁴³ Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин... С. 95.

²⁴⁴ Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин... С. 95–96.

²⁴⁵ Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин... С. 95–98.

²⁴⁶ Буганов В.И. «Выборный человек всею землею» Кузьма Минин... С. 102.

говорился с ним до прибытия официальной нижегородской делегации архимандрита Печерского монастыря Феодосия и сына боярского Ж. Болтина. Поэтому условием согласия Пожарского было назначение Минина «на пост хозяйственного руководителя». Затем Минин, имея такую поддержку, заставил купечество подписать договор о финансировании ополчения²⁴⁷. Такая схема возможна при выборочном исследовании противоречивых источников. Однако, поскольку очерк Ю.М. Эскина был построен на кропотливом изучении источников и некоторой отстраненности от историографической традиции, то соблазнов классово-социальных схем удалось избежать. Исключением стало доверие тезису Н.П. Долинина²⁴⁸, согласно которому Пожарский и Минин, ведя военное строительство, вынуждены были подавить «движение городских и сельских кругов»²⁴⁹. Думается, что в 1976 г. так проявилось примирение классового подхода, унаследованного от историографии 1920–1930-х гг., с фактическим материалом, извлеченным Ю.М. Эскиным из источников. Подобно очерку А.К. Кабанова (1913 г.), Ю.М. Эскин, повествуя о боевом пути ополчения и связанным с ними политическими мероприятиями, сосредотачивается на Пожарском. Это естественно, если учесть предмет конкретного биографического исследования. Лишь в событиях августа 1612 г. рядом с Пожарским вновь появляется Минин²⁵⁰.

В большой биографии Пожарского, вышедшей в 2013 г., Ю.М. Эскин был свободен от реверансов в сторону официальной идеологии, зато, на наш взгляд, в трактовке сюжетов, связанных с Мининым и ополчением 1611–1612 гг., проявилась зависимость от историографических стереотипов. В добротной монографии прописывается тезис о «балахнинской» генеалогии Минина, и лишь в примечании приводятся сомнения Б.М. Пудалова и С.В. Сироткина. С недоверием надо отнестись к тезису о том, что часть помещиков Нижегородского уезда в начале XVII в. представляла собой потомков крещеных татар²⁵¹. Балахнинское происхождение Минина оказывается удобным для объяснения его давнего знакомства с Пожарским: у Мининых и Пожарских были

²⁴⁷ Эскин Ю.М. Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 111.

²⁴⁸ Долинин Н.П. Классовая и национально освободительная борьба в России в 1610 – 1614 гг. ГБЛ, ОР, ф. 218, № 1355. С. 648, 656 (ссылка приведена по статье Ю.М. Эскина).

²⁴⁹ Эскин Ю.М. Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 112.

²⁵⁰ Эскин Ю.М. Дмитрий Пожарский // Вопросы истории. 1976. № 8. С. 114, 115.

²⁵¹ Эскин Ю.М. Дмитрий Михайлович Пожарский. М., 2013. С. 58–59. Прим. 5.

солеварни в Балахне²⁵². Нижегородские события клича Минина и созыва ополчения Ю.М. Эскин реконструирует с опорой на труд П.Г. Любомирова. В описании пути нижегородского ополчения Пожарский упомянут вместе с Мининым значительно чаще по сравнению с очерком 1976 г.

Биографические опыты В.И. Буганова и Ю.М. Эскина показательны в отношении той настойчивости, с которой историческая наука и до 1917 г., и потом постигает избавление от Смуты через фигуры Минина и Пожарского. Выводы из этого наблюдения таковы: 1) в советской историографии, как и в дореволюционной, преодоление Смуты связывалось с нижегородским ополчением (хотя и после 1612 г. до 1618 г. разворачивались не менее масштабные и судьбоносные события); 2) персонификацией этого нижегородского движения сопротивления были и остались Минин и Пожарский, что свидетельствует о скупости – количественной и качественной – источников относительно других участников ополчения. Эту лакуну можно частично компенсировать получением данных о других участниках ополчения путем соотнесения данных из разнородных источников, часть которых не введена еще в научный оборот.

Внешне черты этой традиции воплотились в названии статьи В.Д. Назарова, вышедшей в 2006 г. – «В бронзе вместе на века (Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский)». Однако заявления, типа «Не сохранилось ни одного достоверного известия о Кузьме Минине до осени 1611 года»²⁵³, показывают, что статья выдержана в осторожной по отношению к источникам и скептической по отношению к историографии тональности. Действительно, автор статьи прописывает общие, несомненные и проверенные временем факты и дает их интерпретацию в гипотетическом наклонении. В этой, научно-популярной и просветительской по жанру, статье поставлена и проблема влияния коммеморации и мемориализации на формирование исторического знания о Минине, Пожарском и возглавлявшегося ими ополчения. Представление об исключительности заслуги Минина и Пожарского в преодолении Смуты сводится к минимуму за счет представления в этом же издании очерков, посвященных самопожертвованию патриарха Гермогена, подвигу М.В. Скопина-

²⁵² Там же. С. 61.

²⁵³ Назаров В.Д. В бронзе вместе на века (Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский) // Сахаров А.Н., Назаров В.Д., Боханов А.Н. Подвижники России: Исторические очерки. М., 2006. С. 233.

Шуйского²⁵⁴. Опыт биографического представления Минина и Пожарского В.Д. Назаровым знаменовал собой новую тенденцию в изучении Смуты начала XVII в. и Нижегородского подвига. Когда снизилась степень государственного заказа, когда источниковый комплекс по истории Смутного времени существенно дополнился, когда патриотическая риторика не застила свет научному скепсису, отечественная историография с начала 1990-х гг. вышла на новый уровень научного осмысления феноменов Смуты. Все это проявилось в работах Б.Н. Флори, В.Н. Козлякова, Д.В. Лисейцева, новых исследованиях Ю.М. Эскина, А.А. Селина, Я.Н. Рабиновича, А.Ю. Кабанова, Г.М. Коваленко, Я.Г. Солодкина, О.В. Скобелкина, В.Н. Глазьева, С.В. Сироткина, О.Г. Усенко и др.

Новый этап в разработке «мининской тематики» наступил в 1990-е гг. и был связан с научно-исследовательским форумом «Мининские чтения». Становление научно-практической конференции «Мининские чтения» неразрывно связано с именем профессора Валерия Павловича Макарихина. В 1991 г., защитив докторскую диссертацию по истории губернских ученых комиссий Поволжья, он провел конференцию по истории Отечества – «Нижегородские чтения», где большое место было отведено материалам местной нижегородской истории. Конференция была приурочена к 770-летию основания Нижнего Новгорода и к 380-летию созыва нижегородского ополчения Мининим и Пожарским. В.П. Макарихин начинал с той точки развития исторического знания, на которой, по его мнению, было оборвано поступательное движение науки о прошлом в России в 1917 г.

Еще одна тема, изначально присутствовавшая в научных мероприятиях, организованных В.П. Макарихиным, – деятельность Нижегородской ученой архивной комиссии, ее историческое, методическое и общественно-политическое наследие. Изучение деятельности НГУАК неразрывно было связано с историко-культурной, политической средой Нижнего Новгорода. Это наследие определило вектор развития творчества В.П. Макарихина на протяжении целого 20-летия его жизни и соответственно «Мининских чтений». Из этого

²⁵⁴ 1) *Сахаров А.Н.* «Везде говорите моим именем» (Патриарх Гермоген); 2) *Назаров В.Д.* «Оборонитель Московского государства» (Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский) // *Сахаров А.Н., Назаров В.Д., Боханов А.Н.* Подвижники России... 1) С. 194–209; 2) С. 210–231. А.Н. Сахаров обошел вопрос о толчке к выступлению Минина – грамота Гермогена или послание Троице-Сергиева монастыря.

наследия все более выделялось направление, связанное с именами Минина и Пожарского.

Поэтому материалы конференции 1992 г. были опубликованы в сборнике под названием «Мининские чтения». Это новое название свидетельствовало не об узости научных приоритетов, а о том предпочтении, которое отдавалось материалам самого широкого круга. Критерием для отбора материалов стало обращение к славным событиям прошлого, с целью напомнить о большой ответственности за наследие предков. Такое положение дел сложилось в условиях начала 1990-х гг., которые воспринимались обществом новой Смутой. Гражданственность стала важным показателем для отбора материалов в сборник «Мининские чтения» в 1992 г.

Вместе с достоинствами в 1992 г. проявились и затруднения. Тематическая и хронологическая разношерстность материалов потребовала в дальнейшем вносить оговорки, приведшие к рамкам Отечественной истории, все более сужавшимся к временам Средневековья.

Другая проблема: гражданско-патриотическая направленность конференции и сборника. Она была изначально заложена в идеологию конференции и сборника В.П. Макарихиным. Со временем эта тенденция вела к тому, что конференция и сборник «Мининские чтения» должны были стать политико-идеологическими мероприятиями с вкраплениями профессиональных исторических исследований. Публицистичность и «гражданственность» использовались отдельными лицами даже для того, чтобы отвергать те исследования, результаты которых расходились с предвзятыми представлениями непрофессионалов, следовавших реанимированной теории официальной народности. Предлагалась, например, тема «Минин и проблемы международного терроризма на рубеже XX–XXI вв.». Поэтому силами, волевым решением оргкомитета и редколлегии «Мининских чтений» был взят курс на привлечение исследований специалистов-историков.

После «Мининских чтений»-1992 г. данная конференция проводилась ежегодно до 2002 г., но сборник с подобным названием не выходил. Причина: трудность финансирования. Поэтому материалы конференций, где преобладали исследования местных историков, проявились в других изданиях. Их отличительной чертой были малотиражность, распространение лишь в пределах Нижегородской области и уже отмеченная научно-политизированная эклектичность.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Публикация документов, наследия нижегородских (горьковских) историков красной линией проходят через сборники «Мининские чтения» за последние 10 лет. До 2006 г. перед организаторами «Мининских чтений» стояла задача по подбору материалов: их тематика колебалась в хронологических рамках X–XX вв. Это порождало пестроту и неравномерность представленных материалов в сборниках «Мининских чтений»: плотную концентрацию одних проблем и провалы в разрешении других. Поэтому решено было с 2006 г. на конференцию выставить тему, чьи хронологические рамки определялись событиями, процессами и институтами средневековой эпохи Восточной Европы. Этим хронологическим рамкам соответствует и проблематика Смутного времени. Как показала практика, она отвечает актуальным проблемам сегодняшнего дня. Используя капитал «Мининских чтений», В.П. Макарихин сумел добиться того, чтобы в Нижегородской области начальные дни ноября отмечались как День нижегородского подвига. Как известно, этот почин был подхвачен и на центральном уровне подтолкнул к появлению праздника Дня национального единства.

Материалы «Мининских чтений» и других изданий 1990–2010-х гг. в данном обзоре подробно не рассматриваются.

Выводы.

Выводы данного историографического обзора лучше всего представить в сопряжении с работой, которую надо считать значимой для историографии ополчения Минина и Пожарского. Это – статья В.Б. Кобрин «Смутное время – утраченные возможности»²⁵⁵. Главным достоинством этой работы, на наш взгляд, является постановка проблемы об альтернативах выхода из Смуты. Причем, данный аспект рассматривается в контексте общеизвестных фактов по истории Смутного времени. Другими словами, В.Б. Кобрин в контексте

²⁵⁵ Кобрин В.Б. Смутное время – утраченные возможности // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX века. М., 1991. С. 163–185.

российской исторической перспективы рассмотрел общеизвестные факты Смуты. При таком интересном, свежем подходе, который и сейчас подталкивает к многостороннему постижению опыта Смутного времени, в интерпретации последствий действий ополчения Минина и Пожарского можно обнаружить изъяны. Рассмотрим цепь аргументов В.Б. Кобрин: 1) «Возникшие на фоне этой общей усталости силы порядка оказались, как часто бывает, довольно консервативными. Нельзя не восхищаться мужеством, самоотверженностью и честностью Минина и Пожарского. Но правы были дореволюционные историки, подчеркивавшие консервативное направление их деятельности. Общественному настроению отвечало воспроизведение тех порядков, которые существовали до смуты»²⁵⁶; – 2) «Изгнание из Москвы интервентов дало возможность созвать Земский собор для избрания нового царя»²⁵⁷; – 3) «Итак, Романовы устроили всех. Таково свойство посредственности. Быть может, для консолидации страны, восстановления общественного согласия страна и нуждалась не в ярких личностях, а в людях, способных спокойно и настойчиво вести консервативную политику. Здоровый консерватизм правительства первых Романовых дал возможность постепенно восстановить экономику, государственную власть, с некоторыми потерями (Смоленск, побережье Финского залива и т.д.) восстановить и государственную территорию»; – 4) «Почти на целый век оказалась отложенной модернизация страны. Упрочилось крепостное право, окончательно зафиксированное в Уложении 1649 г.»²⁵⁸.

Получается, что Минин с Пожарским, ополченцы, невольно повинны в утверждении крепостничества, утверждении экстенсивного характера экономики и сворачивании основ правового государства, среди которых особо выделяется договор между монархом и подданными, проявившийся в присяге Шуйского подданным²⁵⁹. На этом акцент был сделан современной исследовательницей А.А. Севастьяновой²⁶⁰. С этим нельзя согласиться с точки зрения изучения истории Смуты, но надо видеть в таких выводах протестную

²⁵⁶ Там же. С. 182.

²⁵⁷ Там же. С. 183.

²⁵⁸ Там же. С. 185.

²⁵⁹ Там же. С. 178.

²⁶⁰ *Севастьянова А.А.* «Утраченные возможности» в Смутное время: концепция Владимира Борисовича Кобрин // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. М., 2012. С. 426, 428.

реакцию В.Б. Кобрина на тот патриотический «мегатекст» о Смуте вообще и ополчении Минина и Пожарского в частности, который сформировался в СССР, с его однозначностью, выхолащиванием исследовательского начала. Рассуждения В.Б. Кобрина можно объяснить еще и тем, что о программе Ополчения, его действиях и инициативах имеются лишь фрагментарные показания источников. Они и были объединены в единый «мегатекст» несколькими поколениями историков. На современном этапе данный «нарратив», транслируемый в связи с 400-летними юбилеями событий Смуты, делает статьи В.Б. Кобрина и А.А. Севастьяновой средством повышения иммунитета исторической науки к политическому заказу.

Влияние политического и идеологического интереса на обретение в событиях и деятелях Смуты историко-культурной идентичности Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации начала 2000-х гг. нельзя оценивать только отрицательно. Взаимовлияние динамики историографии и общественно-политического процесса освоения Смуты было таково, что из научного знания социум порой брал проверенные факты. Например, мнение о первоначальном влиянии грамоты Гермогена на созыв ополчения в Нижнем Новгороде было закреплено 300-летним «юбилеем» его смерти. В том числе, и поэтому на рубеже XIX–XX вв. данная идея закрепились в картине К.Е. Маковского, в трудах С.Ф. Платонова, П.Г. Любомирова, а от них через работы Р.Г. Скрынникова перешла в историографическое пространство 1990–начала 2000-х гг. и была значительно усилена аргументами (см., например, работы В.Н. Козлякова). Празднование 400-летия ополчения Минина и Пожарского оживило профессиональные исторические исследования Смутного времени. Нижегородский аспект истории Смуты тоже впитал в себя все положительные и негативные идеи «симфонии» историографии и общественно-политического заказа на протяжении четырех веков²⁶¹. В тоже время надо констатировать, что не была преодолена инерция имперского дискурса изучения Смуты в представлении ее окончания. Подвиг Минина и Пожарского оказался рельефно представленным в историческом знании общества, поскольку он привел к утверждению династии Романовых. Сейчас же воцарение Михаила Романова в 1613 г. не воспринимается как окончание

²⁶¹ Кузнецов А.А., Маслов А.Н. Диктатура юбилеев: мемориальный бум как призрак иной повседневности // Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет. М., 2013. С. 1433–1442.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Смуты. Большинство историков относит его к 1618 г. Однако пышное празднование 400-летия Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского показывает, что преобладает старая версия.

С историографической точки зрения тоже надо внести коррективы в высказывание В.Б. Кобриня. В качестве примера, подтверждающего мысль историка о консерватизме ополчения Минина и Пожарского, можно привести цитату А.А. Кизеветтера из обобщающего очерка по истории России: «Новое национально-религиозное движение выразилось в переписке между городами и в ополчении Минина и Пожарского. Как в истории этого ополчения, так и в ходе избирательного собора 1613 г., официально завершившего смуту, наряду с течениями национальным и религиозным сказалось и третье – охранительное, вызванное реакцией против только-что пережитой Смуты. На соборе 1613 г., сопровождавшемся усиленной избирательной агитацией, старые партии в последний раз свели счеты. Прежде всего собор принципиально устранил все иноземные кандидатуры...; затем были... устранены кандидатуры всех лиц, замешанных в предшествующих событиях – Голицына, Мстиславского, Трубецкого, Пожарского»²⁶². Как видно из цитаты, Кизеветтер не приписывает лидерам ополчения консервативно-охранительных настроений, более того, Пожарского он подает как жертву сил, их выражавших. Если вспомнить речь А.А. Кизеветтера в 1916 г., то и Минину тоже придется отказать в приписывании ему Кизеветтером реакционно-охранительных черт.

Одновременный «вброс» в 2012–2013 гг. в историографическое пространство принципиально новых исследований, позволяет снять «вину» с Минина, Пожарского и их ополчения за утверждение на троне Михаила Романова. В.Н. Козляков, Б.Н. Флоря, Д.В. Лисейцев, Н.А. Мининков, Г.М. Коваленко и др. аргументировали гипотезу Г.А. Замятина (об этом еще бегло писал Н.И. Костомаров²⁶³) о том, что главной выборной силой Михаила Романова были казаки из стана Д.Т. Трубецкого²⁶⁴, противоборствовавшие с

²⁶² Кизеветтер А.А. История России // Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898 (переиздан: Л., 1991). С. 462.

²⁶³ Костомаров Н.И. Повесть об освобождении Москвы от поляков в 1612 году... С. 85.

²⁶⁴ Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012. С. 281–300; Флоря Б.Н. Избрание царя Михаила // Родина. 2013. № 2. С. 2–7; Лисейцев Д.В. Демократия Смутного времени // Родина. 2013. № 2. С. 15–16; Мининков Н.А. «Не воровать, а прямить!». Донское казачество и Михаил Романов // Родина. 2013. № 2. С. 18; Коваленко Г.М. Карл Филипп или Михаил Романов? Новгород и Москва в 1613 года // Родина. 2013. № 2. С. 24–26.

московским боярством. Эти две силы парализовали другие части «электората» в Москве и за ее пределами. Исключением не стали Пожарский и Минин, чьи ополченцы возвращались домой. А потому им нельзя вменять вину за консервативный курс первых Романовых.

Однако возможны и новые разработки в направлении оценки последствий нижегородского ополчения. В этом заключается, на наш взгляд, ценность призыва В.Б. Кобрина. На сегодняшний день можно видеть, что он воплощается в историографии. Исследуются неоднозначные отношения между процессами организации и действий ополчений Ляпунова и Минина-Пожарского, между их программами (В.Н. Козляков), вариант приглашения от имени правительства Пожарского в Ярославле на русский престол шведского принца (сюжет, прописанный Г.А. Загладиным, но проигнорированный В.Б. Кобриным, и сейчас интенсивно разрабатывавшийся), многовекторность интересов социокультурных и этнокультурных сил России в Смуту (В.Д. Назаров, В.Н. Козляков, А.А. Селин, Д.В. Лисейцев, А.В. Беляков, О.В. Скобелкин и др.), «полисемантичесность» действий внешних сил, которых принято называть интервентами (Б.Н. Флоря, И.О. Тюменцев, В.Н. Козляков, Т. Бохун и др.), вырастание «патриотических проектов» Смуты из решения конкретных задач выживания и организации самозащиты и самообороны на местах с постепенным выходом на решение задач общероссийского уровня...

«Вечный вопрос» историографии Смуты, который опять требует решения (после имперского дискурса, достижений С.Ф. Платонова, исследований советской исторической науки и В.Б. Кобрина), звучит: «Что такое Смута в истории России и Восточной Европы?». При его четком артикулировании сейчас и возможно дать ответ нынешнего поколения историков (см. подступы к этой теме в работах А.Л. Станиславского, В.Н. Козлякова, В.Д. Назарова, Т. Бохуна, Б.М. Пудалова, А.В. Морохина и др. современных исследователей). Ответ на данный вопрос даст современным историкам подход к проблемам трактовки и терминологических дефиниций феноменов социальных выступлений, иностранного присутствия в России начала XVII в., морально-этических оценок событий Смуты... Например, значительно продвинула вперед знание о Смуте категория «Гражданская война», обоснованная

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

А.Л. Станиславским²⁶⁵. Плодотворной для постижения Смуты и ее последствий является инструмент «общественного договора», удачно примененный В.Б. Кобриным. В свою очередь, на базе таким образом полученных фактов исследователи будут более успешны в изучении программы ополчения Минина и Пожарского, последствий победы ополчения и его влияния на дальнейший ход Смуты и истории России.

В более чем двухвековой историографии недостаточно проработанным оказался вопрос об условиях формирования в Нижнем Новгороде Ополчения. Следовательно, ставится задача: задействуя крайне ограниченный круг источников, осветить, хотя бы пунктирно, те события в Нижнем Новгороде и вокруг него, прежде всего, в Поочье и Поволжье, в которых проявилось Соппротивление тушинцам и силам, которые действовали против Москвы. Еще раз надо зафиксировать внимание на проблеме толчка к организации ополчения – грамоты ли из Троице-Сергиева монастыря или послания Гермогена. Следующий вопрос. Патриотическая среда, из которой вышел Минин – другими словами: кто еще призывал нижегородцев к пожертвованию средств? Не выясненным остается проблема соотношения двух центров власти в Нижнем Новгороде с осени 1611 г. – воеводы и лидеры ополчения, само ополчение²⁶⁶. Значит, надо попытаться осветить проблему степени участия нижегородцев в Ополчении, которое было организовано в их городе. Персональный состав ополчения, биографии и социальные стратегии его участников – эти вопросы еще не ставились в науке. И пример такого просопографического исследования, целью которого является создание масштабной базы данных, – монументальный труд А.А. Селина, построенный на новгородском материале²⁶⁷. Боевой путь Ополчения, одновременно формировавшего политические институты, и его действия в Москве также нуждаются в детальном, насколько позволяют источники, описании. Целый пласт проблем связан с

²⁶⁵ Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

²⁶⁶ См. постановку проблемы: Кузнецов А.А., Морохин А.В. Ополчение 1611 – 1612 гг. и власти Нижнего Новгорода: проблемы отношений // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле. М., 2012. С. 39–46.

²⁶⁷ Селин А.А. Просопографическая база данных «Новгородское общество начала XVII века» [Электронный ресурс] – Режим доступа: 1) <http://nwae.spb.ru>; 2) <http://adrian-selin.narod.ru>

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Кузьмой Мининым – его происхождение и рождение, семья, жизнь до и после 1611–1612 гг., коммеморация подвига Минина и нижегородцев в Нижнем Новгороде и России...

Решение этих и других проблем, нацеленное на приумножение знаний о Смуте и роли ополчения, созданного Мининым, должно идти одновременно с критической деконструкцией тех устоявшихся стереотипов и штампов, которые не обоснованы источниками и методами работы с ними. Данное требование тем важнее, что обусловлена логикой развития историографии: в кризисные моменты жизни общества многие историки начинают деструктивно работать в жанре разрушения мифов о прошлом²⁶⁸. Так получилось, что интенсивная разработка проблематики истории Смуты, после устоявшегося в советское время «текста» о Смуте, идет по сей день, начиная с «бурных» 1990-х гг. Ушли в прошлое однозначные оценки отдельных движений эпохи Смуты как классовых, обеднявшие восприятие многомерной картины сложной эпохи начала XVII в. Применительно к нижегородской составляющей этой истории с научной точки зрения пересмотрены мнения о балахнинском происхождении Минина, его местожительстве, выступлении и захоронении. Уже по-другому смотрится инициатива, родившаяся в Нижнем Новгороде, когда ее рассматривают на фоне казанского сепаратизма, лидером которого был дьяк Шульгин²⁶⁹.

Устранение этих и других необоснованных догадок позволяет структурировать имеющиеся знания, прошедшие источниковедческую закалку. Например, селекция «сведений» определяет такую схему развития событий: 1) феномен Минина и ополчения 1611–1612 гг. вызревал в ходе «самостояния» Нижнего Новгорода и его жителей в активном противоборстве с деструктивными силами в 1606–1610 гг. через институционализацию народного движения; – 2) два внешних вектора, способствующие успеху нижегородской инициативы – боевой путь Пожарского (Ю.М. Козляков, В.Н. Козляков) и связь – через посредство патриарха Гермогена – с Первым ополчением П. Ляпунова (идея, бытовавшая в историографии до 1917 г., и развитая ныне В.Н. Козляковым, Д.В. Лисейцевым, В.Д. Назаровым); – 3) грамота Гер-

²⁶⁸ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004. С. 183.

²⁶⁹ Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012. С. 251–272.

могена, подтолкнувшая Минина в сентябре 1611 г. к выступлению и призывом к сбору средств; – 4) сбор средств, предложение о найме смоленских дворян, расположившихся под Арзамасом, и посольство к Пожарскому с просьбой возглавить ополчение; – 5) приход грамоты из Троице-Сергиева монастыря в октябре 1611 г., организационное строительство ополчения...

Новым пластом историографических проблем надо считать функционирование в общественной памяти феномена ополчения Минина и Пожарского. Поэтому коммеморативные исследования весьма и весьма перспективны. В кругу вопросов данных исследований особое место занимает тот, что связан с воздействием на коллективные представления об ополчении 1611–1612 гг. образов Минина и Пожарского, запечатленных в скульптурной пластике, в исторической живописи, художественной литературе (специально этот вопрос в пособии не рассматривался) и в кинематографе.

Открытость для постановки новых исследовательских задач и перспективность их решения классическими и современными методами – вот характеристики, присущие давней историографической традиции ополчения 1611–1612 гг.

Приложение 1.

«СПАСИТЕЛЬ ОТЕЧЕСТВА»: О НАЧАЛЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КУЗЬМЫ МИНИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Кузнецов А.А., Морохин А.В.

Представленное ниже исследование начиналось как совместное (А.А. Кузнецов и А.В. Морохин) в 2008–2009 гг. Сложившаяся «специализация»: А.В. Морохин выявлял источники (собственно исторические и историографические) формирования представления о Петре I как пропагандисте патриотического подвига Минина, А.А. Кузнецов изучал процесс складывания историографического убеждения о речи Петра I над могилой Минина в 1722 г. Однако представленная в 2009 г. для публикации в сборнике по итогам научной конференции в Ярославле совместная статья А.В. Морохина и А.А. Кузнецова по независимым от них обстоятельствам не была напечатана. Поэтому

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

оба автора публиковали свои исследования отдельно¹, хотя при этом возникали наложения, обусловленные совместной работой. Сейчас появилась возможность представить объединенные результаты исследований – уточненные и углубленные. Забегая вперед, надо сказать, что авторы «не закрывают тему», но ставят проблему для дальнейшего изучения. Проблема связана с формированием коллективной исторической памяти о подвиге Минина.

В отечественной историографии и общественной памяти России слава одного из главных организаторов Нижегородского ополчения 1612 г. Кузьмы Минина как «спасителя Отечества» и одного из важных действующих лиц в утверждении новой царской династии развивалась на протяжении долгого времени. Одним из интересных и важных особенностей развития данного сюжета является установление связи между прославлением патриотического поступка Кузьмы Минина и особым вниманием к нему императора Петра I. Расхожим мнением в отечественной исторической традиции стало утверждение о том, что направляясь в Персидский поход, царь посетил Нижний Новгород в мае 1722 г. и почтил вниманием и речью гробницу Минина в Спасо-Преображенском соборе. При этом монарх произнес слова, смысл которых таков: «Вот истинный спаситель Отечества».

Обстоятельства посещения Петром I Нижнего Новгорода в мае 1722 г. вполне объяснимы: город не только стоял на пути следования царя во время путешествия на Каспий, но и являлся главной тыловой базой русской армии, где заготавливались снаряжение и провиант². Это обстоятельство и объясняет то, что Петр I лично пожелал проинспектировать подготовку к походу в Нижнем Новгороде. К этому времени знакомство царя с городами его страны стало для него обычным делом. При этом Петр I очень часто вникал в вопросы внутренней жизни посещаемых им населенных пунктов³. Однако источники, освещающие пребывание Петра I 26 (27)–30 мая 1722 г. немногочисленны. Среди них можно выделить записи Походного журнала царя 1722 г., отписку архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря Филарета с описанием визита императора в Нижний Новгород («Отписка великому господину Преосвященнейшему Питириму, Нижегородскому и Ала-

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

тырскому, – как был Великий Государь во святой обители и в Нижнем», хранится на 5-ти листах вчерне, в архиве Макарьево-Желтоводского монастыря. Эта отписка составлена в 1722 г. месяца июня архимандритом Филаретом, по приказанию преосвященного Пителима»⁴) и известия Нового Нижегородского летописца (памятника местного летописания XVIII в.; далее – ННЛ). Сразу же надо оговориться, что во всех указанных источниках имеются существенные разночтения в деталях о пребывании царя в Нижнем Новгороде, хотя общее описание событий совпадает.

Походный журнал 1722 г. сообщает, что Петр I прибыл в Нижний Новгород 26 мая «в 8-м часу пополудни». На следующий день утром царь «смотрел судов, которые сделаны для походу, и потом был в городе у обедни, и кушал у Архиерея Нижегородского Пителима и тут был до вечера; а в вечеру пополудни в 6-м часу, приехал оттуды к Строгонову [известному местному магнату – *авт.*], куды приехали того ж времени Генерал-Адмирал [Ф.М. Апраксин – *авт.*] и протчие; и потом ночевал Его Величество на галере». 29-го мая император «был у адмирала на берегу, для учреждения о строении в Нижнем судов и протчаго, и кушал на галере; и после обеда был у Вице-Губернатора Нижегородскаго Ржевского и оттоль был у всенощнаго в церкви Строгонова, где была и Ея Величество». 30 мая, в день рождения Петра I, «кушали в доме Строгонова; и после полудня часу в 7-м, в сумерки, поехал Его Величество в путь, где палили с судна Его Величества из 3-х пушек, с города из 9-ти»⁵.

Архимандрит Макарьево-Желтоводского монастыря Филарет в своей отписке отметил, что при прибытии царя в Нижний Новгород епископ Пителим 26 мая «Императорское Величество Окою рекою в шлюпке встречал и получил архиерей в галере великого государя всерадостную, превысокую милость. И изволил [Петр I – *авт.*] стоять в доме Строгановых, они же баронии». 27 мая царь присутствовал на литургии в Спасо-Преображенском соборе, которую служил протопоп Алексей Васильев, после чего Петр I со свитой «хлеба кушал» у епископа Пителима «благодарно и радостно». 30 мая император «соизволил быть у всенощнаго пения в церкви Рождества Пресвятыя Богородицы близ Строганова двора». В день памяти Исаакия Далматского царь вновь был на литургии в Спасо-Преображенском соборе, где «соизволил Великий государь петь со своими певчими на правом клиросе и апостол читал сам Императорское Величество». После окончания церковной

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

службы Петр I с женой Екатериной и свитой были «у преосвященнейшаго Питирима епископа в келиях и поздравляли Его Императорскому Величеству». Затем царь «соизволил быть в ратуше в доме бургомистра Якова Пушникова»⁶.

Запись ННЛ также кратко освещает пребывание Петра I в Нижнем Новгороде. Согласно этому источнику, царь прибыл в город 27 мая, во время визита он вместе с женой Екатериной «изволили быть в соборной церкви и слушать литургию. И по окончании оной изволили в доме Архидьяконском у преосвященного Питирима епископа со всею свитою хлеба кушать и веселиться». 28 мая император «изволил быть в нижегородской ратуше, хлеба кушал, изволил смотреть и на кружечном дворе, был весьма весел». 30 мая Петр I с Екатериной присутствовали «в соборной церкви у литургии а по окончании у молебнаго пения за здравие Их величеств была пушечная пальба чрез весь день». В тот же день царь «изволили быть в доме у архиерея, а потом изволил ехать в дом господ баронов Строгоновых. Такожде и преосвященный Питирим епископ с духовными персонами при столе хлеба кушали у его величества». И лишь на следующий день, 31 мая, Петр I «изволил путь возыметь на низ Волгою рекою со всею свитою и с полками»⁷.

Некоторые дополнительные детали пребывания царя в Нижнем Новгороде содержатся также в расходных книгах кабинетным деньгам Петра и его жены 1722 г. Из этого источника становится известно, что в связи с приездом царя в Нижний Новгород в городе было роздано «тюремным нищим» 10 рублей. Помимо них 33 рубля на дорогу получили бывшие шведские пленные, возвращавшиеся из Сибири на родину⁸.

Как явствует из источников, никаких прямых указаний на посещение Петром I могилы Кузьмы Минина нет. При этом следует отметить, что зафиксированные в Отписке настоятеля Макарьевского Желтоводского монастыря и записи ННЛ неоднократные посещения царем Спасо-Преображенского собора – места тогдашнего захоронения останков Минина, позволяют допустить, что Петр I мог видеть захоронение организатора Второго ополчения.

Позднее, уже в конце XVIII столетия, историк И.И. Голиков в своем многотомном труде, посвященном Петру Великому, одним из первых осветил царский поход по Волге в 1722 г., снабдив его новыми подробностями. Касались они и пребывания Петра I в Нижнем Новгороде. И.И. Голиков отметил,

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

что царь «осмотрел все примечания достойное в городе», а во время обеда у губернатора Ю.А. Ржевского «за столом между прочим не оставил спросить о потомках славного и заслугами к отечеству имянитого сего града гражданина Козмы Минина; изъявил сожаление свое, что никого от роду его не осталось». В тексте сочинения историка есть помета, что эти сведения были им заимствованы «от господина Соймонова»⁹.

Известно, что представители дворянского рода Соймоновых уже с начала XVIII столетия служили при дворе Петра I¹⁰. Однако, надо полагать, И.И. Голиков имел в виду Федора Ивановича Соймонова (1692–1780) – известного российского гидрографа и военно-морского и государственного деятеля. Ф.И. Соймонов был весьма образованным человеком, оставившим после себя ряд трудов по экономике, географии и истории¹¹. Среди сочинений Соймонова заслуживает внимания «Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого», впервые опубликованное в 1763 г. на страницах «Ежемесячных сочинений» – издания, редактируемого Г.Ф. Миллером. В 1722 г. Ф.И. Соймонов был участником Персидского похода Петра I. При Екатерине II Ф.И. Соймонов, будучи сенатором в московской сенатской конторе, большую часть времени проводил в Москве, где имел репутацию «человека очень почтенного..., к которому благоволила императрица...»¹².

Позднее, в «Дополнении» к своей работе о царе – реформаторе И.И. Голиков расширил рассказ о посещении Петром I Нижнего Новгорода в мае 1722 г. Историк отметил, что посетив 30 мая 1722 г. литургию в Спасо-Преображенский соборе, император «благоволил спросить, в котором месте церкви погребен Козьма Минин; и когда Его Величеству место оное показано, тогда сей Великий Государь, знающий прямую цену заслуг, поклонился месту оному до земли, сказав: на сем месте погребен свободитель и избавитель России. Что можно больше сего придать к славе его? Истинна сего произшествия в Нижнем Новгороде от отцов детям преподается и поныне». В примечании к этому тексту И.И.Голиков добавил: «Преосвященный нижегородский епископ Дамаскин сообщил мне сие предание»¹³. Примечательно, что имя епископа Дамаскина – одного из образованнейших церковных иерархов екатерининской эпохи, фигурирует среди лиц, подписавшихся на изданные «Деяния Петра Великого» И.И. Голикова¹⁴. Итак, знаменитые слова Петра I о Кузьме Минине – «спасителе Отечества» И.И. Голиков привел со

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

слов бытовавшего в Нижнем Новгороде предания, о котором историку сообщил епископ Дамаскин.

Ссылаясь на сочинение И.И. Голикова ряд авторов конца XVIII – начала XIX вв., описывавшие подвиг Минина, приводили рассказ о посещении Петром I в мае 1722 г. могилы Минина, обязательно при этом включив в описание слова императора: «На сем месте погребен свободитель и избавитель России»¹⁵. (Другие варианты – «на сем месте почитет избавитель России», «приветствовал титлом избавителем Отечества»). Вошли они и в знаменитый доклад гимназиста С.В. Ешевского, будущего крупного историка. Этот доклад стал в определенном смысле рубежным в деле развития дискурса «Минин и Петр I».

В Нижнем Новгороде XVIII – первой половины XIX в. бродили предания о визите Петра I в 1722 г. в этот город. Важной, а может быть, первостепенной целеполагающей частью этих сказаний было повествование о почтении, оказанном первым русским императором могиле Кузьмы Минина – спасителя Отечества. Эти глухие уже для XIX в. воспоминания, отразившиеся в труде И.И. Голикова, толкнули П.И. Мельникова-(Андрея Печерского) к созданию полноценного текста, имевшего все атрибуты достоверности.

Утверждать последнее можно, если ознакомиться с мыслями П.И. Мельникова до 1842 г. по поводу визита Петра I в Нижний Новгород в 1722 г.: «О пребывании Петра Великого и Екатерины II в Нижнем-Новгороде к письменным известиям предание добавляет немного. Говорят, что царь в 1722 году велел запечатать Строгоновскую церковь за то, что узнал вней писанные для него в С-Петербурге иконы, а царица в 1767 г. наградила мещанку...»¹⁶. Одно из ранних свидетельств интереса П.И. Мельникова к сюжету «первый император и могила Кузьмы Минина» фиксируется в статье, написанной в 1842 г.¹⁷: «30 мая 1722 года император Петр Великий, быв в соборе Преображенском у обедни, спросил: «Где похоронен Минин?» Ему показали место. Державный, почтив земным поклоном могилу спасителя России, спрашивал о его потомках... С этого времени началась слава Минина, до тех пор почти забытого. Память о нем воскресла...»¹⁸. В этой цитате еще нет слов о спасителе отечестве, но отмечено внимание царя к праху Минина. В более ранней работе, публиковавшейся частями в «Отечественных записках» с 1839 г. по

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

1842 г., рассказ о посещении автором могилы Минина не содержит упоминания Петра I¹⁹. То есть, только в 1842 г. П.И. Мельников начал разрабатывать тему, которая бы связала Петра I и Кузьму Минина.

1842 год примечателен в биографии П.И. Мельникова. Вот, что он писал в 1860-х гг.: «В начале 1841 года Мельников, будучи еще 21 года, обратил на себя внимание покойного министра народного просвещения графа С.С. Уварова, который, узнав об его занятиях, назначил его членом-корреспондентом Археографической Комиссии и поручил разобрать архивы присутственных мест и монастырей Нижегородской губернии... В то время, когда он разбирал эти архивы, дано было ему в 1842 г. по именному высочайшему повелению поручение сделать разыскание, не осталось ли потомков Козьмы Минина. Это было по следующему случаю: в 1836 году блаженной памяти император Николай Павлович, быв в Нижегородском Спасопреображенском соборе, подошел к гробнице Минина, поклонился пред нею до земли и спросил губернатора: остались ли потомки Минина. Губернатор не мог дать положительного на это ответа, и государь приказал ему разыскать, нет ли потомков или родственников бессмертного спасителя России. Такое разыскание губернатор поручил полицмейстеру... Года четыре отыскивал полицмейстер потомков Минина и, наконец, огромная родословная отправлена была в Петербург. Родословная была возвращена, разбор ее и продолжение разысканий поручено было Мельникову, как занимающемуся разбором архивов...»²⁰. Бросаются в глаза жест поклонения Николая I и слова при этом – они идентичны жесту и словам Петра I в описании П.И. Мельниковым в 1842 г.

Отметим явные противоречия в этом тексте. Николай I посещал гробницу Минина во время первого своего визита в Нижний Новгород в 1834 г. – 10 октября. Описание этого события без упоминаний поклонений и интереса к потомкам Минина встречаем в «Очерке истории» Н.И. Храмцовского, современника П.И. Мельникова²¹. В 1836 г. поклонения царя останкам Минина не зафиксировано²². Тем более, что Николаю I сподручно было посетить место погребения во вновь возведенном – освященном именно 17 сентября 1834 г. – кафедральном Спасо-Преображенском соборе (архитектор Ефимов)²³.

Такое временное смещение в «Автобиографии» П.И. Мельникова можно объяснить тем, что он оказался в Нижнем Новгороде в 1838 г. и только по

рассказам очевидцев мог знать детали двух визитов Николая I в город. Однако, как кажется, дело обстоит сложнее. П.И. Мельникову надо было убедить читателя в том, что он получил задание, а не по собственной верноподданнической инициативе, вдохновленной визитом царя к погребению Минина, стал заниматься генеалогией мининских потомков. Убедить можно было тем, что высочайшее поручение возникло после 1836 г. Иначе пришлось бы объяснять, почему царь, посетивший могилу Минина в 1834 г., после следующего визита в 1836 г. еще через 6 лет озаботился правнуками Минина. Если так, то это поручение должно было диктоваться глубокими мотивами, например, такой горячей проникновенностью царя к памяти Кузьмы Минина, чтобы низко кланяться перед усыпальницей.

Поиски Мельникова, очевидно, привели его к текстам И.И. Голикова о посещении Петром I Нижнего Новгорода в 1722 г., об этом событии, повествованию ННЛ и другим, вышеуказанным свидетельствам. Внимание императора Николая I к Минину, для которого Петр I был образцом правителя, делало соблазнительным создание рассказа о почитании первым императором останков спасителя Отечества. Вообще, текст Мельникова 1842 г. выглядит весьма естественно: в Спасо-Преображенском соборе была гробница Минина, и посетивший храм царь должен был уделить ей внимание.

Создаваемый нарратив П.И. Мельникову пришлось вводить окольными путями – через посредство своего ученика, будущего историка Степана Васильевича Ешевского. Кстати, Степа Ешевский оказался в нижегородской гимназии, где П.И. Мельников преподавал историю, осенью 1842 г.²⁴. Уже в 1845 г. С.В. Ешевский представил свою работу «Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году». Она была опубликована в Неофициальной части Нижегородских губернских ведомостей (№ 42/43 1845), чьим редактором являлся П.И. Мельников, переиздан Гациским и в сборнике работ С.В. Ешевского, посвященных русской истории. Ниже этот текст, который стал источником представлений о возрождении Петром I славы Кузьмы Минина изучается текстологически. В каждом отдельном фрагменте доклада С.В. Ешевского, «Деяний Петра Великого» И.И. Голикова и ННЛ применена нумерация сведений: по порядку нумерации того или иного текста нумеруются сведения другого повествования. «Включения» из других источников будут просто указываться.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

В тексте С.В. Ешевского указана дата отправки Петра I в Персидский поход – 1) 15 мая, после литургии и молебна «в Московском Успенском соборе», 2) «на московорецких стругах» 3) «с императрицей Екатериною и множеством вельмож»²⁵. Исходные данные этого сведения обнаруживаются в труде И.И. Голикова о Петре Великом: 1) «Монарх... 15 мая, отслушав Божию службу и молебен в Успенском соборе...», 3) отправился с Великою Супругою своею и со многими знатными особами 2) на струге, называемом московорецким»²⁶. Заметно, что в сочинении Ешевского (Е) используются сведения Голикова (Г), лишь немного изменена последовательность: Е (1 – 2 – 3) и Г (1 – 3 – 2).

Описав отpravку, Ешевский сразу поведал о прибытии царя в Нижний Новгород: «После одиннадцатидневного плавания император 26 мая, в субботу, прибыл в Нижний». У Голикова в тексте нет даты прибытия монарха в город «на устье Оки». Лишь позже в Примечании И.И. Голиков обращает внимание на время отбытия Петра из Нижнего Новгорода (см. ниже). Другая дата читается в ННЛ: «Лета 1722 го Маия в 27 д. впетровъ постъ воскресение изволилиъ прибыть внижней Его Императорское величество Петръ великий...»²⁷. Вероятно, дату – 26 мая – С.В. Ешевский (П.И. Мельников) взял из Отписки архимандрита Макарьево-Желтоводского монастыря Филарета либо напрямую, либо через посредство текста кого-то из авторов, указанных в примечании 15. Знакомство нижегородского гимназиста с походным журналом Петра I менее вероятно.

Тем не менее, «распорядок» первого дня пребывания царя в Нижнем Новгороде Ешевский взял у Голикова. Ученик П.И. Мельникова отметил, что 4) в первый день пребывания в Нижнем Новгороде Петр «остановился в доме именитого человека Строгонова, который пользовался особенным благоволением государя...»; 5) «Тотчас по приезде Петр послал осмотреть флотилию, назначенную для похода в Персию»; 6) «В остальное время первого дня Петр осматривал Нижний, разбросанный по горам, построенный неправильно, но живописно»²⁸. А вот что написано И.И. Голиковым: 5) «В Нижнем Новгороде встретили Монарха... Интендант Потемкин, которому поручено было заготовить суда, потребныя на перевоз войска, провианта и всей военной тягости в Персию, донес Императору, что все оныя сделаны и к ходу приготовлены. Его Величество... нашель между ими несколько неисправно

сделанныхъ в Твери»; 6) (некоторая условность) «А покуда сие исправлялось, неутомимый Государь осмотрел все примечания достойное в городе и 7) потомъ слушавъ в Соборе Божие службу, 8) удостоил своего посещения Архиерея, съ которымъ благоволилъ довольно разговаривать о его Епархии и о средствахъ къ обращению множества... раскольниковъ»; «9) потомъ посетилъ Губернскую Канцелярию... и 4) благоволилъ откушать у Барона Строгонова, бывшаго тогда в Нижнемъ, а 10) на другой день сделал сию же честь Губернатору»²⁹. ННЛ представил еще одну версию первого дня Петра I: 7) «изволили Быть всоборной Церкви Ислушать Литургию»; 8) «Изволили вдоме Архиерейскомъ Упреосвященного питирима Епископа Совсею Свитою хлеба кушать и веселиться». Сравним схемы фрагментов: Е (4 – 5 – 6), Г (5 – 6 – 7 – 8 – 4 – 9 – 10) и ННЛ (7 – 8 (несколько условное совпадение с Г)). 3 известия Е в данном случае совпадают (с одной перестановкой) с 3 свидетельствами отрывка из И.И. Голикова. Фрагмент 4 в Е мог попасть и из Отписки архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря. Тогда объясняется несовпадение мест фрагмента 4 в композициях Е и Г. Совпадающие в ННЛ и Г фрагменты 7–8 в Е отсутствуют. Прежде чем определить, как ими распорядился нижегородский гимназист, уделим внимание тем фразам Ешевского, которые не находят соответствия в Г и ННЛ. Их рассмотрение много дает для понимания текста Ешевского как нарратива.

По прибытию в Нижний Новгород Петру «в первый раз открылась ... величественная картина Волги», об улучшении торговли по которой он думал, желая соединить Балтийское и Каспийское моря. Царь бросился смотреть флотилию – «Так было сильно нетерпение великого человека, не любившего откладывать до завтра того, что можно было сделать сегодня. Во всех своих поступках Петр как будто опасался, что смерть не даст ему кончить великого дела преобразования России и потому никогда не терял ни минуты». Он осматривал город, «разбросанный по горам, построенный чрезвычайно неправильно, но живописно»³⁰. Надо сказать, что Петр I второй раз созерцал «величественную картину Волги»: в 1696 г. он уже бывал в городе на берегах Волги и Оки. Возможно, царь задумался об улучшении торговли по «русской реке» после получения выхода в Балтийское море. И в этих случаях, и в рассуждениях о монументальной жизненной задаче видятся представления гимназиста VII-го класса и его наставника. Очевидно, что П.И.

Мельников уловил симпатии царя Николая I и не преминул еще раз упомянуть монархический идеал в сопровождении добродетелей, которые приписывались безупречному правителю. В словах о городе, построенном неправильно, но живописно определяется мотив одного из нижегородских апокрифов. Согласно ему, зафиксированному в 1877 г. А.С. Гацским: «В 1767 году посетила Нижний императрица Екатерина Великая... К Н. Панину императрица писала о Нижнем, что «Сей город ситуациею прекрасен, но строением мерзок: все либо на боку лежит, либо близко того»³¹. Подобный смысл приписывался позднее и словам Николая I: «Природа сделала все, чтобы украсить это место, а люди – его испортить». Ни Н.И. Храмцовского, ни у А.С. Гацкого этих слов Николая I не фиксируется. Однако, в «Нижегородке» А.С. Гацкого можно обнаружить истоки такого представления: «В тридцатых годах началось в широких размерах внешнее переустройство Нижнего, начатое по повелению императора Николая..., вследствие чего «сей город, ситуацией прекрасный» стал и строением не «мерзок»³². Возможно, характеристика нижегородских природы и людей, данная Екатериной II в XIX в. приписывалась императорам, посещающим город, и закрепились применительно к Николаю I, поскольку тот инициировал реконструкцию города. А вот в тексте С.В. Ешевского мотив природы и строений приложен к Петру I.

Как же С.В. Ешевский распорядился фрагментами 7–8? Они, в голиковской огласовке, оказались перенесенными на следующий день (по Ешевскому – 27 мая): «На следующий день 7) государь был в соборной церкви Преображения Господня. После литургии 8) удостоил посещения Питирима пастыря, знаменитого ревностью в обращении раскольников к православной вере. Петр долго беседовал с епископом о его пастве... От Питирима государь поехал осматривать губернскую канцелярию... и 4) кушал в этот день у Строгонова. 10) На следующий день он удостоил этой чести нижегородского вице-губернатора Ржевского»³³. То есть, у С.В. Ешевского события, описанные И.И. Голиковым I-м и частично II-м днями присутствия Петра в Нижнем, сдвинуты на второй и, частично, третий дни. В ННЛ второй день присутствия – 28 мая – Петр «изволил быть в нижегородской ратуше хлеба кушал изволил Смотреть Инакаружечномъ Дворе былъ весма весель»³⁴. Если под ратушей понять Губернскую канцелярию, то хронологическая канва Голикова (первый день) и Ешевского второй день) совпадает только у второго.

В ННЛ отсутствуют сведения о Петре 29 мая. Зато они есть у Ешевского, как мероприятия третьего дня (28 мая в Е): 10) – 11) «Во время стола государь обратил разговор на гражданина Минина, расспрашивал предания о нем и сожалел, что прекратилось потомство этого спасителя отечества. 12) После обеда Петр отправился взглянуть на пристань, где находились торговые суда, построенные по старинному и неудобные для морской навигации. 13) Недовольный этим, государь сделал строгий выговор вице губернатору и указом 14) повелел через два года строить только такие суда, которые могли бы ходить в моря. 15) Государь приказал... учредить в Нижнем Новгороде верфь для делания мачт, парусов и... такелажа, а мастеров прислать из Петербурга. 16) Главный надзор за верфью поручен был вице-губернатору, вместе с интендантом. 17) Этот указ служит доказательством заботливости и предусмотрительности великого хозяина. В его уме уже было решено присоединение к России богатых шелком областей Кубы и Баку. Государь видел выгодное положение Нижнего, знал, как много этот город соединяет в себе местных удобств, и потому хотел возвысить его торговлю. При усовершенствовании Россия могла бы снабжать шелком Европу. Улучшение судоходства было одним из главнейших средств для достижения сей цели». Далее у Ешевского следует описание событий 29 мая³⁵.

В труде И.И. Голикова можно найти соответствия строкам Ешевского. 10) (фамилия Губернатора не названа)– 11) «за столомъ между прочимъ не оставилъ спросить о потомкахъ славнаго и заслугами къ отечеству именитаго сего града гражданина Козмы Минина; изъявил сожаление свое, что от роду его не осталось (это сведение, как свидетельствует примечание, взято у Соймонова). После обеда... 6) Государь обозревал весь городъ, 12) верфь, на которой строились помянутые суда, и находившиеся на Волге партикулярные суда. Онъ 13) с чувствительнымъ неудовльствиемъ 12) видель ихъ почти все старымъ манеромъ сделанныя; 13) гневался на закоренелую упорность промышленниковъ и на Губернатора, и дал следующий своеручный указъ: «Кто имеетъ... люди у себя суда, на которыхъ возять всякие товары..., оныя бы люди объявляли в Нижнемъ в Губернской канцелярии..., понеже оныя суда будут клеймить погодно, и дать имъ сроку с сего числа два года... , а как два года пройдутъ, то все суда изсечь... 14) В оныя два года... людямъ делать суда такія, которымъ бы можно было ходить и на море для возки товаровъ..., эверсы и новыя романовки, и иныя морскія суда. А делать оныя суда, такъ и

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

такелажъ, не образомъ только, но деломъ..., а ослушниковъ штрафовать сперва деньгами, а в другой разъ и наказаниемъ. 15) И для... судебного строения послать в Санкт-Петербург... указъ о присылке мастеров... в Нижний Новгородъ. Оныя суда делать в тех же пристаняхъ..., а мачты, парусы, якори и прочий такелажъ делать в Нижнемъ Новгороде, и для того учинить верфь... 16) Для надзирания надъ онымъ строениемъ выбрать в Сенате добраго человека, которому состоять под ведениемъ Интенданта Ивана Потемкина... и содержать оную верфь Комиссару; а для лучшей верности... при томъ быть Вице-Губернатору, да по два человека их посадскихъ погодно. 17) Не трудно проникнуть въ мысль Великого сего хозяина, для чего онъ... повелелъ учредить въ Нижнемъ верфь и на Волге строить морския суда: первое для того, что сей городъ стоитъ на середине сей великой реки и на устье Оки, и потому отовсюду стекаются в оный торговые со своими товарами..., имея притомъ намерение присоединить обилующие шелком... Персидския провинции...». Далее повествуется И.И. Голиковым 18) об отплытии Петра на своем «московецкомъ струге» в Казань³⁶.

Можно видеть, что третий день у С.В. Ешевского во-многом заимствован у И.И. Голикова. Только в первом случае Петр остался в Нижнем Новгороде, а втором – отплыл. На странице в книге Голикова, где сообщается об отплытии Петра, есть примечание. Смысл его таков: указы о строении верфей и кораблей в Нижнем Новгороде датированы в указной книге Его Величества 30-м мая, но в описании Каспийского моря³⁷ указано, что Петр прибыл в Казань 27 мая; с последним И.И. Голиков согласиться не мог и определил прибытие царя в Казань в начале июня³⁸. Из всего этого следует, что И.И. Голиков не располагал источниками, где бы содержались даты присутствия царя в Нижнем Новгороде, что царь пробыл в Нижнем 2 дня. Проводя обратный отсчет от 30 мая, можно получить день прибытия царя в город – 29 мая. Такая временная сетка противоречила данным ННЛ и отписке архимандрита Филарета.

Согласно С.В. Ешевскому. 29 мая (в публикации 2001 г. – опечатка – 22 мая, которая проверяется по изданию работ С.В. Ешевского – 29 мая) «государь-император по обыкновению весь день занимался делами и был на всенощной в церкви Рождества Богородицы»³⁹. Такое безликое заполнение дня императора объясняется тем, что в ННЛ 29 мая 1722 г. не описано. Зато в

Отписке Филарета указано, что 30 мая император «соизволил быть у всенощнаго пения в церкви Рождества Пресвятыя Богородицы близ Строганова двора». Выбор царем церкви Рождества Богородицы объясняется тем, что она, построенная и освященная в 1719 г. иждивением Строгановых, включала в свой приход их дома. А, как указано выше, Ешевский, согласно источникам, «поселил» царя в доме Строгановых. При этом Ешевскому пришлось переместить посещение Рождественской церкви с 30 мая на 29 мая.

30 мая оказывается в работе С.В. Ешевского высшей смысловой точкой пребывания Петра I в Нижнем Новгороде. Но сначала посмотрим, как этот день описан в ННЛ: 19) «в день Своего рождения... Мая 30 дня Изъволили быть Государь Игосударыня всоборной Церкви Улитургии Апоокончании Умолебного пения заздравия Ихъ величества... 20) изволили быть в доме Уархиерея Апотомъ Изволилъ ехать вдомъ Господь Баронов Строгоновыхъ такожде ипреосвященный питиримъ Епископъ сдуховными персонами при столе хлеба кушали уего величества». 31 мая Петр отбыл вниз по Волге⁴⁰. У Ешевского: 30 мая в среду – 19) день рождения Петра – 50 лет – рассуждения о том, чего добился царь к этому времени – государь на литургии в соборе пел на клиросе и читал апостол – 21) «После литургии он спросил, где могила Минина и, увидев ее, поклонился до земли и сказал: «Вот истинный спаситель отечества!»» – 20) царь посетил Питирима в кельях и пригласил к обеденному столу, где праздновался юбилей. Затем Петр был в ратуше в доме бургомистра Якова Пушникова. В два часа ночи Петр простился с Питиримом и с вице-губернатором и 18) «отправился на тех же москворецких судах» (почти цитата из Г)⁴¹. Кроме момента поклонения могиле Минину, взятого из «Дополнений» И.И. Голикова, другая информация взята еще в Отписке Филарета: В день памяти Исаакия Далматского царь вновь был на литургии в Спасо-Преображенском соборе, где «соизволил Великий государь петь со своими певчими на правом клиросе и апостол читал сам Императорское Величество». После окончания церковной службы Петр I с женой Екатериной и свитой были «у преосвященнейшаго Питирима епископа в келиях и поздравляли Его Императорскому Величеству». Затем царь «соизволил быть в ратуше в доме бургомистра Якова Пушникова».

Можно подвести итоги текстологического наблюдения. Нумерация фрагментов Е, Г, ННЛ и выстраивание их в цепочку позволяет увидеть не-

оригинальность нарратива С.В. Ешевского. Его текст обнаруживает контаминацию сведений ННЛ, фрагментов сочинений И.И. Голикова, Отписке архимандрита Макарьевского Желтоводского монастыря Филарета. Из первых была взята информация о двух посещениях Петром соборной церкви – 27 и 30 мая 1722 г. У Голикова были позаимствованы рассказы о двух обедах – у Строгонова и у губернатора. У последнего и спрашивал Петр I, согласно И.И. Голикову, о пресечении рода Минина. Так же из этого источника почерпнуты указания на то, что император был на церковной службе до обеда у губернатора, а после него обозревал Волгу. «Дополнения» И.И. Голикова стали источником сцены поклонения Петра I могиле Минина. Этим и объясняется отсутствие интереса у монарха к останкам Минина во время литургии 27 мая в Е: о потомках Минина он спросил на обеде, последовавшем после литургии. Все части доклада С.В. Ешевского соединены идеей поклонения Петра I праху Минина. Общий замысел, стройного текста Ешевского, наверно, был задуман Мельниковым – об этом свидетельствуют его первая попытка 1842 г. и «Автобиография», согласно которой поклонение могиле Минина совершил уже Николай I.

Доклад гимназиста Ешевского зависит от 3-х «источников»: данных, взятых у И.И. Голикова, Отписке Филарета и сведений ННЛ – композиционно, стилистически и наполнен «текстовыми швами». При этом «голиковские данные» доминируют и определяют всю канву. ННЛ и Отписка используются для «расширения» времени присутствия Петра I в Нижнем Новгороде, что позволило равномерно распределить плотный рабочий график царя, описанный И.И. Голиковым и соотнести с событиями, описанными в ННЛ и Отписке. Среди них важное место занимает день рождения монарха. Кроме прочего, С.В. Ешевский и, возможно, его наставник удостоверили текст датами, указаниями на дни недели, приведением точных чисел, которые легко определяются «обратным исчислением», насыщением именами людей, живших в Нижнем Новгороде в 1722 г. Среди этих деталей нет уникальных по сравнению с теми, что приведены в источниках.

«Обратное исчисление» при чтении труда И.И. Голикова лишало нижегородскую историю дня рождения царя – именно тогда император после многих распоряжений прозаически покинул город. А этот день рождения был в ННЛ. Данное событие было нагружено новыми смыслами у С.В. Ешевского.

Он подчеркивал, что Петр I посетил Нижний Новгород в 1722 г., когда минуло 500 лет со дня его основания, когда царю исполнилось 50 лет (30 мая)⁴². Соотношение именно юбилеев (в ННЛ про юбилей и круглую дату не говорится) подчеркивается Ешевским. Но они-то и вызывают сомнения в хронологической точности. В тех источниках, прежде всего в летописях, которые мог использовать будущий историк, основание Нижнего Новгорода дано под 6729 г. (в списках Нижегородского летописца читается 6720 г.) При переводе на летосчисление от Рождества Христова получается 1221 (в Нижегородском летописце 1212) год; в летописях нет даты основания 6730, чтобы перевести ее на летосчисления от Рождества Христова как 1222. Наблюдается нарочитое соотнесение Ешевским дат основания Нижнего Новгорода, его посещения Петром, юбилейных «возрастов» города и царя, визит царя в день своего 50-летнего юбилея на могилу Минина. Поэтому не подходил визит Петра I в 1695 г. В этот юбилейный цикл нижегородской истории вписывается ее достоинство – спасение Отечества Мининым, сопряженное с началом династии, представителем коей был Петр I со всеми своими заслугами. Такое наивное конструирование юбилейной символики было естественным для провинциальных «творцов истории» в XIX в., тем более, для гимназиста.

Так сопрягались 2 символа, игравших важную роль в имперской самоидентификации в русской исторической памяти XIX в.⁴³. Затем этот сюжет быстро распространился, что связано с активным творцом имперского исторического дискурса России – Николаем I. Его связь с Петром I и Мининым проявилась в описании Н.И. Храмцовским визита императора в 1834 г.: «Николай I, как и великий прадед его, первый император России, удостоил поклонением прах Минина, для чего изволил спускаться в склеп под Преображенский собор...»⁴⁴. При визите в 1836 г. император Николай I обратился к городскому главе Ф.П. Переплетчикову, как представителю купцов «... и сограждан знаменитейшего из этого сословия Козьмы Минина»⁴⁵. Этот Переплетчиков же занимался поисками потомков Минина⁴⁶. Все это толкало нижегородцев второй трети XIX в. к увязыванию Минина, причастного к утверждению Романовых, с памятью о Петре I, который был образцом для Николая I.

Примечательно совпадение: в тексте С.В. Ешевского Петр I посещает могилу Минина, и Николай I удостоивает ее целенаправленным вниманием. Это совпадение объясняет, кому адресовался конструкт П.И. Мельникова-

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

С.В. Ешевского о речи Петра I над гробницей. С другой стороны, нижегородская история получала еще одно «место памяти», обусловившее развитие сюжета попутного визита Петра Великого в Нижний Новгород до акта имперско-династического созидания. В 1846 г. П.И. Мельников в «Нижегородских губернских ведомостях» закрепил научное «открытие» ученика: «Читателям нашей газеты известно одно сочинение, бывшее в прошлом году предметом литературной беседы и после того еще раз прочитанное на торжественном собрании гимназии. Мы говорим о статье г. *Ешевского: Пребывание Петра Великого в Нижнем-Новгороде*, статье, которая отличается основательным изучением материалов и благородством тона и изложения»⁴⁷. В этих словах нужно усмотреть средство утверждения основной идеи доклада Ешевского – Петр I и Минин.

Гимназист Ешевский, ведомый наставником, заложил основы расхожего стереотипа о Петре I и Минине, который подпитывался идеологией николаевского времени. С этого момента началось вхождение С.В. Ешевского в историческое пространство России.

На этом моменте заострял внимание крупнейший подвижник и энтузиаст изучения Нижегородского края, первый председатель Нижегородской Губернской ученой архивной комиссии (НГУАК) А.С. Гациский (1838–1893): Ешевский сначала прочитал сочинение, а потом опубликовал в «Нижегородских губернских новостях». Гациский сообщил об этом в только начатой сводной работе «Люди Нижегородского Поволжья». В опыте 6 портретов, составленных Гациским, очерк о С.В. Ешевском⁴⁸ был усилен перепубликацией статьи о визите Петра I. Внимание автора на личности Ешевского знаменательно тем, что большую роль в формировании списка нижегородцев сыграл П.И. Мельников⁴⁹. Так П.И. Мельников-Печерский, переживший своего ученика, прикладывал силы для того, чтобы закрепить его открытие.

Укажем и побочное следствие разработки сюжета о поклонении Петра I останкам Минина. Получается, что в историографии отсутствует точное представление о пребывании Петра I в Нижнем Новгороде в 1722 г. Одна версия восходит к И.И. Голикову, другая – к ННЛ. Остальные, как текст С.В. Ешевского, представляют собой компиляцию элементов двух основных версий. Вот последний из вариантов: «В Нижнем Новгороде Петр пробыл два дня и отметил свой день рождения»⁵⁰. С одной стороны, 2 дня (без указания

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

чисел мая) указывает на текст И.И. Голикова, с другой – день рождения Петра I. Трудно описать, что творится в нижегородской краеведческой среде по поводу визита Петра I к могиле Минина.

В заключении, нужно указать на парадоксальную ситуацию в историографии. Так или иначе, среди историков и общественности без должного скепсиса на веру, как достоверный источник, принимается текст ученика гимназии С.В. Ешевского. Его дальнейшая добросовестная научная карьера удостоверяет данные его доклада. При этом разбираемый нарратив надо отнести к историографии. В этом случае требуются ссылки на источники, которыми пользовался С.В. Ешевский (П.И. Мельников – 7), чтобы представить читателю сцену поклонения Петра I гробнице Минина, ставшего, якобы, началом возрождения славы Минина.

Вывод представленного исследования таков, что на сегодняшний день доклад С.В. Ешевского, как и статью П.И. Мельникова 1842 г., нельзя признавать источниками по визиту Петра I в 1722 г. в Нижний Новгород. Выведение этих текстов из источникового пространства и обуславливает более внимательное отношение к Отписке Филарета и данным, полученным И.И. Голиковым от епископа Дамаскина. Проверить эту версию пока нельзя.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Кузнецов А.А.* Нижегородские тексты С.В. Ешевского // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. Материалы Всероссийской научной конференции. М., 2009. С. 260–263; *Морохин А.В.* К вопросу о посещении Петром I гробницы Кузьмы Минина в мае 1722 г. // Записки краеведов. Нижний Новгород, 2010. С. 95–98; *Кузнецов А.А.* Нижегородские материалы к изучению биографии С.В. Ешевского (*в печати*).
2. *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Нижний Новгород, 2002. С. 428; *Курукин И.В.* Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) М
3. *Максимов Е.К., Мезин С.А.* Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 128.
4. Характеристика из труда 1857 г.: *Архимандрит Макарий.* Памятники церковных древностей. Нижний Новгород, 1999. С. 101. Прим.*.
5. Походный журнал 1722 года. СПб., 1855. С. 36–37.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

6. Цит. по: Прибытие Петра I в Нижний Новгород // Нижегородские Губернские Ведомости. Часть неофициальная. 1855. №22. С. 88.
7. Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 1886. С.101–102. В статье используется переиздание: Новый Нижегородский летописец (переиздание 1886 г.)// *Гациский А.С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 652.
8. Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 2. М., 1872. С. 106.
9. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Часть 8. М., 1789. С. 177. В текстологической части работы используется второе издание труда ИИ. Голикова, сделанное в XIX в.
10. *Захаров А.В.* Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. С. 298, 311, 334, 337, 361.
11. О Ф.И. Соймонове см.: *Гольденберг Л.А.* Федор Иванович Соймонов (1692–1780). М., 1966; *Он же.* Каторжанин – сибирский губернатор: Жизнь и труды Ф.И. Соймонова. Магадан, 1979.
12. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 164.
13. *Голиков И.И.* Дополнение к деяниям Петра Великого. Т. 2. М., 1790. С. 383–384.
14. *Мезин С.А.* Русский историк И.И.Голиков. Саратов, 1991. С. 4. Подробнее о епископе Дамаскине см.: *Евгений, митрополит (Болховитинов)* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской Церкви. М., 1995. С. 72–73.; *Горожанский Я.* Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (1737–1795); Его жизнь и труды. Киев, 1894.; *Колосов Н.А.* Дамаскин Семенов-Руднев, епископ Нижегородский (к 100-летию со дня его кончины). М., 1895.; *Титков Е.П.* Подвижник российского просвещения (творческий путь епископа Дамаскина). Арзамас, 2005.
15. *Ильинский Н.* Описание жизни и бессмертного подвига славного мужа нижегородского купца Козьмы Минина. СПб., 1799. С. 64–65; *Корецкий Ф.* Краткое изображение бессмертных подвигов нижегородского гражданина Козьмы Минина и князя Дмитрия Михайловича Пожарского, взятое из исторических преданий тогдашних времен. М., 1817. С. 86; *Львов П.* Пожарский и Минин,

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

- Спасители Отечества. СПб., 1810. С. 180.; Похвальное слово Князю Пожарскому и Кузьме Минину. СПб., 1807. С. 45. *Полевой Н.* Козьма Минич Сухо­рукой, избранный от всея земли русския человек. М., 1833. С. 28.
16. *Мельников (Андрей Печерский) П.И.* Предания в Нижегородской губернии // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. VII. СПб., 1909. С. 513.
17. *Мельников (Андрей Печерский) П.И.* Где жил и умер Козьма Минин? // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. VII... С. 499.
18. *Мельников (Андрей Печерский) П.И.* Где жил и умер Козьма Минин?... С. 501.
19. *Мельников (Андрей Печерский) П.И.* Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). Т. VII... С. 514, 522–523.
20. *Мельников-Печерский П.И.* Автобиография // *Мельников-Печерский П.И.* Собрание сочинений в 6 т. Т. I. М., 1963. С. 319–320.
21. *Храмцовский Н.И.* История и описание Нижнего Новгорода. Нижний Новгород, 1998. С. 157.
22. *Храмцовский Н.И.* История и описание Нижнего Новгорода... С. 157–158.
23. *Храмцовский Н.И.* История и описание Нижнего Новгорода... С. 226; *Гациский А.С.* Нижегородка // *Гациский А.С.* Последний летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 155.
24. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Степан Васильевич Ешевский. Биографический очерк // *Ешевский С.В.* Сочинения по русской истории. М., 1900. С. I.
25. *Ешевский С.В.* Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году (Публичное чтение ученика VII класса Нижегородской гимназии С.В. Ешевского на торжественном акте гимназии 22 октября 1845 года) // *Гациский А.С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 355–356.
26. *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Том девятый. М., 1838. С. 123.
27. Новый Нижегородский летописец (переиздание 1886 г.) // *Гациский А.С.* Нижегородский летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 652.
28. *Ешевский С.В.* Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году... С. 356.

29. Голиков И.И. Деяния Петра Великого... С. 123–124.
30. Ешевский С.В. Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде в 1722 году... С. 356.
31. Гациский А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец... С. 75.
32. Гациский А.С. Нижегородка // Гациский А.С. Нижегородский летописец... С. 103.
33. Ешевский С.В. Пребывание Петра Великого... С. 356.
34. Новый Нижегородский летописец... С. 652.
35. Ешевский С.В. Пребывание Петра Великого... С. 356–357.
36. Голиков И.И. Деяния Петра Великого... С. 124–126.
37. Под этим описанием надо понимать: *Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763.
38. Голиков И.И. Деяния Петра Великого... С. 126.
39. Ешевский С.В. Пребывание Петра Великого... С. 357.
40. Новый Нижегородский летописец... С. 652.
41. Ешевский С.В. Пребывание Петра Великого... С. 357.
42. Пребывание Петра Великого в Нижнем Новгороде... С. 357.
43. Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263–2000). М., 2007. С. 200.
44. Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода... С. 157.
45. Храмцовский Н.И. История и описание Нижнего Новгорода... С. 158.
46. Гациский А.С. Люди Нижегородского Поволжья // Гациский А.С. Нижегородский летописец... С. 286–287.
47. Нижегородские губернские ведомости. Неофициальная часть. 1846. № 27. Цит. по: Гациский А.С. Воспоминание о С.В. Ешевском. Нижний Новгород, 1865. С. 7.
48. Гациский А.С. Люди Нижегородского Поволжья // Гациский А.С. Последний летописец. Нижний Новгород, 2001. С. 345–352.
49. Гациский А.С. Люди Нижегородского Поволжья... С. 258.
50. Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010. С. 56. И.В. Курукин ссылается на: *Шереме-*

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

тев П.С. Владимир Петрович Шереметев. Т. 1. М., 1913. С. 247–249; Шеленговский И.И. История 69 пехотного Рязанского полка. Т. 1. Люблин, 1909. С. 140.

Приложение 2.

ФАНТОМ КИРИШИ МИНИБАЕВА КАК ЗЕРКАЛО РОССИЙСКОЙ ФОЛК-ИСТОРИИ

Ф. А. Дорофеев

Нижегородский госуниверситет

В ноябре 2005 года авторитетная газета нижегородских мусульман «Медина аль-Ислам» в выпуске, посвященном Дню народного единства, поместила как передовицу статью «Сила России в единстве»¹. В ней среди прочего приводился и такой сенсационный «факт»: «Нижегородский гражданин Минин являлся татаринном, однако этот факт был старательно вычеркнут из исторических источников... идеологами Третьего Рима».

Уже данная фраза вызывает ряд вопросов. Из каких именно источников? Как можно что-то из источника вычеркнуть? Чем идеологам Третьего Рима не угодил гипотетический нижегородский татарин? Ни князей Урусовых, ни Юсуповых, ни предков Ивана Грозного и Бориса Годунова, ни касимовских царей вплоть до «занимавшего российский престол» Симеона Бекбулатовича из российской истории они не вычеркнули, а вот Мининым почему-то занялись? Более того, в том же номере газеты, на странице 14, в статье Н.А. Кустовой «Кузьма Минин, страницы биографии» приводятся цитаты из конкретных (поименованных) документов, из которых видно, что Кузьма не татарин. В соседней с ней анонимной статье «...Муж от рода не славна, но смыслом мудра» тоже речь идёт о родословной Минина и снова ни каких татар мы не обнаруживаем. Такой плюрализм на страницах издания с одной стороны делает честь газете, а с другой является свидетельством намеренного «вброса» новой, непроверенной информации. Правильность нашей догадки, подтверждает и сайт «ИИК Ислам в Нижнем Новгороде»², продублировавший обе последние статьи в электронной публикации, но заметивший в конце них:

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

«Наших читателей может заинтересовать версия происхождения Кузьмы Минина, согласно которой Кузьма Минин (он же Кириша Минибаев) – сын крещеного татарина Мины Анкудинова»³.

И снова без каких-либо ссылок на конкретные источники и литературу. С точки зрения историка упомянутое выше построение нельзя назвать *версией*. Версия объясняет противоречие или ряд фактов как-то по-новому, не так как было принято раньше. При этом она внутренне не противоречива и подразумевает возможность доказательства. А доказательств опять не представили, но назвали версией, намекая, что доказательства есть.

После этого Кириша Минибаев был «пропиарен» рядом телеканалов. Со слов уважаемых муфтиев⁴ и популярных ведущих «версия» пошла в народ. Профессиональные историки, которым задавались вопросы о реальности данного утверждения и его источниках, только пожимали плечами и переадресовывали вопрос нижегородцам, мол, им виднее. Более того, во время поездок в Москву, некоторых авторов сборника «Мининские чтения» коллеги на полном серьезе спрашивали о татарских корнях Минина. В связи с этим и возник повод разобраться в причинах появления «татарского Козьмы» и его не менее татарских предков.

Прежде всего, хочется уверить читателя, что автор настоящего исследования считает, что ничего обидного в том, чтобы иметь среди своих предков татар или, скажем, финнов, нет. Общеизвестным является тот факт, что в 1612 г. на спасение России поднялись многие ее народы, в том числе и татары. Данная статья посвящена не выяснению того, какой национальности был Минин, а выявлению возможного автора идеи «Кириши Минибаева» и мотивов, им двигавших.

Актуальность нашей попытки подтверждает массовая популяризация разбираемой идеи: она была неоднократно растиражирована по телеканалам и газетам. О размахе проекта говорит хотя бы тот факт, что по стандартному запросу «Кириша Минибаев» в сентябре 2006 г. поисковая система Яндекс выдавала 113 страниц не менее чем с 36 сайтов. И это – не считая публикаций в оффлайне, ибо не вся бумажная пресса находит свое отражение в интернете. И крупные издания и малотиражки типа вологодской областной еженедельной газеты «Премьер» поместили статьи, содержащие упоминания о Минибаеве: «Кузьма Минин был «говядарь», то есть мясник (навыки рубщика ему потом пригодятся) и считался очень авторитетным человеком в Нижнем Новгороде.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Например, его избрали земским старостой, это что-то вроде главы местного самоуправления (это не так – Д.Ф.). На то время Минину было 45-50 лет (почему? – Д.Ф.). Кстати (почему «кстати»? – Д.Ф.), есть очень экзотичная (почему «экзотичная»⁵? – Д.Ф.), версия о том, что Минин на самом деле (!? – Д.Ф.), крещеный татарин Кириша Минибаев»⁶.

Нижегородская «Народная весть» 08.11.2005 тоже откликнулась статьёй «Защитник земли русской – Кириша Мининбаев?»⁷. Уже в заголовке мы видим перевернутую фамилию нашего героя, что свидетельствует в пользу того, что раз пошла писать губерния, то ради красного словца не пожалеют и отца. О неустойчивости и бездоказательности построения говорит и факт постоянной вариабельности «крещения татарина»: в одних публикациях «крестится» сам Кириша, в других – его отец.

В итоге этой своеобразной пиар-кампании сведения о Кирише попали уже и в энциклопедии, пусть пока и электронные⁸. Лиха беда начало – пишут же в Большой Советской, что Минин – *Сухорук*, хотя эта догадка была опровергнута уже лет за 100 до выхода статьи.

В программе «Время» на Первом канале 4 ноября 2004 г. мимоходом было заявлено примерно то же самое. Своеобразно объединяя обе версии некий Я.А. Кеслер⁹, претендующий на звание потомка Минина, заявил: «если Вы приедете в Татарстан, то там Вам скажут, что Кириша Минибаев – это тот самый Козьма Захарович Минин-Сухорук». К празднику 2006 года снова ряд изданий реанимировал тему.

Откуда же берёт начало идея о Минине-Минибаеве? Ссылку упомянутая Википедия даёт на электронный же ресурс *Тимура Сулейманова* «Кузьма Минич Минин – татарин Кириша Минибаев»¹⁰, размещенный на сайте «Татары Москвы». Уже до нашего исследования участники Форума «Центральноазиатского исторического сервера» пытались выяснить происхождение идеи и «опытный пользователь *Rahmetov*» писал 16.7.2005: «Первоисточник не Татарлар, а журнал Огонек, где эта статья была впервые опубликована... недавно я прочел у С. Баймухаметова в его книжке по этой теме разъяснения по этому поводу...»¹¹.

Действительно в журнале «Огонёк» № 30 от 29.07.2002 была опубликована статья с интригующим названием «НИЧЕГО НЕ БЫЛО», в которой после обширного подзаголовка, кончающегося фразой: «Рассказывает историк Владимир МАХНАЧ» шла врезка:

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

Земский староста Нижнего Новгорода крещеный татарин Кириша Минибаев, он же Кузьма Минин, действительно сделал то, что сделал. Да не вписался в величественную картину национального единения. После XVIII века о племенной принадлежности Минина упоминать перестали...

Здесь опять ряд вопросов. Почему не вписался? Сейчас эту фигуру, наоборот, используют в качестве примера *национального единения. После XVIII века... упоминать перестали*, а до этого, стало быть, упоминали? Где? Кто? И, наконец, вывод из прочтения подзаголовка, который напрашивается сам собой – «крестный отец» *крещеного татарина* – Владимир Махнач. Но не всё так просто. Вспомним упомянутые выше «разъяснения по этому поводу» С. Баймухаметова. Найти их можно в массовой газете «1 Сентября», предназначенной для учащей и учащейся аудитории. Статья Сергея Баймухаметова «Феноменальный Кузьма» была опубликована в 2003 г.¹²:

«Очень популярный журнал напечатал рядом беседу с профессором Владимиром Махначом и мой очерк – о некоторых моментах в средневековой истории Руси. И между ними – врез-аншлаг крупными буквами: Кузьма Минин – крещеный татарин Кириша Минибаев. Естественно, пошли звонки. Я говорил, что ничего об этом не знаю, спрашивайте Махнача. Владимир Леонидович, как оказалось, тоже ничего не знал и думал, что информация идет от меня. В конце концов выяснилось, что это самодеятельность редактора. В портфеле редакции лежала статья какого-то человека из Нижнего Новгорода, в которой приводились доказательства татарского происхождения Кузьмы. Они решили ее печатать, а для начала дали такой анонс, рекламу. Но вот мистика: статья эта куда-то исчезла. А имени-фамилии, телефона-адреса автора никто отдельно не записал.

Если бы эта история попала ко мне через вторые или третьи руки – не поверил бы: авторы и рукописи нынче не пропадают! Но я знаю ее непосредственно от редактора. Потому и не называю журнал и имена, поскольку всё очень уж на мистику смахивает. Мининскую мистику...».

Разумеется, проще всего всё объяснять божьим промыслом или мистикой. Но история учит нас, что, как только начинают привлекать эти категории, то объяснения чаще всего оказываются самыми прозаическими. Значит, по Баймухаметову получается, что упомянутое утверждение – реклама будущей ста-

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

тьи. Тогда было бы написано: в следующем номере читайте... и т. п. по законам жанра. Здесь этого нет. Кроме того, С. Баймухаметов, утверждая, что это аншлаг, текст цитирует неверно, приближая его к рекламности, придавая фразе отчужденность от нижеследующего текста. Сравнив с вышеприведенным отрывком, убеждаемся что в «Огоньке» текст был иным, а, прочтя следующую за врезкой статью видим, что она о роли татар в истории России, то есть напрямую связана с темой Махнача.

По Баймухаметову оказывается, *статью решили печатать*. Значит, с ней ознакомились, запустили процесс подготовки к печати, уже и анонс дали. Тогда она не могла пропасть. (Это тем более невероятно: «Огонек» – еженедельник.) Ей бы уже несколько человек в редакции занимались, она была бы продублирована на разных компьютерах, да и автор был бы уже в известность поставлен. Нет, все куда-то пропали и даже названия журнала Баймухаметов не дал. Мистика мол. Скорее всего, это не так.

Понятно, почему после выхода «Огонька» стали звонить Баймухаметову. Человек с такой фамилией, в глазах обывателя, наверняка не остался в стороне от рождения татарофильской сенсации. Но он все отрицал: «ничего об этом не знаю, спрашивайте Махнача». Вспомним, именно после этой фамилии шла врезка в журнале¹³. Но «Владимир Леонидович, как оказалось, тоже ничего не знал и думал, что информация идет от меня». Вот тут и начинается самое интересное. Если ознакомиться с публикациями Владимира Леонидовича Махнача, то мы увидим, что имя Кириши Минибаева ему отнюдь не чуждо. Как выяснилось, «родился» Кириша Минибаев не в 2002 и тем более не в 2005 году, а как минимум на несколько лет раньше.

Журнал «Золотой Лев», охарактеризованный издателями как «издание русской консервативной мысли» в сдвоенном № 61–62 поместил статью кандидата исторических наук Владимира Махнача¹⁴, с прекрасным названием «Иго лжеумствования»¹⁵, датированную 2001 г.

Среди рассуждений касательно нашего героя там есть такие строки: «Есть, впрочем, все же одна вещь, за которую русским должно быть перед татарами стыдно. В XVIII веке стало отчего-то неприлично вспоминать об одном человеке как о татарине. Этот человек — великий герой борьбы со Смутой земский староста Нижнего Новгорода Козьма Захарович Минин, он крещеный татарин Кириша Минибаев! Этот факт особенно красноречив на фоне неких

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

попыток ныне вдруг ставшими туркофилами интеллигентов из Казани опорочить исторические взаимоотношения русских и татар. Да уж, за этих господ лишь домыслы, подогреваемые не менее пустыми надеждами подкормиться от Турции, а вот за того же автора этих строк, их оппонента, сам Минин...».

Тут что ни оборот, то повод для вопроса или замечания. Но опустим их для другой статьи, а обратим внимание на детали: снова *XVIII век*, снова *земский староста Нижнего Новгорода*, снова *крещеный татарин Кириша Минибаев* и только слово *упоминать* заменено на *вспоминать*.

Мимо этой цитаты нельзя пройти ещё и потому, что практически без изменений она (как впрочем и вся статья в целом) была перепечатана массовым тиражом тем же автором в центральной газете «Россия» под названием «Наследники Золотой Орды»¹⁶. Более того, она повторена и в ежемесячной политической газете «Гражданин»¹⁷ в том же 2002 г.

Косвенным свидетельством того, что идею о Кирише в редакцию «Огонька» принес Махнач, является и помещение упомянутых статей (его и Баймухаметова) на официальном сайте издания. Слова о Минине стоят после заголовка его статьи. Таким же шрифтом на том же месте в статье Баймухаметова дан совсем другой подзаголовок. Ещё одно косвенное указание на авторство Махнача – это тот факт, что в последние годы в сферу его интересов вошли межнациональные отношения, этнология и русско-ордынские связи. Большое число его статей посвящено Орде и татарам.

Из всего вышесказанного вывод можно сделать только один – к появлению в печати Кириши Минибаева самое непосредственное отношение имеет Владимир Махнач. Рискну даже предположить, что не было никакого «человека из Нижнего Новгорода», который привез в редакцию «Огонька» безвременно и безвестно пропавшую статью, а был стовор В.Л. Махнача и редактора журнала по вбросу новой идеи в массовое сознание. Вообще иногда кажется, что не важно, что пишут про Киришу Минибаева, главное, чтобы фамилия была написано правильно.

Если же отбросить конспирологические, националистические и политические версии происхождения разбираемой идеи, то основной следует считать, что Минин-Минибаев принадлежит миру «фолк-истори». В середине 1990-х гг. в России появилось огромное количество трудов по истории, созданных людьми, далёкими от профессионального занятия исторической наукой и

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

прокламирующих необходимость пересмотра сложившейся модели всемирной и отечественной истории. Совокупность литературы подобного рода получила наименование «фолк-истори».

Д.М. Володихин считает, что фолк-истори – один из жанров массовой литературы, нечто среднее между фэнтези и научно-популярными книжками. Поэтому всякого рода точность здесь отходит на десятый план, уступая роль первой скрипки занимательности. К признакам жанра фолк-истори относятся занимательность и сенсационность; претензии на научность и истину; потребительское использование методов истории и точных наук; национальная и даже националистическая окраска большинства публикаций, обусловленная своеобразно понятым патриотизмом; борьба за справедливость, разоблачение обманщиков; борьба с «захватившими в плен истину» оппонентами (историки-профессионалы, тоталитарное правительство, большевики, идеологи Третьего Рима и т.д.), как следствие – автор – мученик (непризнанный гений, талант), подвергался преследованиям за свою концепцию; наличие тайн и загадок, намёки на знание того, чего не знают другие; народная этимология по правилу: «сходно звучит – сходно по смыслу»¹⁸; вырывание из контекста одного-двух фактов; ориентация на массовую культуру и массового читателя; отсутствие источниковедческих навыков, незнание технических приёмов исторического исследования; сокрытие источников (автору удалось, повезло и т.д. или просто отсутствие ссылок); игнорирование принципа историзма; подпадание автора под обаяние одной идеи, «упертость», повтор одного и того же в разных работах, реже – наличие особого «пунктика», повторяемого во всех работах цикла; как следствие – доводы критиков либо замалчиваются, либо идёт переход на личности этих критиков; отказ от разбора и преодоления доводов оппонентов и предшественников, некритичность к своим и гиперкритичность к чужим аргументам; слабость (отсутствие, непоследовательность) фактической аргументации (часто обоснование фактами заменяется ссылкой на общую «правильность» теории или вписыванием того или иного события, процесса, лица в общую схему; само пребывание внутри этой схемы оказывается гарантией правильности предложенной интерпретации: главное – не знания, а вера (доказательства верующему не нужны); верят же всегда тому, кто пишет бодро, «разоблачает», «выводит на чистую воду» и «срывает покровы»¹⁹); манипуляция сознанием читателя, привлечение его на сторону автора; отличительный авторский приём – обращение к читателю как

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

к нормальному (автор говорит: мы-то с тобой, читатель – нормальные, но посмотри, что же творится вокруг...²⁰); «затягивание» в свой лагерь признанных и непризнанных авторитетов, ссылки на них, часто «битые», стремление показать, что «и такой-то на нашей стороне»; позиционирование себя автором как ученика, продолжателя, подлинного наследника кого-либо... (и Минин на стороне...); логические ошибки по принципу софизма; открытия, переворачивающие традиционные представления, чаще всего – открытие долго скрываемой правды, а отсюда – склонность к политическим выводам; «перекрестное опыление» идеями, когда псевдоисследователи берут «данные» друг у друга; злоупотребление словами-обобщениями: все, большинство, никто, всегда, никогда, всем известно (никому не известно), никто не сомневается, общепризнанно, историки считают...; наличие большого числа добровольных помощников-распространителей новой идеи, более рьяных, чем сам автор идеи (делятся на политически ангажированных (например, националистов) и романтиков (чаще студентов, или лиц из технических областей знания)).

История в подобных произведениях представляет собой антураж, театральные декорации. Историческая реальность в фолк-истории эфемерна: факт никогда не является фактом, а столетие – сотней годов. Традиции жанра состоят в том, что действие может разворачиваться в полном противоречии с исторической реальностью, а географические названия, имена исторических личностей, упоминание источников – всё это работает на эффект максимального приближения к действительности. Любые город, событие в книгах Фоменко или Аджиева – такой же симулякр, как ссылки Борхеса на никогда не живших авторов и никем не написанные книги²¹.

Выводы исследования таковы. Крестным отцом и создателем образа Кириши Минибаева является В.Л. Махнач. Кириша Минибаев – типичный персонаж фолк-истории. В связи с этим поиск реальных документов и аргументов, могущих подтвердить реальность догадки о татарских корнях Минина, не имеет смысла²². Или говоря словами самого В.Л. Махнача: «В самом деле, попытка обращения к истории, к национальной идентификации, когда она предвзятая и малограмотная, способна вызвать самые разные диковатые умонастроения и действия»²³.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Медина аль-Ислам. 2005/1426. № 9(12). С.1–3.
2. ИИК Ислам в Нижнем Новгороде The Islam in Nizhniy Novgorod Islamic Information Channe
3. ИИК Ислам в Нижнем Новгороде The Islam in Nizhniy Novgorod Islamic Information ... www.islamnn.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=696
4. Равиль Гайнутдин, в устном выступлении в День народного единства 2005 утверждал, что «Минин – этнический татарин». Справедливости ради следует отметить, что Обращение Председателя ДУМНО Умар-хазрата Идрисова в связи с празднованием Дня народного единства [03/11/2005] не содержит подобных утверждений.
5. Экзотика (от греч. exotikos – чужой, иноземный), причудливые, необычайные особенности (природы, обычаев, искусства и др.) отдалённых стран.
6. Премьер. 2005. № 43 (424). 2–9 ноября. Адрес статьи: <http://premier.region35.ru/archive/2005/11/np424/s8.html>
7. Защитник земли русской – Кириша Мининбаев // Народная весть. 2005. 11. 08. С.4.
8. Википедия - свободная энциклопедия и её русский вариант – ruWiki.com: «В начале XXI века появились сведения о том, что он был татарин, который до крещения звался Кириша Минибаев, однако подтверждающих фактов нет». Фактов-то нет, но в энциклопедии уже написали. Кстати, Википедия – самая популярная в сети (131 млн посетителей в месяц по данным на март 2005 г.)
9. Ярослав Кеслер. Историк, потомок Минина, как было указано в титрах.
10. *Тимур Сулейманов*. Татары Москвы. Московские татары moskvatatar.ru/index/minin.html
11. На «Огонек» же ссылаются и газета РНЕ, ноябрь 2005: Как Кузьму Минина татарин делали // www.rne.org/sfk/0511/0511-02.shtml, и Н. Бенедиктов, С. Чесноков в статье «Кузьма Минин и идеология» <http://forum.tatar.info/index.php?s=f53ed3dcc41e1c7e8deb09ece135c51&showtopic=2690>. Содержат ссылки на «Огонек» и другие издания.
12. <http://his.1september.ru/2003/28/1.htm>
13. Кроме того, можно учесть и тот факт, что в интернет-версии статьи Махначи и Баймухаметова имеют одинаковое оформление и после обоих заголовков идут «завлекающие подзаголовки». То, что названо *анислагом*, идет после

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

заглавия статьи Махнача, а после основного заголовка статьи Баймухаметова тем же шрифтом идет совсем другая фраза. Это опять свидетельствует в пользу того, что фраза в редакции была произнесена (написана) В.Л. Махначом.

14. Родился в 1948 году. Окончил исторический ф-т МГУ (1973–1978). Специализировался на истории архитектуры. Работал в Музее искусств народов Востока, Музее-заповеднике «Абрамцево», Музее архитектуры. Занимался охраной памятников культуры. В 1986 году создал общественный экспертный совет (ЭКОС) при Главном архитекторе Москвы. С середины 1970-х гг. читал лекционные курсы по русской византийской церковной истории и истории архитектуры в разных квартирах в Москве. Подвергался за это преследованиям КГБ в 1983–1984 гг. С 1990 года – доцент кафедры истории архитектуры МАРХИ. Создатель первых отечественных курсов Истории отечественной культуры и Введения в историю мировых культур (МАРХИ, Литературный институт, МИФИ, гуманитарные классы средних школ). Ведущий научный сотрудник Национального института развития РАН.

15. http://www.zlev.ru/61_8.htm

16. Россия. 18–24 августа 2005 г. С. 11. (еженедельник «Россия» учрежден в 1990 году как издание Президиума Верховного Совета РСФСР). www.russianews.ru/archive/pdfs/2005/33/11-33-2005.pdf.

17. Иголжеумствования // Гражданин. 2002. №19. <http://www.grazhdanin.com/grazhdanin.phtml?var=Arkhiv/2002/19/statya4&number=%B919%A02002%E3>. Кроме того, статья из «Золотого Льва» была перепечатана одной из томских газет патриотической направленности <http://udar.tomsk.ru/php/articals/history/h008.php>

18. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История России в мелкий горошек. М., 1998.

19. Пучков Дмитрий. Интервью. <http://www.oper.ru/torture/print.php?t=1045689092>

20. Там же.

21. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История...

22. Тем не менее, укажем, что большую работу в этом отношении проделал С. Баймухаметов: «В принципе, происхождение слухов объяснимо. Во-первых, в имени Мина есть что-то неизбывно ордынское и татарское. Минулины, Мингазины, Минтемировы, Минбаевы... – очень распространенный корень *мин* в

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

тюркских именах-фамилиях вообще. К тому же татары-мишары... – коренные обитатели нижегородских земель. Во-вторых, влияло на слухи и общеизвестное ордынское происхождение многих русских дворянских родов. Но ведь Кузьма – простолюдин. Если дворянские фамилии Баркаловых, Давыдовых, Злобиных, Минчаковых, Тевяшовых, Уваровых можно проследить по *Общему гербовнику дворянских родов* от пришедших из Орды знатных воинов Минчака Касаева, *Мин-ата*, *Мин-ая*, *Мин-гозы*, то посадские люди родословных записей не вели. И остается лишь гадать, кто там *Мин* от ордынского или татарского (болгарского) Мина, а кто от русского, церковного, с греческим корнем. Наверно, по мотивам этих слухов и была написана известная гравюра художника Горского, на которой Кузьма в воинском облачении ну вылитый ордынец! Наверное, гравюра потом сама по себе породила слухи и догадки. Так всегда бывает...» – Указ. Соч. <http://his.1september.ru/2003/28/1.htm>

От себя же можно добавить, что некоторых татар на форуме смутило имя Анкудин, которое они восприняли как исконно татарское, мусульманское произнося его очевидно с удвоенным Д. («А отчество? Анкуддинов?»). Типа Салах-ад-Дин. Но вряд ли кто вспомнит хотя бы одного татарина с именем Анкудин.

23. *Махнач В.Л.* Наследники Золотой Орды. Россия. 18–24 августа 2005 г. С. 11.

Приложение 3.

Страницы ратной истории Нижнего Новгорода

Вот уже восьмой год в России отмечается общенациональный праздник – День народного единства. За важными и насущными политическими, культурными ценностями, несомыми идеей праздника, немногие помнят, что Нижний Новгород является родиной Дня народного единства. Именно инициатива нижегородцев, складывавшаяся на протяжении полутора столетий, отмечать 22 октября по старому стилю как день памяти подвига ополчения Минина и Пожарского, стала толчком к введению этого праздника. В основе этих «воспоминаний» лежат переломные события 22 октября 1612 г., когда ополченцы,

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

ведомые Пожарским, взяли штурмом укрепления Китай-города и обозначили неминуемую капитуляцию польско-литовского гарнизона в московском кремле. Ополчение было сформировано в Нижнем Новгороде осенью 1611 г. и позднее дополнилось отрядами народов Поволжья, Кинешмы, Ярославля и др.

Один из важнейших праздников РФ, во всех смыслах рожденный в Нижнем Новгороде, несет в себе главную идею – преодоление социокультурного кризиса Российского государства путем военно-патриотического порыва снизу, по народному почину. И на этом фоне недоумение вызывает то, что Нижний Новгород, начавший вооруженной силой выход из Смуты, изгнание интервентов из России, не имеет звания «Город воинской славы»...

Эта историческая несправедливость тем более очевидна при общем экскурсе в историю Нижнего Новгорода.

Ополчение Минина и Пожарского не могло состояться без упорства нижегородцев в годы, предшествовавшие его созыву. Осенью–зимой 1606/1607 гг. отряды болотниковцев, желавших утвердить в Москве очередного самозванца, осадили Нижний Новгород. Сил нижегородского гарнизона для уничтожения многочисленного противника не хватало. Только появление под Арзамасом московского войска вынудило болотниковцев снять осаду. В ноябре–декабре 1608 г. Нижний Новгород оказался в кольце врагов. Так называемые тушинцы (сторонники Лжедмитрия II, сидевшего в подмосковном Тушине), шедшие из Балахны, пытались захватить продовольственные склады купцов на Стрелке (мыс, образуемый впадением Оки в Волгу). 22 ноября 1608 г. нижегородский отряд служилых людей по льду переправился на Стрелку. В ожесточенном бою нижегородцы разбили врага и вывезли все продовольствие в Нижний Новгород. Эта победы определила успешность дальнейших действий нижегородского гарнизона, выдержавшего блокаду. 25 ноября 1608 г. нижегородцы отбили атаку на кремль другого отряда тушинцев из Терюшевской волости. Через четыре дня тушинцы, напавшие на Нижний по Московской дороге, были отброшены. 30 ноября кремль выдержал штурм с четырех сторон. 1 декабря 1608 г. командовавший нижегородским гарнизоном воевода Репнин организовал вылазку и ненадолго рассеял осаждавших, чем обеспечил возможность прибытия в Нижний подмоги. Теперь число его защитников увеличилось, что не замедлило сказаться на изменении положения. 2 декабря ба-

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

лахнинские тушинцы были разбиты у кремля, а нижегородцы во главе с воеводой Алябьевым беспощадно преследовали их до Балахны, овладели ею и привели к присяге царю Василию Шуйскому ее жителей. Через три дня был истреблен тушинский отряд, пришедший из-под Арзамаса.

Затем нижегородцы предприняли усилия, чтобы вернуть под власть законного царя территорию вверх по Оке. 9–11 декабря 1608 г. тушинцы были разбиты ратью Алябьева в двух сражениях под Ворсмой и Павловым. Через неделю другой нижегородский отряд привел к присяге на верность Москве отпавшие от нее Гороховец и Ярополч. 7 января 1609 г. нижегородцы во главе с Алябьевым уничтожили крупный вражеский отряд под селом Богородское и двинулись к Мурому. По пути часть нижегородских сил ушла к Арзамасу, где очистила его окрестности от сторонников Лжедмитрия II. Известие о приближении войска Алябьева вызвало 16 марта 1609 г. восстание в Муроме против «изменников» и поляков. В марте нижегородцы вернули под «руку Москвы» Владимир. В мае 1609 г. Алябьев устроил успешный рейд на Касимов.

До 1611 г. служилый люд Нижнего Новгорода показал себя поборником восстановления порядка, верным присяге на верность законному государю, увеличил число его сторонников. На этом фоне выступление Кузьмы Минина с призывом к нижегородцам идти на освобождение Москвы, их горячий отклик на него уже не выглядят случайными. В свете последних научных изысканий Минина надо считать урожденным нижегородцем. Земская изба, куда Кузьма Минин приходил исполнять обязанности старосты, находилась рядом с храмом Иоанном Предтечи (у подножия Ивановской башни). В этой части города и прозвучал его знаменитый призыв, после которого нижегородцы собрали деньги для организации Ополчения.

Несомненно, что нижегородцев начала XVII в. вдохновляли и более древние боевые традиции. Нижегородский каменный кремль, стены которого оберегли город в Смуту, был построен в начале XVI в., и с тех пор ни один противник не одолел его. Особенно значимым данный факт стал в контексте событий 1520–1540-х гг. 1520-е гг. характеризуются натиском Османской империи на Европу: тогда пал Белград и Родос, была осаждена Вена...

В Восточной Европе орудием турок стали кочевники и ханства Великой Степи. Сразу на русские земли обрушились вражеские орды крымцев, ногайцев, войска Казанского и Астраханского ханств. Кочевники опустошали

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

окрестности Нижнего Новгорода. Великий князь Василий III с 1523 г. целенаправленно превращал Нижний Новгород в оборонительный форпост Российского государства в Поволжье и Поочье. Тем не менее, обстановка в нижегородском регионе оставалась тревожной.

После смерти Василия III в 1533 г. нижегородское Поволжье стало ареной многочисленных набегов, что тяжко отразилось на самом Нижнем Новгороде. Правительство малолетнего Ивана IV направляло в Нижегородскую землю войска, опытных воевод. Однако они не всегда успевали дать отпор отрядам врага. Для нижегородцев эти напасти стали частью повседневности, и потому не всегда фиксировались в документах. Но даже те источники, которые есть в распоряжении историков, свидетельствуют, что Нижний Новгород спасал только Кремль, а посад, пристани, слободы не раз опустошались. В то время сил хватило только на то, чтобы создать на восточном рубеже Московского государства сильную и мощную оборону. Центром ее и стал Нижний Новгород, ежегодно принимавший большое число русских войск, противостоявших врагу. И как символ ведущей роли Нижнего Новгорода в защите границ Российского государства выглядит единственное сооружение, дошедшее до нас от XVI в. (самое древнее в Нижнем Новгороде) – Кремль, ни разу за свою историю не взятый врагом.

Еще раньше – во второй половине XIV столетия – Нижний Новгород был центром крупного княжества, наряду с Москвой, внесшего вклад в освободительное движение русских земель. Идеологом этой борьбы в Нижнем Новгороде стал сподвижник Сергия Радонежского и митрополита Алексия – епископ Дионисий. В 1360–1370-е гг. нижегородцы громили ордынские войска, которые направлял на Русь узурпатор ханского трона – крымский эмир Мамай. Он, разгневанный на нижегородцев, отказывавшихся признать его власть, в 1377 г. бросил на Нижний Новгород орду. Она разгромила нижегородское войско у Пьяны и устремилась на беззащитный Нижний Новгород. Его жители успели, взяв самое ценное, бежать за Волгу. 5 августа 1377 г. город был предан «огню и мечу». В следующем году ордынцы вновь ворвались в Нижний Новгород и разграбили его. Этими погромами надо объяснить отсутствие нижегородцев под стягом Москвы на Куликовом поле.

Даже фактом своего основания Нижний Новгород обязан защитой интересов Северо-Восточной Руси в регионе устья Оки, на Верхней Волге. Грандиозный замысел закрепления Владимирского княжества на устье Оки начал

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

воплощаться после нападения волжских болгар на города Владимирского княжества – Углич и Унжу. В ответ русские дружины в 1220 г. нанесли сокрушительный удар по болгарскому граду Ошелю (ниже устья Камы). Затем князь Георгий стал готовить новый поход, видимо, для того, чтобы навсегда снять угрозу болгарских набегов. Для его предотвращения болгары направили послов с просьбой о мире. После непростых переговоров в Городце был заключен мир. В 1221 г. на устье Оки был заложен город. С тех пор история Нижнего Новгорода неразрывно связана с историей России, ее военным прошлым.

Утверждение града поставило под контроль русских князей всю Оку и позволило ему вырваться из перелесков Волго-Окского междуречья и Клязьминской поймы к заволжским горизонтам. С момента основания и до середины XVII в. Нижний Новгород был щитом земли Русской. Он закрыл для неприятелей речные пути на Верхнюю Волгу, Оку и Клязьму. И неожиданные удары врага, и мобилизация сил в короткое время на его отражение, и пребывание большого числа воинских отрядов, и восстановление разграбленного и сожженного города – все это ляжет тяжким бременем на нижегородцев в первые четыре века его истории.

Эти и другие события нижегородской истории XIII – начала XVII в., в полном смысле слова, обрекают Нижний Новгород на то, чтобы значиться в почетном списке городов воинской славы, если руководствоваться пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О почетном звании Российской Федерации «Город воинской славы»: «Звание «Город воинской славы» присваивается городам Российской Федерации, на территории которых или в непосредственной близости от которых в ходе ожесточенных сражений защитники Отечества проявили мужество, стойкость и массовый героизм...».

В определенном смысле лейтмотив этого закона – «в целях увековечения памяти погибших при защите Отечества» – можно распространить и на события военной истории Нижнего Новгорода после Смутного времени.

Вслед за победой в Северной войне (1700–1721) Петр I отвел Нижнему Новгороду важное место в планах подчинения Кавказа и Закавказья. В 1722 г. Нижний Новгород стал одним из пунктов Персидского похода, итогом которого стало самое глубокое за всю историю России проникновение в Закавказье. Тогда же в Нижнем по императорскому приказу были заложены верфи и выписаны мастера для строительства военных кораблей, которые могли выхо-

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

дить по Волге в море, вести боевые действия и высаживать десанты на побережье. Очевидно, что традиции этого воплотились в военно-морской продукции нижегородского (горьковского) завода «Красное Сормово». Выпущенные на нем подводные лодки зарекомендовали себя и в Великую Отечественную, и в последующие десятилетия как верные стражи безопасности нашей Родины.

В 1812 г. в Нижнем Новгороде было организовано ополчение. Образцом для него, впрочем как и для ополчений других городов, стало ополчение 1611–1612 гг. Неслучайно и то, что в марше ополчения были слова:

Врагу там можно ль покориться,
Где щит Отечества в сердцах?
Здесь всё Отчизне посвятится!
Здесь *Минина* священный прах!

Нижегородское ополчение прошло с боями по немецким землям в 1813–1814 гг. Домой вернулось около 6,5 тысяч ратников – чуть более половины. Остальные положили свои жизни в боях с войсками Наполеона. Все нижегородские ополченцы за свои подвиги были представлены к медалям и орденам.

Всем известен вклад города Горького в Победу в Великой Отечественной войне. Но не всегда вспоминается о том, что город был в буквальном смысле затронут боевыми действиями. В октябре 1941 г., когда немцы рвались к Москве, произошла первая бомбардировка Горького. Главной целью люфтваффе в 1941 г. был железнодорожный мост через Волгу. Его уничтожение сулило перерезать снабжение техникой, боеприпасами войск, защищавших Москву. Горький прикрылся зенитными установками, которые размещались на месте будущих микрорайонов Щербинки, Печеры, на башнях кремля, колокольнях храмов... Ни одна бомба не упала на мост... Успехом врага стало выведение из строя на три месяца цеха конвейерной сборки ГАЗа летом 1943 г. В воздушном пространстве Горького было сбито 14 вражеских самолетов. Один из них был сокрушен тараном истребителя П.И. Шавурина 27 июня 1943 г. Обломки «юнкерса» затем были брошены к постаменту памятника В.П. Чкалова.

Нижний Новгород на протяжении восьми веков своей истории в каждом столетии отметился как город-воин, защищавший Русскую землю. Обороняя Отечество, нижегородцы зачастую играли решающую роль в спасении Российской государственности.

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени

А.А. Кузнецов (д.и.н., заведующий кафедрой историографии и источниковедения, декан исторического факультета ННГУ), А.Н. Маслов (к.и.н., доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков), А.В. Морохин (к.и.н., доцент кафедры историографии и источниковедения), В.А. Сомов (д.и.н., профессор кафедры современной отечественной истории).

Историография ополчения Минина
и Пожарского в контексте изучения
Смутного Времени